LIFE FOR GOD

Лекции моим студентам

Чарльз Сперджен

ИСКУССТВО ПРОПОВЕДИ

Полный русский перевод

1875

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Первая серия (1875). Полный текст: предисловие, заявление о Колледже пасторов и все 13 лекций.

Русский перевод подготовлен священником Сергеем Кауди для Life for God.

Английская электронная транскрипция полностью сопоставлена с историческим изданием Sheldon & Company (Нью-Йорк, 1875), с. 5–297. Исправлены ошибки транскрипции, восстановлены пропущенные греческие цитаты и исходные места авторских сносок. Сохранены исторические формулировки и небольшие различия английского словоупотребления транскрипции; это текст для чтения, а не буквальное факсимильное воспроизведение набора 1875 года. Новый русский перевод передаёт полный авторский текст без сокращений. Авторские примечания сохранены; редакционные обозначены отдельно.

Исторический английский текст находится в общественном достоянии в США. Чужие современные предисловия, комментарии и русские переводы в издание не включены.

Богословские суждения и исторические примеры принадлежат автору. Редакционные примечания обозначены отдельно. Номера абзацев введены для ссылок и сопоставления языков.

Читать на сайте Life for God →

Источники

C. H. Spurgeon, Lectures to My Students. First Series. New York: Sheldon & Company, 1875 (historical scan)

Spurgeon HQ · Lectures to My Students · First Series (electronic transcription)

Содержание

Об издании 2
Источники 2
Содержание 3
Предисловие и пояснение 4
Колледж пасторов 7
Лекция 1. Внимай себе 10
Лекция 2. Призвание к служению 37
Лекция 3. Уединённая молитва проповедника 71
Лекция 4. Наша общая молитва 90
Лекция 5. Содержание проповедей 119
Лекция 6. О выборе текста 138
Лекция 7. О духовном истолковании 164
Лекция 8. О голосе 185
Лекция 9. Внимание! 213
Лекция 10. Способность говорить без подготовки 235
Лекция 11. Приступы уныния у служителя 257
Лекция 12. Повседневные разговоры служителя 276
Лекция 13. Работникам со скудными средствами 291
Примечания 308

Предисловие и пояснение

[1] В ответ на многочисленные просьбы служителей, которые в студенческие годы слушали мои лекции, я отдаю некоторые из них в печать. Однако мне необходимо объясниться: эти беседы первоначально не предназначались для широкой публики и едва ли готовы предстать перед судом критики.

[2] Мои лекции в колледже носят разговорный, непринуждённый характер, полны историй и нередко юмора. Я намеренно делаю их такими, сообразуясь с обстоятельствами. В конце недели я встречаюсь со студентами и нахожу их утомлёнными более строгими занятиями; поэтому считаю за лучшее говорить с ними как можно живее и занимательнее. Они уже насытились классическими языками, математикой и богословием и способны воспринять лишь то, что привлечёт и удержит их внимание и воспламенит сердца. Наш почтенный преподаватель, мистер Роджерс, сравнивает мою пятничную работу с затачиванием булавки: в течение недели уже изготовили головку, выпрямили стержень, нанесли металл и отполировали его; остаётся завершить дело, придав ему остроту. Чтобы это удалось, сам лектор не должен быть скучным и не должен требовать от слушателей чрезмерного напряжения.

[3] Среди моих молодых братьев я чувствую себя столь же свободно, как в собственной семье, а потому говорю без стеснения. Читатели великодушные примут это во внимание; надеюсь, все, кто удостоит меня критическими замечаниями, принадлежат именно к этому благородному разряду.

[4] Возможно, кто-нибудь язвительно отзовётся о том, как часто я говорю о себе, своих приёмах и личных воспоминаниях. Это тоже сделано намеренно. Я сознательно придал всему почти автобиографический оттенок: мой собственный опыт, каков бы он ни был, — самый самостоятельный вклад, который я способен внести; для моих студентов он имеет не меньший вес, чем любой другой доступный мне материал. Я не мог бы ссылаться на опыт других людей, если бы им не хватило смелости записать его. Записывая свой, я честно стараюсь признать долг перед моими более великими предшественниками. Происходит ли это от себялюбия, каждый читатель пусть решает в зависимости от кротости или желчности собственного нрава. Отцу прощают, когда он рассказывает сыновьям историю своей жизни, находя в этом самый доступный способ подкрепить наставления. Старому солдату прощают, когда он «вскидывает костыль на плечо и показывает, как выигрывали сражения». Прошу и ко мне в этом случае проявить ту же снисходительность.

[5] Я избавил бы себя от немалого труда, если бы приберёг эти лекции для повторения перед новыми наборами студентов. Печатая их, я не сознаю за собой иного побуждения, кроме желания сохранить мои советы в памяти тех, кто слушал их много лет назад, и донести их до людей за пределами нашей аудитории. Наш век стал чрезвычайно практичным; ему нужны служители не только верные учению и духовные, но также естественные в речи и обладающие здравой практической смёткой. Чиновное служение больно к смерти; жизнь — законная наследница успеха, и она вступает в свои права. Манерность, напыщенность и условные приличия, некогда столь влиятельные в религиозном мире,

утрачивают почтение людей так же, как боги высокого Олимпа, ради которых в былые века поэты настраивали лиры, а скульпторы оживляли мрамор красотой. Истина и жизнь должны победить; их победа ближе всего тогда, когда они сбрасывают погребальные пелены условности и притворства. Как отрадно проломить ногой дранку и штукатурку старых ужимок, чтобы освободить место гранитным стенам действительности! Это было одной из главных моих целей; да пошлёт Бог успех моему труду.

6 Серьёзное дело христианского служения требует от человека всего — и всего в наилучшем состоянии. Заниматься им вполсердца значит оскорблять Бога и людей. Лучше пусть сон оставит наши веки, чем мы допустим гибель людей. И всё же все мы склонны спать, как и прочие; студенты в том числе нередко уподобляются неразумным девам. Поэтому я старался высказать всю свою душу, надеясь не породить и не поддержать в других вялости. Да благословит Тот, в Чьей руке церкви и их пастыри, эти слова для младших братьев по служению. Если так будет, я сочту себя вознаграждённым с избытком и с благодарностью прославлю Господа.

7 Если это издание будет иметь успех, я надеюсь вскоре выпустить в таком же виде труд о комментировании Писания, содержащий полный каталог комментариев, а также вторую серию лекций. Буду признателен за любую помощь в распространении книги: её цена не приносит прибыли, а людей, интересующихся нашими предметами, недостаточно для очень большого тиража. Поэтому лишь благодаря доброй помощи всех расположенных к нам друзей я смогу издать остальные задуманные тома.

Колледж пасторов

[1] Колледж пасторов начал свою деятельность в весьма скромных размерах в 1856 году. С тех пор он обучил и направил на служение не менее трёхсот пятидесяти человек. За вычетом умерших и выбывших по другим причинам около трёхсот из них остаются в баптистском братстве, проповедуя Евангелие Иисуса Христа. Кроме того, гораздо большее число людей бесплатно учится по вечерам, получая подготовку для работы городскими миссионерами, распространителями христианских книг или для полезного служения в качестве рядовых христиан.

[2] Наше учебное заведение не принимает человека для того, чтобы сделать его проповедником. Оно создано, чтобы помочь дальнейшему образованию братьев, которые уже проповедуют с некоторым успехом не менее двух лет. Многим людям, искренне ревнующим о добре и обладающим сложившимся христианским характером, мешает недостаток знаний. Сознавая свои недостатки, они стараются совершенствоваться, но отсутствие наставника, нехватка книг и времени препятствуют их росту. Именно таких людей приветствует Колледж пасторов. Те, в ком есть благочестие, ревность и пребывающий в них Дух, не должны бояться, что у наших дверей им откажут из-за бедности, если они обладают необходимым проповеднику даром слова.

[3] Колледж стремится готовить прежде всего проповедников, а не учёных. Развить способность свободно говорить, помочь понимать слово Божье, воспитать дух посвящения, мужество и доверие Богу — столь важные цели, что всё остальное мы ставим на

второе место. Если студент узнает тысячу вещей, но так и не научится достойно проповедовать Евангелие, его обучение не достигнет своего истинного назначения. Если стремление к литературным наградам и отличиям в классических науках настолько займёт его ум, что отвлечёт от дела всей жизни, оно принесёт скорее опасность, чем пользу. Мудрость приобретать души — вот мудрость, которой должны обладать служители.

4 В Колледже пасторов исповедуются и преподаются определённые вероучительные положения. Мы держимся учения о благодати и старой правоверной веры и не сочувствуем бесчисленным богословским новшествам наших дней: они новы лишь по внешней форме, а по существу повторяют давно опровергнутые заблуждения. Наша позиция в вопросах учения хорошо известна; мы не заявляем о такой широте терпимости, которая стирает вероучительные различия. И всё же не убывает число искренних людей, собирающихся под нашим знаменем с убеждением, что истинную свободу можно найти только в истине.

5 Колледж содержится на добровольные пожертвования народа Господня. У нас нет списка подписчиков, обязавшихся вносить деньги, хотя многие друзья помогают регулярно. Мы уверены, что Бог восполнит все наши нужды; до сих пор Он неизменно это делал. Руководитель колледжа никогда и ни в каком виде не получил от этой работы ни фартинга для себя. Напротив, он с радостью отдаёт ей всё, что может, — и деньги, и безвозмездный труд, — а потому тем увереннее обращается к другим с просьбой помогать ему содержать это заведение. Никакая работа не может принести человечеству большей пользы, чем подготовка

служителей, избранных Богом: вокруг них возникают церкви, школы и всевозможные учреждения религиозного и благотворительного служения. Нам заповедано молиться о работниках на Господней жатве; значит, мы обязаны делами доказывать искренность своих молитв.

[6] Для продолжения этой работы каждую неделю требуется не менее ста фунтов.

[7] Ч. Г. Сперджен. Найтингейл-лейн, Клэпем, Суррей.

Лекция 1. Внимай себе

[1] «Вникай в себя и в учение». — 1 Тимофею 4:16.

[2] Каждый мастер знает, что инструменты необходимо содержать в исправности: ведь «если притупится железо, и если лезвие его не будет отточено, то надобно будет напрягать силы». Когда топор затупился, мастер понимает, что ему придётся тратить больше сил, иначе работа будет выполнена плохо. Микеланджело, избранник изящных искусств, так хорошо понимал значение инструментов, что всегда собственноручно изготовлял себе кисти. В этом мы видим подобие действия Бога благодати, Который с особой заботой готовит для Себя каждого истинного служителя. Конечно, Господь, подобно Квентину Массейсу в предании об ограде антверпенского колодца, может работать и самым несовершенным инструментом: порой Он использует даже весьма неразумную проповедь для обращения людей. Он может действовать и вовсе без посредников, спасая человека без проповедника и непосредственно прилагая слово к его сердцу Святым Духом. Но исключительные действия Божьего полновластия не могут служить правилом для нас. В Своей неограниченной свободе Он вправе поступать так, как Ему угодно; нам же следует руководствоваться тем, чему учит обычный и ясно различимый порядок Его действий. Один из несомненных фактов состоит в том, что Господь обычно сообразует средства с целью. Отсюда следует простой урок: вероятнее всего, мы совершим больше, находясь в наилучшем духовном состоянии. Иными словами, обычно мы лучше всего исполняем дело нашего Господа, когда наши дарования и благодатные качества в

порядке, и хуже всего — когда они пришли в расстройство. Это практическая истина, которой мы должны руководствоваться; исключения, допускаемые Господом, лишь подтверждают правило.

[3] В известном смысле мы сами — собственные инструменты, а потому обязаны содержать себя в порядке. Если я хочу проповедовать Евангелие, то могу пользоваться только своим голосом; следовательно, мне необходимо развивать его возможности. Я могу мыслить только собственным умом и чувствовать только собственным сердцем; значит, должен воспитывать свои умственные и душевные способности. Плакать о людях и мучительно бороться за их души я могу лишь силами своей обновлённой природы; поэтому должен бдительно сохранять в себе ту чуткость, которая была во Христе Иисусе. Напрасно я буду пополнять библиотеку, учреждать общества и разрабатывать планы, если пренебрегаю работой над собой. Книги, организации и системы — лишь косвенные орудия моего святого призвания; мой собственный дух, душа и тело — ближайшие средства священного служения. Мои духовные силы и моя внутренняя жизнь — вот мой боевой топор и оружие. Макчейн, обращаясь в письме к другу-служителю, который путешествовал ради совершенствования в немецком языке, выразил ту же мысль: «Я знаю, что ты будешь усердно заниматься немецким, но не забывай о воспитании внутреннего человека — я говорю о сердце. Как старательно кавалерийский офицер хранит свою саблю чистой и острой! С какой тщательностью стирает с неё каждое пятнышко! Помни: ты — Божий меч, Его орудие; надеюсь, избранный Его сосуд, которому поручено нести Его имя. Успех в значительной мере зависит от чистоты и

совершенства орудия. Бог благословляет не столько великие таланты, сколько сходство с Иисусом. Святой служитель — грозное оружие в руке Божьей».

4 Духовное расстройство самого вестника Евангелия — тяжелейшее бедствие и для него, и для его дела. И всё же, братья мои, как легко возникает это зло и какой бдительности требует защита от него! Однажды я ехал скорым поездом из Перта в Эдинбург. Внезапно мы остановились: в одном из двигателей сломался совсем маленький винт — в сущности, у каждого паровоза два двигателя. Когда мы снова тронулись, пришлось ползти, потому что работал лишь один поршневой шток вместо двух. Не хватало всего одного винтика! Будь он цел, поезд мчался бы по железному пути; но отсутствие этой ничтожной железки расстроило весь механизм. Рассказывают, что на одной из железных дорог Соединённых Штатов поезд остановился из-за мух, попавших в смазочные коробки колёс. Сходство полное: человек, во всех прочих отношениях пригодный для полезного дела, из-за малого недостатка может оказаться сильно стеснённым в работе или вовсе бесполезным. Это тем печальнее, что речь идёт о Евангелии, по самой своей природе способном приносить величайшие плоды. Страшно, когда целительный бальзам теряет силу по вине того, кто неумело его применяет. Все вы знаете, как часто вода портится, протекая по свинцовым трубам. Так и само Евангелие, проходя через духовно нездоровых людей, может быть искажено настолько, что станет вредоносным для слушателей. Боюсь, кальвинистское учение превращается в чрезвычайно дурное наставление, когда его излагают люди нечестивой жизни и представляют как прикрытие распущенности. С другой стороны, арминианство с его широко открытым предложением

милости может тяжело повредить душам, если беспечный тон проповедника внушает слушателям, будто они способны покаяться в любую удобную минуту и потому евангельский призыв не требует немедленного ответа. Более того, если проповедник беден благодатью, то даже прочное добро, возникшее благодаря его служению, обычно окажется слабым и несоразмерным тому, чего можно было ожидать. За обильным севом последует скудная жатва; прибыль от вверенных талантов будет почти незаметной. Говорят, что два или три поражения в недавней американской войне объяснялись плохим порохом, поставленным армии недобросовестными подрядчиками: артиллерийский огонь не производил должного действия. То же может случиться с нами. Мы можем промахнуться, не достигнуть цели и потратить время впустую, потому что в нас нет подлинной жизненной силы — или её недостаточно, чтобы Бог мог благословить нас, не противореча Своим святым целям. Берегитесь быть проповедниками низкой пробы.

[5] ОДНОЙ ИЗ ПЕРВЫХ НАШИХ ЗАБОТ ДОЛЖНО БЫТЬ ТО, ЧТОБЫ МЫ САМИ БЫЛИ СПАСЁННЫМИ ЛЮДЬМИ.

[6] Тот, кто учит Евангелию, прежде должен сам стать его причастником. Истина проста, но это правило первостепенной важности. Мы не принадлежим к тем, кто признаёт апостольское преемство молодых людей только потому, что они сами на него притязают. Если годы их учёбы отличались скорее весельем, чем духовной жизнью, если их награды связаны скорее со спортивными упражнениями, чем с трудами ради Христа, мы требуем иных свидетельств, нежели те, которые они могут представить. Ни суммы, уплаченные учёным докторам, ни объём классических знаний, полученных взамен, не кажутся нам доказательствами призвания свыше. Первое непременное условие — истинное, неподдельное благочестие. На какое бы «призвание» человек ни ссылался, если он не призван к святости, то, несомненно, не призван и к служению.

[7] «Сперва приведи в порядок себя, а потом украшай брата», — говорят раввины. «Рука, желающая очистить другого, — говорит Григорий, — сама не должна быть грязной». Если ваша соль потеряла силу, как вы осолите других? Обращение — необходимое условие служения. Вы, стремящиеся на наши кафедры, «должны родиться свыше». И никому нельзя считать это первое качество чем-то само собой разумеющимся: вполне возможно ошибаться относительно того, обращены мы или нет. Поверьте мне: утверждать своё призвание и избрание — не детская забава. Мир полон подделок и кишит людьми, потакающими плотскому самомнению; они слетаются к

служителю, как стервятники к падали. Наши собственные сердца лукавы, так что истина лежит не на поверхности: её приходится доставать из глубочайшего колодца. Мы должны исследовать себя с величайшей серьёзностью и тщательностью, чтобы, проповедуя другим, самим не оказаться отверженными.

[8] Как ужасно быть проповедником Евангелия и оставаться необращённым! Пусть каждый из присутствующих тихо скажет своей душе: «Как страшно будет, если я сам не знаю силы той истины, которую готовлюсь возвещать!» Необращённое служение создаёт самые противоестественные положения. Пастор, лишённый благодати, подобен слепцу, избранному профессором оптики: он рассуждает о свете и зрении, объясняет другим тончайшие оттенки и нежные сочетания цветов призмы, а сам пребывает в полной темноте! Он — немой на кафедре музыки; глухой, красноречиво говорящий о симфониях и гармонии! Он — крот, взявшийся воспитывать орлят; морское блюдечко, избранное начальствовать над ангелами. Здесь были бы уместны самые нелепые и гротескные сравнения, если бы предмет не был столь серьёзен. Человек оказался в страшном положении: он взялся за дело, к которому совершенно, всецело, безусловно непригоден; однако эта непригодность не освобождает его от ответственности, потому что он добровольно её принял. Какими бы ни были его природные дарования и умственные способности, к духовному делу он совершенно не годен, если не имеет духовной жизни. Его долг — оставить служительскую должность, пока он не приобретёт это первое и самое простое условие пригодности к ней.

9 Необращённое служение столь же страшно и с другой стороны. Если человек не послан Богом, в каком несчастном положении он находится! Что в духовном опыте своей паствы может он найти себе в утешение? Что должен он чувствовать, слыша вопли кающихся, их тревожные сомнения и глубокие страхи? Должно быть, он изумляется, что его слова получили такое подтверждение! Слово необращённого человека может быть благословлено к обращению душ: Господь, не признавая самого человека, всё же чтит Свою истину. В какое замешательство должен приходить такой служитель, когда к нему обращаются с трудностями зрелые христиане! На пути духовного опыта, которым идут его возрождённые слушатели, он неизбежно теряется. Как ему слушать об их радости на смертном одре или разделять их восторженное общение за трапезой Господа?

10 Молодые люди, отданные в обучение ненавистному ремеслу, нередко убегали в море, лишь бы не заниматься тягостным делом. Но куда бежать человеку, который на всю жизнь связан с этим святым призванием и при этом совершенно чужд силе благочестия? Как он может ежедневно звать людей ко Христу, сам не зная Его любви, явленной в смерти? О друзья, это ведь непрестанное рабство! Такой человек должен ненавидеть вид кафедры так же, как галерный раб ненавидит весло.

11 И как бесполезен должен быть такой человек! Ему приходится вести путников по дороге, которой он никогда не проходил, направлять корабль вдоль берега, ни одного ориентира которого он не знает. Он призван наставлять других, сам оставаясь невеждой. Чем он может быть, кроме безводного облака, дерева, на котором одни

листья? Представьте караван в пустыне: люди изнемогают от жажды, готовы умереть под палящим солнцем, наконец добираются до долгожданного колодца — и, ужас из ужасов, не находят в нём ни капли воды! Так и души, жаждущие Бога, приходя к служителю без благодати, оказываются на грани гибели: воды жизни здесь нет. Лучше вовсе упразднить кафедры, чем поставить на них людей, не имеющих опытного знания того, чему они учат.

12 Увы, невозрождённый пастор становится ещё и чрезвычайно вредоносным: среди причин, порождающих неверие, нечестивые служители занимают одно из первых мест. На днях я читал, что никакая разновидность зла не обладает такой поразительной разрушительной силой, как необращённый приходской служитель с органом стоимостью в тысячу двести фунтов, хором нечестивых певцов и аристократической паствой. Автор считал, что вне ада нельзя найти более сильного орудия, ведущего людей к погибели. Люди приходят в свой молитвенный дом, удобно усаживаются и думают, что, конечно же, являются христианами. Между тем вся их религия состоит в слушании оратора, услаждении слуха музыкой и, возможно, глаз — изящными жестами и модными манерами. Всё это ничуть не лучше того, что они слышат и видят в опере; быть может, даже уступает ей в художественном отношении и ни на йоту не превосходит её в духовном. Тысячи людей довольны собой и даже благодарят Бога за то, что они благочестивые поклонники, а сами продолжают жить невозрождёнными, без Христа: имеют вид благочестия, но отрекаются от его силы. Тот, кто возглавляет систему, не стремящуюся ни к чему выше внешней обрядности, гораздо больше служитель дьявола, чем служитель Бога.

[13] Проповедник, ограничивающийся внешней формой, вредоносен, даже пока сохраняет видимое равновесие. Но поскольку у него нет удерживающей силы благочестия, рано или поздно он почти неизбежно оступится в нравственной жизни. И в каком положении он тогда окажется! Как будут хулить Бога и поносить Евангелие!

[14] Страшно подумать, какая смерть ждёт такого человека и что будет с ним после неё! Пророк изображает вавилонского царя, сходящего в преисподнюю: все цари и князья, которых он погубил и чьи столицы разорил, встают со своих мест в царстве мёртвых и приветствуют павшего тирана язвительной насмешкой: «И ты сделался подобен нам?» Разве нельзя представить, как человек, бывший служителем, но проживший без Христа в сердце, сходит в ад, а все заключённые там духи, некогда слушавшие его, и все нечестивцы его прихода поднимаются и горько говорят: «И ты стал таким, как мы? Врач, неужели ты не исцелил самого себя? Ты, называвший себя сияющим светильником, низвергнут во тьму навеки?» О, если уж погибнуть, то только не так! Погибнуть в тени кафедры страшно; насколько же страшнее погибнуть на самой кафедре!

[15] В сочинении Джона Беньяна «Вздохи из ада» есть ужасный отрывок, который часто звучит у меня в ушах: «Сколько душ погубили слепые священники своим невежеством! Их проповедь была для душ тем же, чем крысиный яд — для тела. Боюсь, многим из них придётся отвечать за целые города. Ах, друг! Говорю тебе: взявшись проповедовать народу, ты, возможно, взялся за нечто, чего сам не понимаешь. Разве не будет тебе мучительно видеть, как весь твой приход с рёвом следует за тобой в ад, крича: “Вот за что мы должны благодарить

тебя! Ты боялся говорить нам о наших грехах, чтобы мы не перестали достаточно исправно набивать тебе рот. О проклятый несчастный! Ты, слепой вождь, не удовольствовался тем, что сам упал в яму, но увёл туда и нас!”»

[16] Ричард Бакстер в «Реформированном пасторе», среди множества других серьёзных наставлений, пишет: «Внимайте себе, чтобы самим не оказаться лишёнными той спасительной благодати Божьей, которую вы предлагаете другим, и чуждыми действенной силе Евангелия, которое проповедуете; чтобы, возвещая миру необходимость Спасителя, не пренебречь Им в собственном сердце и не остаться без участия в Нём и Его спасительных благах. Внимайте себе, чтобы не погибнуть, предостерегая других от погибели, и не умереть с голоду, приготовляя им пищу. Хотя обращающим многих к правде обещано сиять, как звёзды (Даниил 12:3), это предполагает, что прежде они сами обратились к правде: такие обещания даются caeteris paribus, et suppositis supponendis — при прочих равных условиях и при соблюдении необходимых предпосылок. Искренность их собственной веры есть условие их славы как таковой, хотя великие труды служения могут быть условием обещания большей славы. Многие предостерегали других, чтобы те не попали в место мучения, и при этом сами спешили туда. Немало проповедников ныне в аду, хотя они сотни раз призывали слушателей приложить все старания, чтобы его избежать. Может ли разумный человек вообразить, что Бог спасёт людей за то, что они предлагали спасение другим, сами от него отказываясь, и сообщали другим истины, которыми сами пренебрегали и злоупотребляли? Многие портные ходят в лохмотьях, хотя шьют другим дорогие одежды; многие повара едва

облизывают пальцы, приготовив другим самые изысканные блюда. Поверьте, братья: Бог никогда не спасал человека за то, что тот был проповедником, и даже за то, что был искусным проповедником, но спасал как оправданного и освящённого человека, а потому и верного в деле своего Господина. Поэтому прежде всего внимайте себе: будьте теми, кем убеждаете стать других; верьте в то, во что ежедневно убеждаете верить их; всем сердцем примите Того Христа и Того Духа, Которых предлагаете другим. Повелевший вам любить ближних, как самих себя, тем самым подразумевал, что вы должны любить и себя, а не ненавидеть и губить и себя, и их».

17 Братья мои, пусть эти веские слова произведут на вас должное действие. Кажется, больше ничего добавлять не нужно. Но я прошу вас: исследуйте себя и тем самым извлеките настоящую пользу из сказанного.

18 Когда решён этот первый вопрос — о подлинности веры, — СЛЕДУЮЩЕЙ ПО ВАЖНОСТИ ЗАБОТОЙ СЛУЖИТЕЛЯ ДОЛЖНА СТАТЬ ЖИЗНЕННАЯ СИЛА ЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ.

19 Он не должен довольствоваться положением рядового христианина: ему надлежит быть зрелым, преуспевшим в вере человеком. Ведь служителей Христа справедливо назвали «лучшими из Его избранных, избранными из Его избрания, церковью, выделенной из церкви». Будь человек призван к обычному положению и обычному труду, он, возможно, удовлетворился бы обычной мерой благодати, хотя и такое довольство было бы ленивым. Но, будучи избран для особенных трудов и призван на место необычайной опасности, он должен стремиться к той превосходящей обычную силе, которая одна соответствует его положению. Пульс его живого благочестия должен биться сильно и ровно; око веры — быть ясным; шаг решимости — твёрдым; рука действия — быстрой; весь внутренний человек — обладать наилучшим здоровьем. Говорят, египтяне выбирали жрецов из самых учёных философов, а затем так высоко ценили жрецов, что из их числа избирали царей. Нам нужны для Божьего служения лучшие из всего христианского воинства — такие люди, что, если бы народу потребовались цари, ему нечего было бы желать лучшего, чем возвести их на престол. Самые слабые умом, робкие, плотские и неуравновешенные из нас не годятся в кандидаты на кафедру. Есть работы, которых мы никогда не поручили бы больному или увечному. Человек может быть непригоден для подъёма на высокие здания: у него кружится голова, и высотная работа подвергла бы его

большой опасности. Пусть он непременно остаётся на земле и найдёт полезное занятие там, где устойчивость к головокружению не столь важна. Есть братья с подобными духовными недостатками: их нельзя призывать к заметному и возвышенному служению, потому что они не умеют держаться на высоте. Стоит им добиться небольшого успеха, и они опьянеют от тщеславия — порока, слишком распространённого среди служителей, менее всего им подобающего и вернее всего ведущего к падению. Если бы нашему народу пришлось защищать родные дома и очаги, мы не послали бы навстречу врагу мальчиков и девочек с мечами и ружьями. Так и церковь не должна посылать защищать веру любого бойкого новичка или неопытного ревнителя. Страх Господень должен научить молодого человека мудрости, иначе путь к пастырству для него закрыт; благодать Божья должна сделать его дух зрелым, иначе лучше ему подождать, пока не будет дана сила свыше.

[20] Необходимо старательно поддерживать самый высокий нравственный облик. Многие, вполне пригодные быть простыми членами церкви, непригодны к церковной должности. Я придерживаюсь очень строгих взглядов относительно христиан, впавших в тяжкий грех. Я радуюсь тому, что они могут подлинно обратиться и что их можно принять в церковь, сочетая надежду с осторожностью. Но я сомневаюсь — глубоко сомневаюсь, — что тяжко согрешившего человека следует с готовностью возвращать на кафедру. Как замечает Джон Энджелл Джеймс: «Если проповедник праведности стоял на пути грешных, ему не следует вновь открывать уста в великом собрании, пока его покаяние не станет столь же известным, как его грех». Пусть те, кого обрили сыны Аммона, остаются в Иерихоне, пока не отрастут бороды.

Эти слова часто обращали в насмешку к безбородым юношам, к которым они явно не относятся; зато они вполне точно подходят как образ людям обесчещенным, утратившим доброе имя, сколько бы лет им ни было. Увы, однажды сбритую бороду репутации трудно отрастить вновь. Открытая безнравственность в большинстве случаев, каким бы глубоким ни было покаяние, служит роковым признаком того, что благодатные качества служителя никогда не были свойственны этому человеку. Жена Цезаря должна быть выше подозрений; не должно быть и дурных слухов о прежнем несоответствии жизни служителя его призванию, иначе надежда на полезное служение будет слабой. Таких падших следует принимать в церковь как кающихся; их можно принять и в служение, если Сам Бог поставит их туда. Я сомневаюсь не в этом, а в том, ставил ли их туда Бог вообще. Моё убеждение состоит в том, что мы должны крайне неохотно помогать возвращению на кафедру людей, которые уже прошли испытание и показали, что у них слишком мало благодати, чтобы выдержать решающую проверку служительской жизни.

21 Для некоторых дел мы выбираем только сильных. И когда Бог призывает нас к служительскому труду, мы должны искать благодати, чтобы укрепиться и стать пригодными к своему положению, а не оставаться новичками, увлекаемыми сатанинскими искушениями во вред церкви и на собственную погибель. Нам надлежит стоять во всеоружии Божьем, готовыми к подвигам, которых не ожидают от других. Самоотречение, забвение себя, терпение, постоянство и долготерпение должны стать для нас повседневными добродетелями. Но кто способен к этому? Нам необходимо жить очень близко к

Богу, если мы хотим оказаться верными своему призванию.

22 Помните, служители: от силы вашего благочестия зависит вся ваша жизнь, особенно пастырская. Если ревность охладевает, вы будете плохо молиться на кафедре, ещё хуже — в семье и хуже всего — наедине, в своём кабинете. Когда ваша душа истощится, слушатели, не понимая как и почему, почувствуют, что ваши общие молитвы почти не питают их. Возможно, они заметят вашу бесплодность раньше вас самих. Затем упадок обнаружится и в проповедях. Вы можете пользоваться столь же удачно выбранными словами и столь же стройными предложениями, как прежде, но утрата духовной силы будет ощутима. Вы встряхнётесь, как в прежние времена, — так поступил Самсон, — и обнаружите, что великая сила оставила вас. В повседневном общении с паствой люди скоро заметят это повсеместное угасание благодатных качеств. Зоркие глаза увидят первые седые волосы гораздо раньше вас. Если человек страдает болезнью сердца, в ней заключены все прочие беды: страдают желудок, лёгкие, внутренние органы, мышцы и нервы. Так и духовное ослабление сердца вскоре даёт почувствовать своё иссушающее действие всей жизни. Более того, из-за вашего упадка в той или иной мере пострадает каждый слушатель. Сильные преодолеют угнетающее влияние, но слабым будет причинён серьёзный вред. Между нами и слушателями такое же соотношение, как между карманными и городскими часами. Если наши часы идут неверно, это почти никого, кроме нас, не введёт в заблуждение; но если собьются часы Конной гвардии или Гринвичской обсерватории, половина Лондона потеряет счёт времени. Таков и служитель: он — приходские часы;

многие сверяются по нему, и если он неточен, все они в большей или меньшей степени сбиваются. Он несёт значительную долю ответственности за грех, к которому тем самым побуждает. Братья мои, нам невыносимо об этом думать. Нельзя спокойно задержаться на этой мысли даже на минуту — и всё же мы должны смотреть ей в лицо, чтобы уберечься от такой беды.

23 Помните также, что нам требуется особенно сильное благочестие, потому что опасность, грозящая нам, гораздо больше, чем опасность для других. В целом нет положения, которое подвергалось бы столь сильному натиску искушений, как служение. Вопреки распространённому мнению, будто наша жизнь — уютное убежище от искушений, наши опасности многочисленнее и коварнее тех, с которыми встречаются обычные христиане. Наше положение может быть выгодной высотой, но эта высота опасна, и для многих служение стало Тарпейской скалой. Если спросить, каковы эти искушения, нам не хватит времени перечислить их все. Среди них есть и грубые, и утончённые. К грубым относится невоздержанность за столом: у гостеприимных людей поводов для неё предостаточно. Есть и плотские искушения, непрестанно окружающие молодых неженатых мужчин, возвышенных среди восхищённого множества молодых женщин. Но довольно об этом: собственная наблюдательность вскоре покажет вам тысячи ловушек, если только ваши глаза не ослеплены. Есть более тайные сети, из которых труднее вырваться; худшая из них — превращение веры в служебную обязанность: привычка читать Библию как служитель, молиться как служитель, исполнять всю свою религиозную жизнь так, словно она касается нас лишь по должности, а не лично. Утратить личный характер

покаяния и веры — поистине тяжёлая утрата. «Никто, — говорит Джон Оуэн, — не проповедует хорошо другим, если прежде не проповедует собственному сердцу». Братья, придерживаться этого чрезвычайно трудно. Вместо того чтобы помогать нашему благочестию, как утверждают некоторые, должность из-за испорченности нашей природы становится одним из самых серьёзных препятствий для него; по крайней мере, я испытываю именно это. Как мы сопротивляемся и боремся с формальным исполнением обязанностей — и как легко оно всё же обвивает нас, словно длинная одежда, которая путается в ногах бегуна и мешает ему бежать! Дорогие братья, берегитесь этого и всех прочих соблазнов своего призвания. Если до сих пор вы были бдительны, продолжайте бодрствовать до последнего часа жизни. Мы назвали лишь одну опасность, а их поистине легион. Великий враг душ не оставляет ни одного средства неиспробованным, чтобы погубить проповедника. «Внимайте себе, — говорит Бакстер, — потому что искуситель направит на вас свой первый и самый яростный натиск. Если вы выступите предводителями в борьбе с ним, он не пощадит вас ни в чём, кроме того, в чём Бог удержит его. Он сильнее всего злобствует против тех, кто намерен причинить ему наибольший вред. Как он ненавидит Христа больше, чем любого из нас, потому что Христос — Полководец и Вождь нашего спасения, делающий против царства тьмы больше, чем весь остальной мир, так по той же причине он уделяет предводителям под началом Христа больше внимания, чем простым воинам, соразмерно их положению. Он знает, какое смятение может внести в остальных, если предводители падут у них на глазах. Он давно испытал этот способ войны: сражаться, сравнительно говоря, “ни с

малым, ни с великим”, а прежде всего с ними, “поражать пастырей, чтобы рассеять стадо”. Успех его был столь велик, что он будет следовать этому способу, пока сможет. Поэтому внимайте себе, братья: враг особенно пристально смотрит на вас. Вам достанутся его тончайшие внушения, непрестанные уговоры и жестокие нападения. Как бы ни были вы мудры и учёны, берегитесь, чтобы он не перехитрил вас. Дьявол — больший учёный, чем вы, и более ловкий спорщик. Ради обмана он способен принять вид ангела света; он проникнет к вам и собьёт с ног прежде, чем вы это заметите. Он незаметно разыграет перед вами свои фокусы, обманом лишит веры или непорочности, а вы даже не узнаете об утрате. Больше того, он заставит вас поверить, будто утраченное умножилось и возросло. Когда он поднесёт наживку, вы не увидите ни крючка, ни лесы, ни тем более самого искусного рыболова. Приманки будут так точно подобраны к вашему нраву и складу, что он непременно найдёт преимущество внутри вас самих, заставит собственные убеждения и склонности предать вас; всякий раз, когда он вас губит, он делает вас орудием вашей же гибели. О, каким торжеством он сочтёт возможность сделать служителя ленивым и неверным, вовлечь его в корыстолюбие или позор! Он будет хвалиться перед церковью: “Вот ваши святые проповедники! Смотрите, чего стоит их строгость и куда она их приводит!” Он станет хвалиться перед Самим Иисусом Христом: “Вот Твои защитники! Я могу заставить лучших Твоих слуг оскорблять Тебя; могу сделать неверными домоправителей Твоего дома”. Если он так дерзко говорил Богу на основании ложного предположения и уверял, что заставит Иова проклясть Его в лицо (Иов 1:2), то что будет, если ему действительно

удастся одолеть нас? Наконец, он станет издеваться и над вами: ведь ему удалось заставить вас изменить великому доверию, запятнать святое звание и столько послужить тому, кто был вашим врагом. О, не доставляйте сатане такого удовольствия! Не давайте ему столь весёлого зрелища! Не позволяйте обращаться с вами, как филистимляне с Самсоном: сперва лишить силы, потом выколоть глаза, а затем сделать предметом торжества и насмешки». [2] [6]

24 И ещё: нам следует взращивать благочестие в самой высокой степени, потому что этого настоятельно требует наша работа. Труд христианского служения совершается хорошо ровно настолько, насколько сильна наша обновлённая природа. Наше дело благополучно лишь тогда, когда благополучны мы сами. Каков работник, такова и работа. Противостоять врагам истины, защищать твердыни веры, хорошо управлять домом Божьим, утешать всех скорбящих, назидать святых, направлять растерянных, терпеть своенравных, приобретать и взращивать души — всё это и тысяча других дел предназначены не Малодушному и не Хромающему, а Великодушному, которого Господь укрепил для Себя. Поэтому ищите силы у Сильного, мудрости у Премудрого — словом, всего у Бога всего сущего. [5]

25 В-третьих, пусть служитель заботится О ТОМ, ЧТОБЫ ЕГО ЛИЧНЫЙ ОБЛИК ВО ВСЁМ СООТВЕТСТВОВАЛ ЕГО СЛУЖЕНИЮ.

26 Все мы слышали о человеке, который так хорошо проповедовал и так плохо жил, что, когда он находился на кафедре, все говорили: ему никогда не следует с неё сходить; а когда он был вне её, все утверждали: ему никогда не следует на неё подниматься. Да избавит нас Господь от подражания такому Янусу! Да не будем мы священниками Божьими у алтаря и сынами Велиала за дверью скинии. Напротив, будем, как Назянзин говорит о Василии, «греметь учением и сверкать жизнью». Мы не доверяем двуличным людям; не поверят и нам, если свидетельство наших слов противоречит свидетельству поступков. Поскольку, согласно пословице, дела говорят громче слов, дурная жизнь непременно заглушит самое красноречивое служение. В конце концов, самое настоящее созидание совершается нашими руками; наш характер должен убеждать сильнее нашей речи. Здесь я хотел бы предостеречь вас не только от грехов поступка, но и от грехов упущения. Слишком многие проповедники забывают служить Богу вне кафедры: их жизнь противоречит проповеди тем, чего они не делают. Дорогие братья, отвергните с отвращением мысль стать заводными служителями, которые живут не постоянным присутствием благодати внутри, а временным внешним воздействием. Такие люди бывают служителями лишь на время, под давлением часа служения, и перестают быть ими, сойдя по ступеням кафедры. Истинные служители остаются служителями всегда. Слишком многие проповедники похожи на песочные игрушки, которые мы покупаем детям: перевернёшь коробочку — маленький

акробат крутится и крутится, пока не пересыплется песок, а потом повисает неподвижно. Так и некоторые продолжают служить истине лишь пока к этому обязывает должность; дальше же — нет платы, нет «Отче наш»; нет жалованья, нет проповеди.

27 Страшно быть служителем, чья жизнь противоречит его словам. О нашем Господе говорится, что Он был подобен Моисею, потому что был «пророк, сильный в деле и слове». Человеку Божьему следует и здесь подражать своему Учителю: быть сильным и словом учения, и делом примера, а если возможно, то вторым ещё сильнее. Примечательно, что единственная имеющаяся у нас церковная история — это «Деяния апостолов». Святой Дух не сохранил их проповедей. Они были очень хороши — лучше всех, которые нам когда-либо удастся произнести, — и всё же Святой Дух позаботился именно об их «деяниях». У нас нет книг апостольских постановлений. Когда мы проводим церковные собрания, то записываем протоколы и решения, но Святой Дух записывает «деяния». Наши дела должны быть достойны записи, потому что они будут записаны. Нам следует жить под непосредственным взглядом Бога, словно в сиянии великого дня, который всё обнаружит. [4]

28 Святость служителя — одновременно его главная необходимость и лучшее украшение. Одного нравственного совершенства недостаточно: требуется высшая добродетель. Последовательность характера необходима, но она должна быть помазана священным освящающим елеем; иначе недостанет того, что делает нас особенно благоуханными перед Богом и людьми. Старый Джон Стоутон в сочинении «Достоинство и долг проповедника» настаивает на святости служителя в таких

веских выражениях: «Если Оза должен был умереть за одно прикосновение к ковчегу Божьему, притом ради того, чтобы удержать его от падения; если жители Вефсамиса — за то, что заглянули в него; если даже животным, приблизившимся к святой горе, грозит смерть, — то какими должны быть люди, допущенные к доверительной беседе с Богом, к тому, чтобы “предстоять пред Ним”, как ангелы, и “всегда видеть лицо Его”, “нести ковчег на плечах”, “нести имя Его перед народами”, — словом, быть Его посланниками? “Дому Твоему, Господи, принадлежит святость”. Разве не нелепо вообразить, будто сосуды должны быть святы, облачения святы, всё должно быть свято, и лишь тот, на чьей одежде написано “Святыня Господня”, может быть несвятым? Будто конские колокольчики у Захарии должны иметь надпись о святости, а колокольчики святых, колокольчики Аарона, могут остаться неосвящёнными? Нет, они должны быть “горящими и светящими светильниками”, иначе их влияние будет испускать нечто зловредное. Они должны “жевать жвачку и иметь раздвоенные копыта”, иначе нечисты; должны верно преподавать слово и прямо ходить в жизни, соединяя жизнь с учением. Если святости нет, посланники бесчестят страну, из которой пришли, и государя, который их послал. И этот мёртвый Амессай — это мёртвое учение, не оживлённое доброй жизнью, — лежит на дороге и останавливает народ Господень, не давая ему бодро продолжать духовную брань». [7]

29 Жизнь проповедника должна быть магнитом, привлекающим людей ко Христу; поистине печально, когда она отталкивает их от Него. Святость служителей — громкий призыв грешникам к покаянию; соединённая со святой радостью, она становится удивительно привлекательной. Джереми Тейлор говорит своим

богатым языком: «Голуби Ирода никогда не привлекли бы в свои голубятни столько чужих птиц, если бы их не смазывали опобальзамом. Ведь Дидим сказал: “ἐὰν μύρῳ χρίσῃς τὰς περιστερὰς, καὶ ἔξωθεν ἄλλας ἄξουσιν” — “сделай своих голубей благоуханными, и они привлекут целые стаи”. Если твоя жизнь превосходна, если твои добродетели подобны драгоценному миру, ты вскоре побудишь вверенных тебе людей устремиться “in odorem unguentorum” — “на благоухание твоих мастей”. Но ты должен отличаться не “tanquam unus de populo” — “как один из народа”, а “tanquam homo Dei” — “как человек Божий”. Ты должен быть человеком Божьим, жить не по обыкновенному человеческому образцу, а “по сердцу Божьему”; люди будут стремиться уподобиться тебе, если ты уподобляешься Богу. Но если ты стоишь лишь у дверей добродетели, единственно затем, чтобы не впустить грех, ты привлечёшь в Христову ограду только тех, кого загоняет туда страх. “Ad majorem Dei gloriam” — “делать то, что больше всего прославит Бога”, — вот правило твоего пути. Ибо делать лишь то, что обязан делать всякий, — свойство раба, ещё не сыновняя любовь; тем менее можешь ты быть отцом для народа, если не достигаешь даже меры сынов Божьих. Ведь закрытый фонарь, хотя с одной стороны в нём и теплится слабый свет, едва осветит путь одному человеку; тем более он не поведёт множество и не привлечёт многих последователей сиянием своего огня».

30 Другой, не менее замечательный епископ-богослов[1] метко и кратко сказал: «Звезда, приведшая мудрецов ко Христу, и огненный столп, ведший сынов Израиля в Ханаан, не только светили, но и шли впереди них (Матфей 2:9; Исход 13:21). Голос Иакова принесёт мало пользы, если руки — руки Исава. Закон запрещал человеку с

каким-либо телесным недостатком приносить жертвы Господу (Левит 21:17–20); этим Господь учил нас, какие благодатные качества должны быть у Его служителей. На одежде священника должны были находиться колокольчики и гранатовые яблоки: первые изображали здравое учение, вторые — плодоносную жизнь (Исход 28:33–34). Господь явит Свою святость в тех, кто приближается к Нему (Исаия 52:11); грехи священников вызывают у народа отвращение к приношению Господню (1 Царств 2:17). Их нечестивая жизнь бесчестит их учение. “Passionem Christi annunciant profitendo, male agendo exhonorant”, — как говорит блаженный Августин: “исповеданием возвещают страдания Христа, злыми делами бесчестят их”. Учением они созидают, а жизнью разрушают. Завершу эту мысль полезным отрывком из письма Иеронима к Непотиану: “Пусть твои дела, — говорит он, — не посрамляют твоего учения, чтобы слушающие тебя в церкви не отвечали про себя: почему ты сам не делаешь того, чему учишь других? Слишком изнежен тот наставник, который с полным брюхом убеждает других поститься. И разбойник может обличать корыстолюбие. Sacerdotis Christi os, mens, manusque concordent — у служителя Христа должны быть в согласии уста, сердце и рука”». [3]

[31] Весьма выразительно говорит и Томас Плейфер в сочинении «Хорошо говори, хорошо поступай»: «В городе Смирне был смешной актёр: произнося “O coelum! О небо!”, он указывал пальцем на землю. Когда Полемон, один из самых видных людей города, увидел это, он не смог больше оставаться и в сильном раздражении покинул общество со словами: “Этот глупец сделал грамматическую ошибку рукой, он сказал дурную латынь пальцем”. Таковы и те, кто хорошо учит, но дурно

поступает: небо у них на кончике языка, а земля — на кончике пальца. Они не только говорят неверную латынь языком, но и ложное богословие руками; их жизнь не соответствует проповеди. Но Сидящий на небесах посмеётся над ними и освищет их со сцены, если они не исправят своей игры».

32 Даже в мелочах служителю следует заботиться о соответствии жизни своему служению. Особенно важно никогда не нарушать данного слова. Здесь нужно доходить до щепетильности: осторожность не может быть излишней. Истина должна не только жить в нас, но и сиять из нас. Один знаменитый лондонский доктор богословия — прекрасный и благочестивый человек, ныне, я не сомневаюсь, пребывающий на небесах, — однажды в воскресенье объявил, что собирается посетить всех своих прихожан. Чтобы успеть за год побывать у каждого и у его семьи, он намеревался обходить по порядку всех занимавших места в храме. Один хорошо знакомый мне человек, тогда бедняк, обрадовался мысли, что служитель придёт к нему домой. За неделю или две до предполагаемой очереди жена стала особенно тщательно подметать очаг и поддерживать порядок в доме, а муж спешил пораньше вернуться с работы, каждый вечер надеясь застать доктора. Так продолжалось довольно долго. Но доктор то ли забыл обещание, то ли устал его исполнять, то ли по иной причине так и не пришёл в дом этого бедняка. В результате человек потерял доверие ко всем проповедникам и говорил: «О богатых они заботятся, а до нас, бедных, им нет дела». Много лет он не мог остановиться ни на одной общине, пока наконец случайно не зашёл в Эксетер-холл. После этого он годами оставался моим слушателем, пока Провидение не увело его от нас. Мне было нелегко убедить его, что служитель

вообще может быть честным человеком и одинаково любить богатых и бедных. Будем избегать подобного вреда, чрезвычайно внимательно относясь к своему слову.

33 Мы должны помнить, как пристально за нами наблюдают. Людям обычно не хватает дерзости нарушать закон на глазах у окружающих; мы же живём и действуем именно в такой открытости. За нами следят тысячи орлиных глаз. Будем поступать так, чтобы нам не пришлось тревожиться, даже если к зрителям присоединятся всё небо, вся земля и весь ад. Наше публичное положение — великое преимущество, если мы способны являть в своей жизни плоды Духа. Смотрите, братья, не упускайте его.

34 Говоря вам, дорогие братья, заботиться о своей жизни, мы имеем в виду даже мельчайшие черты характера. Избегайте мелких долгов, непунктуальности, сплетен, обидных прозвищ, пустячных ссор и всех прочих небольших пороков, от которых в благовонии заводятся мухи. Мы не должны допускать потакания себе, погубившего доброе имя столь многих. Нам следует целомудренно избегать фамильярности, из-за которой другие оказались под подозрением. Нужно отказаться и от грубости, сделавшей некоторых неприятными, и от щегольства, сделавшего других смешными. Мы не вправе подвергаться большим опасностям из-за мелочей. Нашей заботой должно быть соблюдение правила: «Никому ни в чём не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение».

35 Это не означает, что мы обязаны подчиняться каждой прихоти или моде общества, в котором вращаемся. Вообще я ненавижу светские моды и терпеть не могу условности; если бы счёл правильным нарушить

какое-нибудь правило этикета, то сделал бы это с удовольствием. Нет, мы люди, а не рабы; мы не должны отказываться от своего человеческого достоинства и свободы, превращаясь в лакеев тех, кто изображает благородство или хвалится утончённостью. И всё же, братья, от всего, что приближается к грубости, сродной греху, нужно бежать, как от гадюки. Правила Честерфилда кажутся нам смешными, но пример Христа — нет; а Он никогда не был грубым, низким, неучтивым или бестактным.

36 Даже во время отдыха помните, что вы служители. Вне строя вы всё равно остаётесь офицерами Христова воинства и должны вести себя соответственно. Но если нужно следить за малым, то насколько внимательнее следует относиться к великим вопросам нравственности, честности и цельности! Здесь служитель не должен терпеть неудачу. Его частная жизнь обязана всегда звучать в согласии со служением, иначе его день скоро закатится. И чем раньше он тогда уйдёт, тем лучше: оставаясь в должности, он лишь бесчестит дело Божье и губит самого себя.

37 Братья, время, отведённое нашей лекции, истекло; нам пора закончить.

Лекция 2. Призвание к служению

[1] Всякий христианин, способный распространять Евангелие, имеет на это право; более того, это не только его право, но и обязанность на протяжении всей жизни (Откровение 22:17). Распространение Евангелия поручено не немногим, а всем ученикам Господа Иисуса Христа. Согласно мере благодати, вверенной ему Святым Духом, каждый обязан служить в своё время и своему поколению — и в церкви, и среди неверующих. В сущности, речь идёт не об одних мужчинах: это относится и ко всему другому полу. Мужчины они или женщины, все верующие, получая силу от Божьей благодати, обязаны прилагать все усилия к распространению знания о Господе Иисусе Христе. Однако наше служение не обязательно должно принимать именно форму проповеди; в некоторых случаях оно несомненно не должно этого делать — например, в случае женщин, которым публичное учительство прямо запрещено (1 Тимофею 2:12; 1 Коринфянам 14:34). Но если у нас есть способность проповедовать, мы обязаны её применять. В этой лекции, однако, я говорю не о проповеди от случая к случаю и не о какой-либо иной форме служения, общей для всех святых, а о деле и должности блюстителя. Она включает и учительство, и руководство церковью, требует посвящения всей жизни духовному труду и оставления всякого светского занятия (2 Тимофею 2:4). Она даёт человеку право ожидать от церкви Божьей обеспечения земных нужд, поскольку всё своё время, силы и старания он отдаёт благу тех, над кем поставлен (1 Коринфянам 9:11; 1 Тимофею 5:18). Именно к такому человеку обращены слова Петра: «Пасите Божие

стадо, какое у вас, надзирая за ним» (1 Петра 5:2). Но все в церкви не могут надзирать или управлять: должны быть и те, о ком заботятся и кем руководят. Мы верим, что Святой Дух поставляет некоторых в церкви Божьей блюстителями, а другим даёт готовность принимать эту заботу ради собственного блага. Не все призваны трудиться в слове и учении, быть пресвитерами или исполнять должность блюстителя. И не всем следует стремиться к такому труду, поскольку необходимые для него дары нигде не обещаны всем без исключения. Этим важным обязанностям должны посвятить себя те, кто, подобно апостолу, сознаёт, что «имеет такое служение» (2 Коринфянам 4:1). Никто не вправе самовольно входить в овчарню как помощник пастыря; он должен смотреть на Пастыреначальника и ждать Его знака и повеления. Прежде чем выступить посланником Божьим, человек обязан дождаться призвания свыше. Если же он этого не делает, а сам устремляется на священную должность, Господь скажет о нём и подобных ему: «Я не посылал их и не повелевал им, и они никакой пользы не приносят народу сему, говорит Господь» (Иеремия 23:32).

[2] Обратившись к Ветхому Завету, вы увидите, что Божьи вестники прежнего домостроительства утверждали: их поручение исходит от Иеговы. Исаия рассказывает, как один из серафимов коснулся его уст горящим углём с жертвенника и голос Господа сказал: «Кого Мне послать? и кто пойдёт для Нас?» (Исаия 6:8). Тогда пророк ответил: «Вот я, пошли меня». Он не побежал прежде этого особого посещения Господня, подготовившего его к порученному делу. Слова «Как проповедовать, если не будут посланы?» ещё не были произнесены, но их серьёзный смысл уже хорошо понимали. Иеремия подробно описывает своё призвание в первой главе: «И

было ко мне слово Господне: прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя. А я сказал: о, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я ещё молод. Но Господь сказал мне: не говори: “я молод”; ибо ко всем, к кому пошлю тебя, пойдёшь, и всё, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя, сказал Господь. И простёр Господь руку Свою, и коснулся уст моих, и сказал мне Господь: вот, Я вложил слова Мои в уста твои. Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать» (Иеремия 1:4–10). Иным по внешней форме, но тем же по назначению было поручение Иезекиилю. Вот как он сам передаёт его: «И сказал мне: сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою. И когда Он говорил мне, вошёл в меня дух и поставил меня на ноги мои, и я слышал Говорящего мне. И Он сказал мне: сын человеческий! Я посылаю тебя к сынам Израилевым, к людям непокорным, которые возмутились против Меня; они и отцы их — изменники предо Мною до сего самого дня» (Иезекииль 2:1–3). «И сказал мне: сын человеческий! съешь, что перед тобою; съешь этот свиток, и иди, говори дому Израилеву. Тогда я открыл уста мои, и Он дал мне съесть этот свиток; и сказал мне: сын человеческий! напитай чрево твоё и наполни внутренность твою этим свитком, который Я даю тебе. И я съел, и было в устах моих сладко, как мёд. И Он сказал мне: сын человеческий! встань и иди к дому Израилеву, и говори им Моими словами» (Иезекииль 3:1–4). Хотя призвание Даниила к пророчеству не описано, о нём достаточно свидетельствуют дарованные ему видения и необычайное

благоволение Господа, проявлявшееся и в его уединённых размышлениях, и в открытых поступках. Нет нужды перебирать всех остальных пророков: каждый из них говорил с полномочием «так говорит Господь». При нынешнем домостроительстве священство принадлежит всем святым. Но пророчествовать — или исполнять сходное с этим дело, то есть по побуждению Святого Духа целиком отдать себя возвещению Евангелия, — в действительности дано и поручено лишь сравнительно немногим. Несомненно, им нужно быть столь же уверенными в правомерности своего положения, как были уверены пророки. Но чем они могут оправдать своё служение, кроме подобного призвания?

[3] Не следует воображать, будто такие призвания — одно заблуждение и будто в наше время никто не отделяется для особого труда учительства и надзора за церковью. Сами названия, которыми Новый Завет называет служителей, предполагают предварительное призвание к их делу. Апостол говорит: «Итак, мы — посланники Божьи». Но разве самая сущность посольской должности не заключается в назначении от государя, которого посол представляет? Непосланный посол был бы посмешищем. Люди, осмеливающиеся называть себя посланниками Христа, должны с глубокой серьёзностью сознавать, что Господь «вверил» им слово примирения (2 Коринфянам 5:18–19). Если возразят, что это относится только к апостолам, я отвечу: послание написано не от имени одного Павла, но и от имени Тимофея; следовательно, здесь подразумевается и служение, отличное от апостольства. В Первом послании к Коринфянам мы читаем: «Итак, каждый должен разуметь нас [под “нами” здесь понимаются Павел и Сосфен — 1 Коринфянам 1:1] как служителей Христовых и домостроителей тайн

Божиих» (1 Коринфянам 4:1). Конечно, домостроитель должен получить должность от Господина. Он не может стать домостроителем только потому, что сам этого захотел или что другие так его называют. Если бы кто-нибудь из нас назначил себя управляющим маркиза Вестминстерского и принялся распоряжаться его имуществом, нам очень скоро и самым убедительным образом указали бы на ошибку. Очевидно, прежде чем человек законно станет епископом — «Божиим домостроителем» (Титу 1:7), — ему должны быть даны полномочия.

4 Название «ангел» в Апокалипсисе (Откровение 2:1) означает вестника. Но как люди могут стать глашатаями Христа без Его избрания и поставления? Если кто-либо сомневается, что слово «ангел» относится к служителю, мы были бы рады увидеть доказательство того, что оно может относиться к кому-нибудь другому. К кому ещё Дух обратился бы в церкви как к её представителю, если не к человеку, занимающему положение, подобное положению председательствующего пресвитера?

5 Титу было велено вполне исполнить своё служение: значит, было что исполнять. Некоторые — «сосуды в чести, освящённые и благопотребные Владыке, годные на всякое доброе дело» (2 Тимофею 2:21). Нельзя отказывать Господину в праве выбирать сосуды, которыми Он пользуется. И теперь Он скажет о некоторых людях то же, что сказал о Савле из Тарса: «Он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Моё перед народами» (Деяния 9:15). Вознесясь на высоту, наш Господь дал дары людям; примечательно, что этими дарами были люди, отделённые для разных трудов: «Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами,

иных пастырями и учителями» (Ефесянам 4:11). Отсюда ясно, что плодом вознесения Господа стало дарование церквам определённых людей в качестве пастырей. Они даны Богом, а следовательно, не сами возвысили себя до этого положения. Братья, надеюсь, однажды вы сможете говорить о стаде, в котором «Дух Святой поставил вас блюстителями» (Деяния 20:28). Молюсь, чтобы каждый из вас мог сказать вместе с апостолом язычников: ваше служение не от людей и не через человека, но вы получили его от Господа (Галатам 1:1). Да исполнится на вас древнее обещание: «Дам им пастырей по сердцу Моему» (Иеремия 3:15); «Поставлю над ними пастырей, которые будут пасти их» (Иеремия 23:4). Да исполнит Сам Господь в каждом из вас Своё слово: «На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днём, ни ночью». Да будете вы извлекать драгоценное из ничтожного и потому станете как Божьи уста (Иеремия 15:19). Да распространит через вас Господь благоухание познания Иисуса во всяком месте и сделает вас «Христовым благоуханием Богу в спасаемых и в погибающих» (2 Коринфянам 2:15). Имея бесценное сокровище в глиняных сосудах, да пребудете под превосходящей всё Божьей силой, чтобы прославлять Бога и быть чистыми от крови всех людей. Как Господь Иисус взошёл на гору, призвал к Себе тех, кого хотел, а затем послал их проповедовать (Марк 3:13), так пусть Он изберёт и вас, призовёт подняться к общению с Ним и пошлёт как избранных служителей на благословение церкви и миру. Как молодому человеку узнать, призван он или нет? Это важный вопрос, и я хочу рассмотреть его с величайшей серьёзностью. О, да будет мне дано Божье руководство! Что сотни людей сбились с пути и наткнулись на кафедру, с печальной очевидностью

показывают окружающие нас бесплодные служения и угасающие церкви. Для самого человека страшное бедствие — ошибиться в своём призвании; для церкви, которой он навязывает себя, его ошибка оборачивается тяжелейшей скорбью. Странным и мучительным предметом размышления могла бы стать частота, с которой разумные люди ошибаются относительно цели своего существования и стремятся к тому, для чего никогда не были предназначены. Автор следующих строк, должно быть, видел немало кафедр, занятых неподходящими людьми:[10]

> [6] «Скажите, мудрецы, встречали ли вы
> Среди животных всякого рода,
> Любого положения, вида и размера,
> От китов и слонов до мух,
> Существо, что ошибается в своём назначении
> И заблуждается так постоянно, как человек?
> Всякий вид стремится к свойственному ему благу,
> Ищет удовольствия, покоя и пищи,
> Как указывает природа, и не ошибается
> В том, что выбирает и предпочитает.
> Лишь человек промахивается, хотя наделён
> Разумом, далеко превосходящим прочих.
> Обратитесь к примерам и проверьте:
> Бык не станет пытаться летать
> И не оставит пастбища в лесу,
> Чтобы с рыбами исследовать глубины вод.
> Один человек из всех существ
> Действует вопреки собственной природе».

[7] Когда я думаю о почти безграничном вреде, который может причинить ошибка относительно нашего призвания к христианскому пастырству, меня охватывает

страх: как бы кто-нибудь из нас не проявил небрежности в проверке своих полномочий. Лучше, по-моему, сомневаться слишком много и проверять себя слишком часто, чем оказаться бесплодными деревьями, напрасно занимающими землю. Человеку, искренне желающему испытать своё призвание к служению, доступно немало точных способов. Ему совершенно необходимо не вступать на служение, пока он серьёзно не исследует и не испытает себя в этом отношении. Убедившись в собственном спасении, он должен исследовать следующий вопрос — призвание к этой должности. Первое жизненно важно для него как христианина; второе столь же важно для него как пастыря. Быть пастырем без призвания не лучше, чем исповедовать веру, не пережив обращения. В обоих случаях остаётся одно название и ничего больше.

[8] 1. Первый признак небесного призвания — сильное, всепоглощающее желание этого труда. Истинное призвание к служению предполагает непреодолимое, властное влечение и жгучую жажду рассказывать другим о том, что Бог совершил с нашими собственными душами. Можно назвать это своего рода στοργή — той естественной любовью, которая побуждает птиц растить птенцов, когда приходит время, и заставляет мать-птицу скорее умереть, чем покинуть гнездо. Близко знавший Аллейна человек говорил о нём: «Он бесконечно и ненасытно жаждал обращения душ». Когда ему представилась возможность стать членом университетской коллегии, он предпочёл должность капеллана, потому что «был исполнен нетерпеливого желания заняться непосредственным служительским трудом». «Не вступайте на служение, если можете этого избежать», — таков был глубоко мудрый совет одного

богослова человеку, обратившемуся за его суждением. Если кто-нибудь из сидящих здесь студентов мог бы удовлетвориться работой редактора газеты, бакалейщика, фермера, врача, адвоката, сенатора или царя, то ради всего небесного и земного пусть идёт своим путём! Он не тот человек, в ком Дух Божий пребывает во всей полноте: исполненный Бога человек совершенно изнемог бы от любого занятия, кроме того, которого жаждет глубина его души. Если же, напротив, вы можете сказать, что за все богатства обеих Индий не смогли бы и не посмели избрать иного призвания, которое отвлекло бы вас от проповеди Евангелия Иисуса Христа, то будьте уверены: если остальные признаки столь же благоприятны, у вас есть свидетельства этого посланничества. Мы должны чувствовать: горе нам, если не благовествуем. Слово Божье должно быть для нас огнём в костях. Иначе, взявшись за служение, мы будем несчастны в нём, не сможем переносить сопутствующее ему самоотречение и принесём мало пользы тем, среди кого трудимся. Я говорю о самоотречении — и имею на то основания: работа истинного пастыря полна его. Без любви к своему призванию он скоро изнеможет и либо оставит тяжёлый труд, либо будет продолжать его с недовольством, тяготясь однообразием столь же утомительным, как труд слепой лошади, вращающей мельничный жернов.

9 «В силе любви есть утешение:
Она даёт перенести то,
От чего иначе разорвалось бы сердце».

10 Препоясанные этой любовью, вы будете бесстрашны; лишённые этого превосходящего всякое волшебство пояса непреодолимого призвания, вы будете чахнуть в несчастье.

11 Это желание должно быть обдуманным. Оно не должно возникать как внезапный порыв, не сопровождаемый серьёзным размышлением. Пусть оно вырастает из нашего сердца в его лучшие минуты, становится целью благоговейных устремлений и предметом самых горячих молитв. Оно должно оставаться с нами, когда ему противостоят заманчивые предложения богатства и удобства, и сохраняться как спокойная, трезвая решимость после того, как всё оценено по достоинству и тщательно подсчитана цена. В детстве, живя у дедушки в деревне, я увидел, как охотники в красных сюртуках скачут через его поля за лисицей. Я был в восторге! Моё маленькое сердце пришло в волнение; я готов был мчаться за гончими через изгороди и канавы. К этому занятию у меня всегда была природная склонность. Когда в детстве меня спрашивали, кем я хочу стать, я обычно отвечал: охотником. Поистине прекрасная профессия! Многие молодые люди представляют себе пасторство так же, как я тогда представлял охоту: им по-детски кажется, что понравятся сюртук и звуки рога — почёт, уважение, лёгкая жизнь; вероятно, они даже настолько глупы, что мечтают о богатстве, которое принесёт служение. Какими невеждами нужно быть, чтобы ожидать богатства от баптистского служения! Для слабых умов должность проповедника чрезвычайно притягательна. Поэтому я настойчиво предостерегаю всех молодых людей: не принимайте прихоть за вдохновение, а детское предпочтение — за призвание Святого Духа.

12 Хорошо запомните: желание, о котором я говорил, должно быть совершенно бескорыстным. Если после самого серьёзного самоисследования человек обнаружит, что стремится к должности блюстителя по какой-либо иной причине, кроме славы Божьей и блага душ, лучше

ему сразу отказаться от этого пути. Господу отвратительно, когда в Его храм вводят покупающих и продающих. Примесь корысти, даже самая малая, будет подобна мухе в сосуде с благовонием: она испортит всё.

13 Это желание должно сохраняться в нас: быть страстью, выдерживающей испытания, влечением, от которого совершенно невозможно избавиться, даже если мы пытались это сделать. Оно должно крепнуть с годами, пока не станет томлением, тоской, голодом по возвещению Слова. Столь сильное желание — вещь настолько благородная и прекрасная, что, видя его огонь в груди молодого человека, я всегда медлю обескураживать его, даже если сомневаюсь в его способностях. По причинам, которые будут изложены дальше, иногда приходится сдерживать пламя; однако делать это всегда следует неохотно и мудро. Я испытываю такое глубокое уважение к этому «огню в костях», что, не ощущай я его сам, должен был бы немедленно оставить служение. Если вы не чувствуете этого священного жара, умоляю вас: возвращайтесь домой и служите Богу на подобающем вам месте. Но если внутри вас действительно пылают можжевеловые угли, не гасите их — разве только иные чрезвычайно веские обстоятельства докажут, что огонь этого желания не небесного происхождения.

14 2. Во-вторых, с горячим желанием стать пастырем должны сочетаться способность учить и некоторая мера прочих качеств, необходимых общественному наставнику. Чтобы подтвердить своё призвание, человек должен успешно испытать эти способности на деле. Я не утверждаю, что при первом выступлении он обязан проповедовать так же хорошо, как Роберт Холл в

последние годы жизни. Если он проповедует не хуже, чем тот великий человек вначале, осуждать его нельзя. Вы знаете, что Роберт Холл трижды совершенно провалился и воскликнул: «Если это меня не смирит, то уже ничто не смирит!» Некоторые из величайших ораторов в юности вовсе не отличались свободой речи. Даже Цицерон первоначально страдал слабостью голоса и затруднениями в произнесении. И всё же человек не должен считать себя призванным к проповеди, пока не доказал, что способен говорить. Бог, конечно, не создал бегемота для полёта. Если бы левиафан сильно захотел взмыть вместе с жаворонком, такое стремление было бы явно неразумным: крыльев ему не дано. Призванный проповедовать будет наделён некоторой способностью к речи, которую станет развивать и умножать. Если дара слова хоть в какой-то мере нет с самого начала, маловероятно, что он когда-нибудь разовьётся.

15 Я слышал о человеке, который так сильно желал проповедовать и столь настойчиво просил об этом своего служителя, что после множества отказов всё же получил разрешение произнести пробную проповедь. Эта возможность положила конец его назойливости: объявив текст, он обнаружил, что у него исчезли все мысли, кроме одной. Её он с чувством высказал, а затем сошёл с возвышения. «Братья мои, — сказал он, — если кто-нибудь из вас думает, что проповедовать легко, советую подняться сюда: здесь из вас выбьют всё самомнение». Испытание собственных сил во многом поможет обнаружить недостаток, если нужной способности у вас нет. Лучшего способа я не знаю. Нам необходимо честно испытать себя в этом деле; иначе мы не сможем уверенно узнать, призвал нас Бог или нет. Во время испытания

следует часто спрашивать себя: можем ли мы, в целом, надеяться назидать других такими речами?

16 Однако нужно гораздо больше, чем просто обратиться к собственной совести и суждению: судьи из нас плохие. Есть братья, которые с удивительной лёгкостью обнаруживают, что в их выступлениях им чудесным образом помогал Бог. Я позавидовал бы их славной свободе и самодовольству, будь для этого основания; ибо, увы, мне весьма часто приходится сокрушаться о своих неудачах и недостатках как оратора. На собственное мнение нельзя слишком полагаться, зато многому можно научиться у рассудительных, духовно настроенных людей. Молодой человек, стремящийся к служению, проповедует перед церковью: таков добрый старый обычай во многих наших сельских общинах, хотя делать его обязательным законом для всех отнюдь не следует. Для юного соискателя такое испытание едва ли когда-нибудь бывает приятным; во многих случаях оно едва ли окажется очень назидательным и для слушателей. Тем не менее оно может стать чрезвычайно полезной школой и избавить от публичного обнаружения безудержного невежества. В церковной книге Арнсби содержится следующая запись:

[17] Краткое сообщение о призвании Роберта Холла-младшего на дело служения церковью в Арнсби, 13 августа 1780 года.

[18] «Упомянутый Роберт Холл родился в Арнсби 2 мая 1764 года. Уже с детства он не только отличался серьёзностью и предавался тайной молитве прежде, чем научился ясно говорить, но и постоянно был всецело расположен к делу служения. Ещё не достигнув семилетнего возраста, он начал сочинять гимны и обнаруживал в них признаки благочестия, глубокой мысли и дарования. Между восьмью и девятью годами он написал несколько гимнов, которыми многие восхищались; один из них примерно тогда же был напечатан в Gospel Magazine. Он записывал размышления о разных религиозных предметах и избранных местах Писания. Вместе с тем он испытывал сильнейшую тягу к учению и сделал такие успехи, что сельский учитель уже не мог дать ему дальнейших знаний. Тогда его отправили в пансион в Нортгемптоне под попечение преподобного Джона Райленда. Там он провёл около полутора лет и значительно преуспел в латыни и греческом. В октябре 1778 года он поступил в академию в Бристоле под руководство преподобного мистера Эванса; 13 августа 1780 года эта церковь направила его на служение, когда ему было шестнадцать лет и три месяца. Уверенность в его способностях к великому труду церковь приобрела следующим образом. Он по очереди с другими выступал на собраниях для беседы, разбирая разные места Писания; в этих выступлениях и в молитве он участвовал уже более четырёх лет. Кроме того, бывая дома, он по просьбе общины часто проповедовал по утрам в день Господень, доставляя ей большое удовлетворение. Поэтому все

единодушно и настойчиво попросили торжественно отделить его для публичного служения. В назначенный день отец перед церковью испытал его склонность, побуждения и цель относительно служения, а также попросил изложить свои религиозные убеждения. Всё это вполне удовлетворило церковь, после чего она отделила его поднятием правых рук и торжественной молитвой. Затем отец обратился к нему с речью на слова 2 Тимофею 2:1: “Итак укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом”. Будучи так послан, после полудня он проповедовал на 2 Фессалоникийцам 1:7–8.

19 “Да благословит его Господь и дарует ему великий успех!”»[8]

20 Суждению мужчин и женщин, живущих близко к Богу, следует придавать немалое значение: в большинстве случаев их оценка будет верной. Однако такое обращение за советом не даёт окончательного и непогрешимого решения; его вес определяется разумением и благочестием тех, с кем советуются. Я хорошо помню, как настойчиво отговаривала меня от проповеди одна из благочестивейших христианок, каких когда-либо носила земля. Я старался беспристрастно и терпеливо взвесить её мнение, но перевесило суждение людей с более широким опытом. Юношам, испытывающим сомнения, полезно взять с собой самых мудрых своих друзей, когда они в следующий раз отправятся в сельскую часовню или деревенский молитвенный дом и попробуют возвещать Слово. Я заметил — и наш почтенный друг мистер Роджерс наблюдал то же самое, — что вы, господа студенты, в своей общей оценке друг друга ошибаетесь редко, если вообще ошибаетесь. Едва ли найдётся хоть один случай за всю историю нашего заведения, когда

общее мнение всего колледжа о каком-нибудь брате оказалось неверным. Люди вовсе не так неспособны составить суждение друг о друге, как иногда полагают. Встречаясь на занятиях, молитвенных собраниях, в беседах и за различными духовными трудами, вы узнаёте друг друга; и мудрый человек не станет поспешно пренебрегать общей оценкой колледжа.

21 Этот пункт остался бы незавершённым, если бы я не добавил: одного умения назидать и способности учить недостаточно; для полноты пастырского характера нужны и другие дарования. Вами должны руководить здравое суждение и основательный опыт; вашими поступками — кротость в обращении и любовь; в вас должны быть видны твёрдость и мужество, но не должны отсутствовать нежность и сочувствие. Дар хорошо управлять будет столь же необходим, как дар хорошо учить. Вы должны быть способны вести за собой, готовы переносить испытания и способны стойко продолжать труд. В благодати вам следует настолько превосходить остальных, чтобы вы могли быть им отцом и советником. Внимательно прочитайте требования к епископу в 1 Тимофею 3:2–7 и Титу 1:6–9. Если таких даров и благодатных качеств нет в вас и они не умножаются, вы, возможно, добьётесь успеха как благовестник, но как пастырь будете ни к чему не пригодны.

22 3. Для дальнейшего испытания призвания человек, некоторое время упражнявший свои дары так, как я уже описал, должен увидеть, что его труды хотя бы в какой-то мере приводят к обращению людей; иначе он вправе заключить, что ошибся, и ему следует найти наилучший способ отступить. Нельзя ожидать, что уже после первой или даже двадцатой попытки публично проповедовать мы

получим известие об успехе; человек может даже всю жизнь испытывать себя проповедью, если чувствует к этому призвание. Но мне представляется, что полномочия того, кто должен быть отделён на служение, ещё не удостоверены печатью, пока через него души не будут приведены к познанию Иисуса. Как труженик он должен трудиться, успешен он или нет; но как служитель не может быть уверен в своём призвании, пока не появятся плоды. Как взыграло от радости моё сердце, когда я услышал о первом человеке, обратившемся через мою проповедь! Меня никогда не могли удовлетворить полный зал и добрые слова друзей; я жаждал услышать, что сердца сокрушились, что видели слёзы, струившиеся из глаз кающихся. Как радовался я, словно нашедший великую добычу, одной бедной жене рабочего! Она призналась, что ощутила вину своего греха и обрела Спасителя, слушая мою проповедь в воскресенье после полудня. Домик, в котором она жила, и сейчас стоит у меня перед глазами; поверьте, он всегда кажется мне живописным. Я хорошо помню, как её приняли в церковь, как она умерла и отошла в небесный дом. Она стала первой печатью моего служения, и, уверяю вас, печатью чрезвычайно драгоценной. Ни одна мать не испытывала большей радости при виде своего первенца. Тогда я мог бы петь песнь Девы Марии: душа моя величила Господа за то, что Он призрел на моё уничижение и удостоил меня великой чести совершить дело, за которое все поколения должны назвать меня блаженным, — именно так я расценивал обращение одной души. Прежде чем вы сможете поверить, что проповедь должна стать делом всей вашей жизни, ваши нерегулярные труды должны хоть в какой-то мере приносить обращение душ. Вспомните слова Господа через пророка Иеремию: они

прямо относятся к нашему предмету и должны устрашить всех бесплодных проповедников. «Я не посылал пророков сих, а они сами побежали; Я не говорил им, а они пророчествовали. Если бы они стояли в Моём совете, то объявили бы народу Моему слова Мои и отводили бы их от злого пути их и от злых дел их». Иеремия 23:21–22. Я дивлюсь тому, как люди могут спокойно продолжать проповедовать год за годом, не видя обращений. Неужели в них нет сострадания к другим? Нет сознания собственной ответственности? Неужели они смеют, ложно истолковывая Божье полновластие, возлагать вину на своего Господина? Или они верят, что Павел насаждает, Аполлос поливает, а Бог не даёт никакого возрастания? Напрасны их таланты, философия, красноречие и даже верность вероучению, если за ними не следуют знамения. Как могут быть посланы Богом те, кто никого не приводит к Богу? Пророки, чьи слова бессильны; сеятели, у которых все посевы засыхают; рыболовы, которые не ловят рыбы; воины, которые никого не поражают, — разве это Божьи люди? Поистине, лучше бы очищать канавы или чистить дымоходы, чем стоять на служении совершенно бесплодным деревом. Самое низкое занятие приносит людям какую-нибудь пользу, а несчастный человек, который занимает кафедру и никогда не прославляет своего Бога обращением душ, — пустое место, пятно, бельмо на глазу, источник вреда. Он не стоит даже соли, которую съедает, не говоря уже о хлебе; и если он пишет в газеты, жалуясь на малое жалованье, его совесть, если она у него есть, вполне могла бы ответить: «И то, что имеешь, тобою не заслужено». Бывают времена засухи; да, годы скудости могут поглотить прежние годы полезного труда, но в целом плод всё же будет, и плод во славу Бога; а

временное бесплодие будет наполнять душу невыразимой мукой. Братья, если Господь не даёт вам ревности о душах, оставайтесь у сапожного камня или при каменщицком мастерке, но избегайте кафедры, если вам дороги сердечный мир и ваше будущее спасение.

[23] 4. Однако в нашем исследовании необходим ещё один шаг. Воля Господа о пастырях открывается через суждение Его церкви, вынесенное в молитве. Для подтверждения вашего призвания необходимо, чтобы ваша проповедь была принимаема народом Божьим. Тем, кого Он призывает говорить от Его имени, Бог обыкновенно открывает двери для возвещения Слова. Нетерпение хотело бы распахнуть или взломать дверь, но вера уповает на Господа, и в должное время ей предоставляется возможность. Когда возможность приходит, наступает наше испытание. Когда мы встанем проповедовать, собрание рассудит, каков наш дух; и если оно осудит его или если, как правило, церковь не получает назидания, то нельзя оспаривать вывод: мы не посланы Богом. Признаки истинного епископа изложены в Слове для руководства церкви; и если братья, следуя этому руководству, не видят в нас требуемых качеств и не избирают нас на служение, то совершенно ясно: как бы хорошо мы ни благовествовали, пастырская должность — не для нас. Не все церкви мудры, и не все судят силою Святого Духа: многие судят по плоти. И всё же в таком личном вопросе, как мои собственные дары и благодатные качества, я скорее приму мнение собрания народа Господня, чем своё собственное. Во всяком случае, цените вы решение церкви или нет, одно несомненно: никто из вас не может быть пастырем без исполненного любви согласия стада; поэтому это будет для вас практическим указанием, даже если не

безошибочным. Если ваше призвание от Господа подлинно, вы недолго останетесь безмолвными. Как человеку нужен его час, так и часу нужен свой человек. Церковь Божья всегда остро нуждается в живых служителях; человек для неё всегда дороже золота Офирского. Те, кто лишь формально занимает должность, терпят нужду и голод; но помазанники Господни могут никогда не оставаться без паствы, ибо найдутся чуткие уши, которые узнают их по речи, и готовые сердца, которые примут их на предназначенное им место. Будьте пригодны к своему труду — и никогда без него не останетесь. Не бегайте повсюду, сами напрашиваясь проповедовать то здесь, то там; больше заботьтесь о своей способности, чем о предоставленной возможности, а о хождении с Богом — усерднее, чем о том и другом. Овцы узнают пастыря, посланного Богом; привратник овчарни отворит вам, и стадо узнает ваш голос.

[24] Когда я впервые читал эту лекцию, мне ещё не было знакомо замечательное письмо Джона Ньютона к другу по этому вопросу. Оно настолько близко совпадает с моими собственными мыслями, что, рискуя показаться подражателем, хотя в данном случае я им определённо не являюсь, я прочитаю вам это письмо.

[25] «Ваш случай напоминает мне мой собственный. Мои первые стремления к служению сопровождались великой неуверенностью и трудностями, а противоречивые суждения друзей ещё больше усиливали смятение моего ума. Совет, который я могу предложить, — плод мучительного опыта и душевного труда; возможно, именно поэтому вы не сочтёте его бесполезным. Молю нашего милостивого Господа обратить его вам на пользу.

[26] Я долго, подобно вам, мучился вопросом, что следует и чего не следует считать истинным призванием к служению. Теперь этот вопрос кажется мне легко разрешимым; но вам, возможно, он не покажется таким, пока Господь не прояснит его для вас применительно к вашему собственному случаю. Здесь нет места сказать всё, что я мог бы. Кратко говоря, я думаю, что призвание заключает в себе главным образом три вещи.

[27] 1. Горячее и искреннее желание быть занятым этим служением. Полагаю, что человек, однажды побуждённый к этому делу Духом Божьим, предпочтёт его, если оно для него достижимо, тысячам золота и серебра. Поэтому, хотя он порой и страшится, сознавая важность и трудность этого дела в сравнении со своей великой несостоятельностью, он всё же не может от него отказаться. Ведь следует предположить, что такое призвание, если оно действительно от Бога, будет сопровождаться смирением и самоуничижением. Считаю полезным в связи с этим спросить себя: наиболее ли горячо желание проповедовать тогда, когда мы духовно наиболее живы и когда глубже всего склоняемся в прах перед Господом? Если да, это добрый признак. Но если человек, как иногда бывает, весьма усердно стремится проповедовать другим, а в собственной душе едва ощущает голод и жажду благодати, то следует опасаться, что его ревность проистекает скорее из себялюбия, чем от Духа Божьего.

[28] 2. Помимо этого сердечного желания и готовности проповедовать, в своё время должна обнаружиться достаточная мера дарований, знаний и способности выражать свои мысли. Несомненно, если Господь посылает человека учить других, Он снабдит его

необходимыми средствами. Думаю, многие начинали выступать проповедниками с добрыми намерениями, но тем самым выходили за пределы своего призвания или опережали его. Главное различие между служителем и рядовым христианином, по-видимому, состоит в служительских дарах, которые сообщаются ему не ради него самого, а для назидания других. Однако я говорю, что они должны обнаружиться в своё время: ожидать их следует не мгновенно, а постепенно, при употреблении надлежащих средств. Они необходимы для исполнения служения, но не являются предварительным условием, без которого нельзя оправдать стремление к нему. Вы молоды, у вас ещё есть время; поэтому, думаю, вам пока незачем терзаться вопросом, обладаете ли вы этими дарами уже теперь. Достаточно, если ваше желание твёрдо и вы готовы с молитвой и усердием ожидать их от Господа; пока они вам ещё не нужны.[9]

[29] 3. То, что окончательно удостоверяет истинное призвание, — это соответствующая возможность, открытая Промыслом: постепенное стечение обстоятельств указывает средства, время и место для действительного вступления в труд. Пока такого совпадения не произошло, не ожидайте, что ваш ум будет всегда свободен от колебаний. Главная предосторожность здесь — не торопиться хвататься за первые признаки. Если Господь желает ввести вас в Своё служение, Он уже определил ваше место и дело; и хотя теперь вы этого не знаете, в надлежащее время узнаете. Будь у вас даже ангельские дарования, вы не смогли бы принести ими пользы, пока не придёт Его час и Он не приведёт вас к людям, которых решил благословить через вас. Когда наша ревность горяча, очень трудно удерживать себя в пределах благоразумия: ощущение Христовой любви в

сердце и нежное сострадание к бедным грешникам готовы побудить нас слишком рано устремиться вперёд. Но верующий не поспешит. Около пяти лет я пребывал в таком стеснении; иногда мне казалось, что я должен проповедовать хотя бы на улицах. Я прислушивался ко всему, что представлялось разумным, и ко многому, что таковым не было. Однако Господь милостиво и словно незаметно преграждал мне путь терниями; иначе, будь я предоставлен собственным порывам, я совершенно лишил бы себя возможности попасть на то поприще полезного труда, куда Он в угодное Ему время благоволил меня привести. Теперь я ясно вижу: когда я впервые хотел выступить на служение, моё намерение, надеюсь, в основном было добрым, но я переоценивал себя и не обладал тем духовным рассуждением и опытом, которые необходимы для столь великого дела».

[30] Этого, пожалуй, достаточно; однако тот же вопрос вновь предстанет перед вами, если я немного расскажу о своём опыте общения с желающими стать служителями. Мне постоянно приходится исполнять обязанность, которая выпала на долю кромвелевских «испытателей». Я должен решить, целесообразно ли помогать определённым людям в их попытках стать пастырями. Это чрезвычайно ответственная обязанность, требующая особенной осторожности. Разумеется, я не присваиваю себе право решать, вступать ли человеку в служение; моё испытание направлено лишь на один вопрос: должно ли наше заведение ему помочь или предоставить его собственным средствам. Некоторые из наших доброжелательных соседей обвиняют нас в том, будто здесь находится «фабрика пасторов», но это обвинение совершенно неверно. Мы никогда не пытались изготовить служителя, а если бы попытались, то потерпели бы

неудачу; в колледж мы принимаем только тех, кто уже считает себя служителем. Ближе к истине было бы назвать меня губителем пасторов: немалое число начинающих получило от меня окончательный отказ, и, вспоминая о сделанном, я совершенно спокоен совестью. Мне всегда было тяжело разочаровать молодого брата, полного надежд и просившего принять его в колледж. Сердце моё всегда склонялось к наиболее милосердному решению, но долг перед церквями заставлял меня судить со строгой разборчивостью. Выслушав кандидата, прочитав его рекомендации и ознакомившись с ответами на вопросы, я иногда убеждался, что Господь его не призвал, и тогда был обязан ему это сказать. Некоторые случаи типичны для множества других. Обращаются молодые братья, искренне желающие вступить в служение, но до боли очевидно, что главный их мотив — честолюбивое желание блистать среди людей. С обычной точки зрения их стремление возвыситься заслуживает похвалы, однако кафедра никогда не должна становиться лестницей честолюбия. Поступи такие люди в армию, они не успокоились бы, пока не достигли высших чинов, ибо полны решимости пробить себе дорогу наверх; до этого предела всё весьма похвально и уместно. Но они усвоили мысль, что на поприще служения смогут особенно отличиться; почувствовали в себе зарождение гения, сочли себя выше обыкновенных людей и потому стали смотреть на служение как на сцену для показа своих мнимых способностей. Когда я замечал это, я считал своим долгом предоставить такому человеку, как говорят шотландцы, «идти своей дорогой»: я убеждён, что подобный нрав всегда ведёт к краху, если человек вступает в служение Господу. Мы обнаруживаем, что нам нечем хвалиться; а если бы и было чем, самым

неподходящим местом для выставления этого напоказ была бы кафедра, ибо там мы ежедневно вынуждены ощущать свою малость и ничтожность.

31 Людей, которые после обращения проявили большую слабость рассуждения и легко поддаются чужому влиянию, принимая странные учения или попадая в дурную компанию и тяжкий грех, я никогда не могу побуждать к вступлению в служение, что бы они ни исповедовали на словах. Если они действительно покаялись, пусть держатся в задних рядах. Неустойчивые, как вода, они не будут первенствовать.

32 Точно так же тех, кто не способен переносить трудности и привык к лайковым перчаткам, я направляю в другое место. Нам нужны воины, а не щёголи, ревностные труженики, а не изысканные бездельники. Тем, кто до обращения в колледж ничего не сделал, предлагается сперва заслужить шпоры, прежде чем их публично посвятят в рыцари. Горячо любящие души не ждут, пока их обучат: они сразу служат своему Господу.

33 Ко мне обращаются некоторые добрые люди, отличающиеся огромной горячностью и ревностью при явном отсутствии ума; братья, способные говорить без конца ни о чём, топать ногами, колотить по Библии и ничего из неё не извлекать. Они усердны, ужасающе усердны: это горы, испытывающие мучительнейшие родовые схватки, но от всего этого не появляется ничего — даже ridiculus mus, смешной мышонок. Есть ревнители, неспособные ни придумать, ни высказать подряд пять связанных мыслей; способности у них крайне узки, а самомнение чрезвычайно широко. Они могут стучать, орать, неистовствовать, рвать и метать, но весь этот шум происходит оттого, что барабан пуст. Думаю, такие братья

справятся без образования ничуть не хуже, чем с ним, и потому я обычно отклонял их заявления.

34 Другая чрезвычайно многочисленная категория людей стремится на кафедру, сама не зная зачем. Они не могут учить и не желают учиться, но непременно хотят быть служителями. Подобно человеку, который уснул на Парнасе и с тех пор воображал себя поэтом, они однажды набрались дерзости навязать слушателям проповедь, и теперь ничто, кроме проповеди, их не удовлетворяет. Они так торопятся бросить шитьё одежды, что ради исполнения своего замысла готовы разорвать собственную церковь. Прилавок им опротивел, а подушка на кафедре стала предметом вожделения; весы и гири наскучили, и они непременно должны попробовать свои силы у весов святилища. Подобные люди, как свирепые морские волны, обыкновенно пенятся своим срамом, и мы рады сказать им: прощайте.

35 Телесные немощи ставят под вопрос призвание некоторых превосходных людей. Я не хотел бы, подобно Евсфену, судить о людях по чертам лица, однако их общее телосложение — немаловажный признак. Узкая грудь не указывает на человека, созданного для публичной речи. Вам это может показаться странным, но я всё же вполне убеждён: если у человека сжатая грудная клетка и узкие плечи, всеведущий Творец не предназначал ему постоянно проповедовать. Если бы Он предназначил его для речи, то дал бы ему достаточно широкую грудь, способную обеспечить лёгким достаточную силу. Когда Господь предназначает создание для бега, Он даёт ему проворные ноги; а если предназначает другое создание для проповеди, даст ему подходящие лёгкие. Брату, которому приходится останавливаться посреди

предложения, чтобы привести в действие свой воздушный насос, следует спросить себя: нет ли другого занятия, к которому он лучше приспособлен? Человек, который едва может без боли произнести предложение до конца, вряд ли призван «взывать громко и не удерживаться». Могут быть исключения, но разве общее правило не имеет веса? Братья с пороками строения рта и нечётким произношением обыкновенно не призваны проповедовать Евангелие. То же относится к братьям, у которых отсутствует нёбо или имеется его порок.

36 Недавно поступило заявление от молодого человека, у которого челюсть совершала какое-то вращательное движение, чрезвычайно неприятное для наблюдателя. Его пастырь рекомендовал его как весьма святого юношу, через которого некоторые были приведены ко Христу, и выразил надежду, что я приму его; но я не мог счесть это уместным. Я не сумел бы смотреть на него во время проповеди без смеха, даже если бы наградой мне было всё золото Фарсиса; а по всей вероятности, девять слушателей из десяти оказались бы ещё чувствительнее меня. Человек с большим языком, заполнявшим весь рот и делавшим речь невнятной; другой — без зубов; третий — заика; ещё один — неспособный произнести все буквы алфавита: мне пришлось с болью отказать им на том основании, что Бог не дал им тех телесных орудий, которые, выражаясь словами молитвенника, «обыкновенно необходимы».

37 Мне встретился один брат — один, сказал я? Я встречал десять, двадцать, сотню братьев, которые уверяли, что они уверены, совершенно уверены в своём призвании к служению; они были в этом совершенно убеждены, потому что во всём остальном потерпели

неудачу. Вот типичный рассказ: «Сэр, меня определили в адвокатскую контору, но я никогда не мог выносить сидячей работы и не чувствовал себя на своём месте, изучая право; Промысл явно преградил мне дорогу: я лишился места». — «И что же вы стали делать?» — «Меня убедили открыть бакалейную лавку». — «И вы преуспели?» — «Сэр, я не думаю, что когда-либо был предназначен для торговли, и, по-видимому, Господь совсем закрыл мне этот путь: я разорился и попал в большие затруднения. С тех пор я немного занимался страхованием жизни, пытался устроить школу, а также продавал чай; но мой путь преграждён, и что-то внутри меня заставляет чувствовать, что мне следует стать служителем». Я обыкновенно отвечаю: «Да, понимаю: во всём остальном вы потерпели неудачу и потому думаете, что Господь особо одарил вас для Своего служения. Но боюсь, вы забыли, что для служения нужны самые лучшие люди, а не те, кто больше ни на что не способен». Человек, который преуспеет как проповедник, вероятно, вполне хорошо справился бы и с бакалейной торговлей, и с адвокатурой, и с любым другим делом. По-настоящему ценный служитель отличился бы на любом поприще. Едва ли найдётся что-нибудь невозможное для человека, способного годами сохранять единство общины и служить её назиданию сотни воскресений подряд; он должен обладать какими-то способностями и уж никак не быть глупцом или никчёмным человеком. Иисус Христос достоин того, чтобы Его крест проповедовали лучшие люди, а не пустоголовые и беспомощные.

[38] Один молодой господин, однажды удостоивший меня своим присутствием, оставил в моей памяти фотографически точный образ своей изысканной особы. Само его лицо походило на титульный лист целого тома

самомнения и обмана. В одно воскресное утро он передал в мою комнату при церкви, что ему непременно нужно увидеть меня немедленно. Его дерзость открыла ему двери; оказавшись передо мной, он сказал: «Сэр, я хочу поступить в ваш колледж и хотел бы сделать это сразу». — «Что ж, сэр, — ответил я, — боюсь, что сейчас у нас для вас нет места, но ваше дело будет рассмотрено». — «Однако мой случай совершенно необыкновенный; вероятно, вы никогда прежде не получали такого заявления». — «Хорошо, разберёмся; секретарь даст вам бланк заявления, а в понедельник можете встретиться со мной». В понедельник он пришёл, принеся ответы на вопросы, составленные самым необычайным образом. Что касается книг, он утверждал, что прочёл всю древнюю и современную литературу, и, приведя громадный список, добавил: «Это лишь выборка; мои чтения во всех областях чрезвычайно обширны». Что касается проповеди, он мог представить самые высокие рекомендации, но едва ли считал их нужными, поскольку личная встреча сразу убедит меня в его способностях. Велико было его удивление, когда я сказал: «Сэр, я вынужден сообщить, что не могу вас принять». — «Почему, сэр?» — «Скажу вам прямо. Вы настолько ужасающе умны, что я не мог бы оскорбить вас, приняв в наш колледж, где собрались довольно обыкновенные люди. Ректор, преподаватели и студенты — всё люди умеренных достижений, и, вступая в наши ряды, вам пришлось бы слишком далеко снисходить». Он очень сурово взглянул на меня и с достоинством произнёс: «Вы хотите сказать, что мне отказывают в приёме в ваш колледж потому, что я обладаю необыкновенным гением и развил в себе гигантский ум, какой редко встречается?» — «Да, — отвечал я настолько спокойно, насколько мог при том

подавляющем благоговейном страхе, который внушал его гений, — именно поэтому». — «Тогда, сэр, вы обязаны позволить мне испытать мои проповеднические способности: выберите любой текст или предложите любую тему, и здесь, в этой самой комнате, я без подготовки произнесу речь или проповедь, и вы будете поражены». — «Нет, благодарю вас; я предпочёл бы избавить себя от труда вас слушать». — «От труда, сэр! Уверяю вас, это доставило бы вам величайшее удовольствие, какое только возможно». Я сказал, что, может быть, и так, но чувствую себя недостойным этой чести, и на том надолго с ним распрощался. Тогда этот господин был мне неизвестен, но впоследствии он предстал перед полицейским судом, оказавшись чересчур уж хитёр.

[39] Время от времени мы получали заявления, которые, возможно, изумили бы вас, от людей, явно достаточно красноречивых и очень хорошо отвечавших на все наши вопросы, кроме вопросов об их вероучительных взглядах. На них нам неоднократно отвечали так: «Господин такой-то готов принять учения колледжа, каковы бы они ни были!» Во всех подобных случаях мы не раздумываем ни минуты: отрицательный ответ даётся немедленно. Упоминаю об этом потому, что такой случай показывает нашу убеждённость: люди, не имеющие ни знания, ни определённой веры, к служению не призваны. Когда юноши говорят, что ещё не определились в богословии, им следует вернуться в воскресную школу и оставаться там, пока они не определятся. Человек, который вкрадывается в колледж, заявляя, будто его ум открыт для всякой истины и он необычайно восприимчив, но ещё не решил для себя таких вопросов, как избирает ли Бог по благодати и любит ли Он Свой народ до конца,

представляется мне совершенной нелепостью. «Не должен быть из новообращённых», — говорит апостол; а человек, ещё не определившийся в таких вопросах, по собственному признанию явный новичок, и его следует отправить в катехизический класс, пока он не усвоит первых истин Евангелия.

[40] В конце концов, господа, нам придётся подтвердить наше призвание практическим испытанием служения в последующей жизни. Печально будет, если мы вступим на это поприще без должной проверки: тогда, возможно, нам придётся оставить его с позором. В целом опыт — самое надёжное испытание; и если Бог поддерживает нас год за годом и даёт Своё благословение, нам не требуется иной проверки призвания. Наша нравственная и духовная пригодность будет испытана трудами служения, а это надёжнейшее из всех испытаний. Однажды в разговоре я услышал рассказ о способе, которым Мэтью Уилкс испытал молодого человека, желавшего стать миссионером. По существу, если не в подробностях, это испытание представляется мне разумным, хотя и не приходится по вкусу. Юноша хотел отправиться в Индию миссионером от Лондонского миссионерского общества. Мистеру Уилксу поручили рассмотреть, пригоден ли он для такого дела. Он написал юноше, велев прийти на следующее утро в шесть часов. Брат жил за много миль, но ровно в шесть был у дома. Однако мистер Уилкс вошёл в комнату лишь несколько часов спустя. Брат ждал с недоумением, но терпеливо. Наконец мистер Уилкс появился и своим обычным гнусавым голосом обратился к кандидату: «Так, молодой человек, значит, вы хотите быть миссионером?» — «Да, сэр». — «Вы любите Господа Иисуса Христа?» — «Да, сэр, надеюсь, что люблю». — «А образование вы получили?» — «Да, сэр, небольшое». —

«Ну что ж, сейчас проверим: можете произнести по буквам слово “кошка”?» Юноша смутился и едва знал, как ответить на столь нелепый вопрос. Он явно колебался между негодованием и покорностью, но через мгновение твёрдо ответил: «C, a, t — cat». — «Очень хорошо, — сказал мистер Уилкс. — А теперь можете произнести по буквам “собака”?» Наш молодой мученик замялся, но мистер Уилкс совершенно невозмутимо продолжал: «Ну, ничего, не робейте; первое слово вы назвали так хорошо, что, думаю, сумеете справиться и с этим. Как бы высоко ни было это достижение, оно всё-таки не настолько высоко, чтобы вы не могли его совершить, не краснея». Юный Иов ответил: «D, o, g — dog». — «Что ж, правильно; вижу, с правописанием вы справитесь, а теперь арифметика: сколько будет дважды два?» Удивительно, что мистер Уилкс сам не получил «дважды два» в духе мускулистого христианства; но терпеливый юноша дал верный ответ и был отпущен. На заседании комитета Мэтью Уилкс сказал: «Я от всей души рекомендую этого юношу. Его рекомендации и характер я должным образом исследовал; кроме того, подверг его редкому личному испытанию, какое немногие выдержали бы. Я испытал его самоотверженность: он встал рано утром; испытал его нрав и его смирение. Он умеет произносить по буквам “кошка” и “собака”, знает, что “дважды два — четыре”, и превосходно подойдёт для миссионерского служения». Итак, то, что этот старый господин, по рассказу, проделал с крайне дурным вкусом, мы вполне уместно можем проделать с самими собой. Мы должны испытать, способны ли выдержать грубое обращение, усталость, клевету, насмешки и лишения; способны ли стать как сор для мира и терпеть, что нас ни во что не ставят ради Христа. Если мы можем всё это вынести, в нас есть

некоторые признаки тех редких качеств, которые должны соединиться в истинном служителе Господа Иисуса Христа. Я серьёзно сомневаюсь, что некоторые из нас, уйдя далеко в море, обнаружат свои суда столь же мореходными, какими считают их сейчас. О братья мои, позаботьтесь о надёжности дела, пока ещё пребываете в этом убежище, и усердно трудитесь, готовя себя к своему высокому призванию. Испытаний у вас будет достаточно; горе вам, если вы выйдете, не облачившись с головы до ног в испытанные доспехи. Вам придётся состязаться с конями: пусть пешие не утомят вас уже во время предварительного обучения. Дьявол разгуливает на свободе, и с ним многие. Испытывайте самих себя, и да приготовит вас Господь к горнилу и печи, которые несомненно вас ожидают. Ваши скорби, возможно, не во всём будут столь тяжки, как скорби Павла и его спутников, однако вы должны быть готовы к подобному испытанию. Позвольте прочитать вам его памятные слова и умолять вас, слушая их, молиться, чтобы Святой Дух укрепил вас для всего предстоящего: «Мы никому ни в чём не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение, но во всём являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи,

но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем».

Лекция 3. Уединённая молитва проповедника

[1] Разумеется, проповедник более всех других должен отличаться как человек молитвы. Он молится как обыкновенный христианин — иначе он был бы лицемером. Он молится больше обыкновенных христиан — иначе он не соответствовал бы принятому на себя служению. «Было бы совершенной нелепостью, — говорит Бернард, — если бы человек стоял выше всех по должности и ниже всех душою, был первым по положению и последним по жизни». Особая ответственность пастыря озаряет все прочие его отношения; и если он верен своему Господину, то во всех этих отношениях отличается молитвенностью. Как гражданин он приносит своей стране пользу ходатайством; как сосед поминает в молениях тех, кто живёт под его сенью. Он молится как муж и как отец, старается сделать семейное богопочитание образцом для своей паствы; и если где-либо ещё огонь на Божьем жертвеннике начинает угасать, то в доме избранного служителя Господня о нём заботятся: служитель следит, чтобы утренняя и вечерняя жертва освящала его жилище. Однако некоторые его молитвы относятся к самому его служению; именно о них, согласно замыслу этих лекций, нам предстоит говорить главным образом. Как служитель он возносит особые прошения и в этом качестве приближается к Богу сверх всех своих обращений к Нему в прочих жизненных отношениях.

[2] Я полагаю, что как служитель он молится всегда. Когда бы его мысль ни обратилась к труду — во время самого труда или вне его, — он возносит краткое прошение, посылая святые желания к небесам, словно верно

направленные стрелы. Он не всегда совершает молитву, но живёт в её духе. Если сердце его отдано своему делу, он не может ни есть, ни пить, ни отдыхать, ни ложиться в постель, ни вставать утром, не ощущая вновь и вновь пламенного желания, тяжести заботы и простой зависимости от Бога; так он в той или иной форме пребывает в молитве. Если есть под небом человек, которому необходимо исполнять заповедь «Непрестанно молитесь», то это, несомненно, христианский служитель. У него особые искушения, особенные испытания, необычные трудности и исключительные обязанности; перед Богом он стоит в отношениях, исполненных трепета, а с людьми связан таинственными духовными заботами. Поэтому ему требуется гораздо больше благодати, чем обыкновенным людям; сознавая это, он постоянно взывает к Сильному о силе и говорит: «Возвожу очи мои к горам, откуда придёт помощь моя». Однажды Аллейн писал дорогому другу: «Хотя я склонен терять равновесие и меня легко выбить из колеи, всё же, мне кажется, я подобен птице, покинувшей гнездо: не нахожу покоя, пока не вернусь к привычному общению с Богом; подобен стрелке компаса, которая не успокаивается, пока не обратится к полюсу. По благодати могу сказать вместе с церковью: “Душою моею я стремился к Тебе ночью, и духом моим внутри меня я буду искать Тебя с раннего утра”. Сердце моё и рано и поздно с Богом; искать Его — дело и наслаждение моей жизни». Таков должен быть постоянный ход вашего пути, о люди Божьи. Если вы, служители, не отличаетесь усердной молитвенностью, вас следует глубоко пожалеть. Если в будущем вам будет поручено пастырское попечение о больших или малых общинах и вы ослабеете в тайной молитве, жалеть придётся не только вас, но и ваш народ;

к тому же вы будете виновны, и наступит день вашего стыда и смущения.

3 Едва ли нужно убеждать вас в сладостной пользе уединённой молитвы, и всё же я не могу от этого удержаться. Для вас, Божьих посланников, престол милости обладает ценностью, превосходящей всякую оценку; чем лучше вы знакомы с небесным двором, тем лучше исполните доверенное вам небесное поручение. Среди всех влияний, формирующих человека, которого Бог удостаивает чести в служении, я не знаю ничего могущественнее его привычной близости к престолу милости. Всё, что курс колледжа способен сделать для студента, грубо и внешне по сравнению с духовным и тонким совершенствованием, которое приобретается в общении с Богом. Пока ещё не сформировавшийся служитель вращается на круге подготовки, молитва служит орудием великого Горшечника, которым Он придаёт сосуду форму. Все наши библиотеки и учёные занятия — пустота в сравнении с нашими молитвенными комнатами. В уединённой молитве мы растём, обретаем силу и одерживаем победу.

4 Ваши молитвы будут лучшими помощниками, пока ваши проповеди ещё лежат на наковальне. Пока другие, подобно Исаву, охотятся за своей добычей, вы с помощью молитвы найдёте вкусное кушанье неподалёку от дома и сможете правдиво сказать то, что Иаков сказал ложно: «Господь послал мне навстречу». Если вы умеете обмакивать перья в собственное сердце, усердно взывая к Господу, то будете хорошо писать; если умеете собирать материал, преклонив колени у небесных врат, то непременно будете хорошо говорить. Как упражнение ума молитва приведёт на мысль множество предметов и тем

самым поможет выбрать тему; как высокое духовное занятие она очистит ваш внутренний взор, чтобы вы увидели истину в Божьем свете. Места Писания часто не открывают своих сокровищ, пока вы не отопрёте их ключом молитвы. Как чудесно открывались книги Даниилу, когда он пребывал в молении! Как многому научился Пётр на кровле! Молитвенная комната — лучший кабинет для занятий. Толкователи — хорошие наставники, но Сам Автор несравненно лучше; молитва непосредственно обращается к Нему и привлекает Его к нашему делу. Великое дело — через молитву проникнуть в дух и самую сердцевину текста, углубляясь в него и свято им питаясь, как червь прокладывает путь к ядру ореха. Молитва даёт рычаг, чтобы поднимать тяжеловесные истины. Удивляешься, как камни Стоунхенджа могли быть установлены на своих местах; ещё удивительнее, откуда некоторые люди получили столь замечательное знание таинственных учений. Не молитва ли была тем могущественным механизмом, который совершил это чудо? Упование на Бога часто обращает тьму в свет. Неотступное вопрошание священного откровения поднимает завесу и даёт благодать вглядываться в глубины Божьи. На одном диспуте заметили, что некий пуританский богослов то и дело что-то записывает на лежащем перед ним листе. Когда другие из любопытства попытались прочесть его заметки, они не нашли на странице ничего, кроме слов «Больше света, Господи», повторённых десятки раз. Какая подходящая молитва для изучающего Слово, когда он готовит проповедь!

[5] Вы часто будете видеть, как из лежащего перед вами отрывка бьют свежие потоки мыслей, словно скалы коснулся жезл Моисея; перед вашим изумлённым взором

откроются новые жилы драгоценной руды, когда вы будете разрабатывать залежи Божьего Слова, усердно орудуя молотом молитвы. Иногда вам будет казаться, что вы со всех сторон заперты, — и вдруг перед вами откроется новый путь. Имеющий ключ Давидов отворяет, и никто не затворит. Если вы когда-нибудь плыли вниз по Рейну, то, вероятно, заметили, что водные виды этой величественной реки очень напоминают вереницу озёр. И впереди и позади судно словно замкнуто массивными скальными стенами или кольцами террас, покрытых виноградниками; но вдруг вы огибаете поворот, и перед вами радостная, полноводная река продолжает свой могучий бег. Так нередко бывает с усердным исследователем текста: кажется, что текст наглухо закрыт от вас, но молитва продвигает ваше судно и направляет его нос к новым водам, и вы видите широкий, глубокий поток священной истины, полноводно текущий и увлекающий вас с собой. Разве это не убедительная причина не оставлять моления? Пользуйтесь молитвой как буром — и из недр Слова забьют источники живой воды. Кто согласится томиться жаждой, когда живую воду так легко получить! Лучшие и святейшие люди всегда считали молитву важнейшей частью подготовки к кафедре. О Мак-Чейне[11] сказано: «Стремясь в воскресенье дать своему народу то, что самому ему чего-то стоило, он никогда без настоятельной причины не выходил к нему, не проведя предварительно много времени в размышлении и молитве. Свой принцип в этом отношении он выразил в замечании, сделанном некоторым из нас во время беседы на эту тему. Когда его спросили о тщательной подготовке к кафедре, он напомнил нам Исход 27:20: “Выбитое масло — выбитое масло для светильников святилища”. И всё же

молитвенность его была ещё больше. Он действительно не мог пренебречь общением с Богом перед тем, как войти в собрание. Ему необходимо было погрузиться в Божью любовь. Его служение в такой степени состояло в передаче мыслей, сначала освятивших его собственную душу, что здоровье его души было совершенно необходимо для силы и действенности его служения». «Началом всякого труда у него неизменно была подготовка собственной души. Стены его комнаты были свидетелями его молитвенности, слёз и воплей».

6 Молитва особенно поможет вам в произнесении проповеди. В самом деле, ничто не приготовит вас к проповеди столь чудесным образом, как возможность говорить с людьми, только что сойдя с горы общения с Богом. Никто не умеет так убеждать людей, как те, кто боролся с Богом ради них. Об Аллейне сказано: «Он изливал самое сердце в молитве и проповеди. Его моления и увещания были так исполнены любви, святой ревности, жизни и силы, что совершенно покоряли слушателей; он словно таял над ними и тем отогревал, смягчал, а иногда и растапливал самые жёсткие сердца». Ничего подобного этому святому таянию сердец не могло бы произойти, если бы его собственный дух прежде не подвергся жарким лучам Солнца праведности в уединённом общении с воскресшим Господом. Подлинно проникновенная речь, в которой нет притворства, но много любви, может родиться только из молитвы. Нет красноречия, подобного красноречию сердца, и нет школы, где ему учатся, кроме подножия креста. Лучше вам вовсе не узнать ни одного правила человеческого ораторского искусства, но исполниться силы любви, рождённой свыше, чем овладеть Квинтилианом,

Цицероном и Аристотелем и остаться без апостольского помазания.

[7] Молитва, возможно, не сделает вас красноречивыми по человеческим меркам, но сделает вас такими по существу, ибо вы будете говорить от сердца; а не в этом ли смысл красноречия? Она низведёт небесный огонь на вашу жертву и тем докажет, что Господь её принял.

[8] Как во время подготовки в ответ на молитву часто пробиваются свежие источники мысли, так бывает и при произнесении проповеди. Большинство проповедников, полагающихся на Божьего Духа, скажут вам, что самые свежие и лучшие их мысли — не заранее обдуманные, а те, которые прилетают к ним словно на ангельских крыльях: неожиданные сокровища, внезапно принесённые небесными руками, семена райских цветов, навеянные с мирровых гор. Не раз и не два, когда я чувствовал стеснение и мысли и слова, тайное стенание сердца приносило мне облегчение, и я обретал больше обычной свободы. Но как посмеем мы молиться в сражении, если не взывали к Господу, пока надевали доспехи! Воспоминание о домашней молитвенной борьбе утешает проповедника, скованного на кафедре: Бог не оставит нас, если мы не оставили Его. Вы, братья, убедитесь, что молитва даст вам силу по мере ваших дней.

[9] Как огненные языки сошли на апостолов, когда те пребывали в бдении и молитве, так они сойдут и на вас. В ту минуту, когда вы, возможно, уже начали бы изнемогать, вы вдруг почувствуете, что вас поднимает словно сила серафима. К вашей колеснице, которая уже стала тяжело тащиться, будут приставлены огненные колёса, и в одно мгновение в эту пламенную колесницу впрягутся ангельские кони; вы будете возноситься к

небесам, подобно Илии, в восторге пылающего вдохновения.

10 Как после проповеди добросовестный проповедник дал бы выход своим чувствам и нашёл утешение душе, если бы доступ к престолу милости был для него закрыт? Поднявшись до высшей степени душевного возбуждения, чем можем мы облегчить душу, если не неотступными молениями? Или, подавленные страхом неудачи, чем утешимся, если не изольём со стоном жалобу перед нашим Богом? Как часто некоторые из нас полночь ворочались на постели, сознавая недостатки своего свидетельства! Как часто нам хотелось броситься обратно на кафедру, чтобы с большей горячностью повторить то, что мы произнесли так холодно! Где ещё найти покой духу, как не в исповедании греха и страстной мольбе о том, чтобы наша немощь или неразумие никоим образом не воспрепятствовали Духу Божьему! В публичном собрании невозможно излить всю сердечную любовь к пастве. Подобно Иосифу, любящий служитель будет искать, где поплакать; как бы свободно он ни выражался, на кафедре его чувства остаются сдержанными, и только в уединённой молитве он может поднять затворы и дать им свободно излиться. Если мы не можем склонить людей к Богу, то по крайней мере постараемся умолить Бога о людях. Мы не можем их спасти и даже убедить принять спасение, но можем хотя бы оплакивать их безумие и просить вмешательства Господа. Подобно Иеремии, мы можем принять решение: «Если же вы не послушаете сего, то душа моя в сокровенных местах будет оплакивать гордость вашу, будет плакать горько, и глаза мои будут изливаться в слезах». К таким проникновенным мольбам сердце Господа никогда не может остаться равнодушным; в своё время плачущий ходатай станет радующимся

приобретателем душ. Между неотступной молитвенной борьбой и подлинным успехом существует прямая связь, как между родовыми муками и рождением, сеянием со слезами и жатвой с радостью. «Отчего у тебя семена так скоро всходят?» — спросил один садовник другого. «Потому что я их замачиваю», — ответил тот. Нам следует пропитывать всё наше учение слезами, «когда рядом лишь один Бог», — и его рост удивит и обрадует нас. Кто мог бы удивляться успеху Брейнерда, если его дневник содержит такие записи: «День Господень, 25 апреля. Сегодня утром около двух часов провёл в святых занятиях; мне было дано более обычного подвизаться в мучительной молитве о бессмертных душах. Хотя было раннее утро и солнце едва светило, тело моё было совершенно мокрым от пота». В том же заключалась тайна силы Лютера. Теодор сказал о нём: «Я случайно услышал его молитву; но, Боже милостивый, с какой жизнью и духом он молился! В нём было столько благоговения, словно он говорил с Богом, и вместе с тем столько доверия, словно он говорил со своим другом». Братья мои, позвольте умолять вас: будьте людьми молитвы. Возможно, великих дарований у вас никогда не будет, но вы вполне обойдётесь без них, если будете обильны ходатайством. Если вы не молитесь о посеянном, Бог по Своему полновластию может всё же решить послать благословение, но вы не вправе его ожидать; а если оно придёт, вашему собственному сердцу оно не принесёт утешения. Вчера я читал книгу отца Фейбера, покойного священника Оратория в Бромптоне, — удивительную смесь истины и заблуждения. В ней он рассказывает такую легенду. Некий проповедник, чьи проповеди обращали людей десятками, получил небесное откровение: ни одно из обращений не произошло

благодаря его дарованиям или красноречию, но все — благодаря молитвам неграмотного брата-мирянина, который сидел на ступенях кафедры и всё это время молился об успехе проповеди. В день, когда всё откроется, так может оказаться и с нами. После долгого, изнурительного проповеднического труда мы, возможно, обнаружим, что вся честь принадлежит другому строителю, чьи молитвы были золотом, серебром и драгоценными камнями, тогда как наши проповеди, произносимые без молитвы, были лишь сеном и соломой.

11 Закончив проповедь, мы, если мы истинные служители Божьи, не закончим молиться, потому что вся церковь многими голосами будет взывать словами македонянина: «Приди и помоги нам» — молитвой. Если вам дано одерживать победу в молитве, к вам будут стекаться люди и просить уделить им место в ваших ходатайствах; вам придётся возносить множество прошений за других, и так вы получите поручения идти к престолу милости от имени друзей и слушателей. Таков всегда мой удел, и я радуюсь возможности представлять подобные просьбы моему Господу. У вас никогда не будет недостатка в предметах для молитвы, даже если никто их вам не предложит. Посмотрите на свою общину. В ней всегда есть больные телом и ещё больше больных душой. Одни ещё не спасены, другие ищут и не могут найти. Многие унывают; немало верующих отступают назад или скорбят. Есть вдовьи слёзы и сиротские вздохи, которые следует собрать в наш сосуд и излить перед Господом. Если вы подлинный Божий служитель, то предстанете пред Господом как священник, духовно облечённый в ефод и наперсник с именами сынов Израилевых, чтобы ходатайствовать за них за завесой. Я знал братьев, которые вели список людей, о ком считали своим долгом

особенно молиться; не сомневаюсь, что такая запись часто напоминала им то, что иначе могло бы изгладиться из памяти. Но и ваш народ не займёт вас всецело: страна и мир потребуют своей доли. Человек, сильный в молитве, может стать огненной стеной вокруг своей страны, её ангелом-хранителем и щитом. Все мы слышали, как враги протестантского дела страшились молитв Нокса больше, чем десятитысячных армий. Знаменитый Уэлч тоже был великим ходатаем за свою страну; он говорил, что «дивится, как христианин может всю ночь пролежать в постели и не встать на молитву». Когда жена, боясь, что он простудится, последовала за ним в комнату, куда он удалился, она услышала его отрывистые моления: «Господи, неужели Ты не даруешь мне Шотландию?» О, если бы мы так боролись в полночь, взывая: «Господи, неужели Ты не даруешь нам души наших слушателей?»

[12] Служитель, который не молится усердно о своём труде, несомненно, тщеславен и самонадеян. Он поступает так, словно считает себя достаточным сам по себе и потому не нуждающимся в обращении к Богу. Но какая беспочвенная гордость — воображать, что наша проповедь может сама по себе обладать такой силой, чтобы отвратить людей от грехов и привести их к Богу без действия Святого Духа! Если мы по-настоящему смиренномудры, то не осмелимся выйти на бой, пока Господь Саваоф не облечёт нас всей необходимой силой и не скажет: «Иди с этою силою твоею». Проповедник, который пренебрегает продолжительной молитвой, должно быть, очень небрежно относится к своему служению. Он не мог постичь своего призвания; не мог исчислить цену души или оценить смысл вечности. Он, должно быть, лишь должностное лицо, соблазнившееся кафедрой потому, что ему очень нужен кусок хлеба,

связанный со священническим служением, — или отвратительный лицемер, любящий человеческую похвалу и не заботящийся о похвале Божьей. Он непременно станет поверхностным болтуном, которого лучше всего принимают там, где меньше всего ценят благодать и больше всего восхищаются пустой видимостью. Он не может принадлежать к тем, кто глубоко пашет и собирает обильную жатву. Он всего лишь бездельник, а не труженик. Как проповедник он носит имя, будто жив, но мёртв. Он хромает в своей жизни, словно хромой из книги Притчей, чьи ноги неравны: его молитва короче его проповеди.

13 Боюсь, что в этом отношении большинству из нас в той или иной мере необходимо испытать самих себя. Если кто-нибудь из присутствующих осмелится сказать, что как студент молится столько, сколько должен, я всерьёз усомнюсь в его утверждении. А если здесь есть служитель, диакон или пресвитер, который может сказать, что, по его убеждению, он проводит с Богом в молитве всё то время, какое мог бы, я был бы рад с ним познакомиться. Могу лишь сказать: если он вправе притязать на это превосходство, то оставляет меня далеко позади, ибо я не могу заявить ничего подобного. Хотел бы я иметь такую возможность! Делаю это признание с немалым стыдом и смущением, но вынужден его сделать. Если мы не небрежнее других, это нас не утешает: чужие недостатки нас не оправдывают. Как немногие из нас могли бы сравнить себя с мистером Джозефом Аллейном, о чьём характере я уже говорил! «Когда он был здоров, — пишет его жена, — он неизменно вставал в четыре часа или раньше и очень огорчался, если слышал, что кузнецы или другие ремесленники уже принялись за работу, прежде чем он приступил к общению с Богом. Он часто

говорил мне: “Как этот шум стыдит меня! Разве мой Господин не заслуживает большего, чем их хозяева?” С четырёх до восьми он проводил время в молитве, святом созерцании и пении псалмов, которым очень наслаждался и ежедневно занимался как наедине, так и с семьёй. Иногда он прерывал обычный ход приходских дел и посвящал целые дни этим тайным упражнениям; для этого он устраивал себе уединение в каком-нибудь пустом доме или укромном месте открытой долины. Там он много молился и размышлял о Боге и небесах».[12] Можем ли мы читать описание Дэвида Брейнерда, данное Джонатаном Эдвардсом, и не краснеть? «Его жизнь, — говорит Эдвардс, — указывает верный путь к успеху в трудах служения. Он искал его, как решительный воин ищет победы при осаде или в битве или как бегущий состязается ради великой награды. Одушевлённый любовью ко Христу и душам, как он постоянно и горячо трудился — не только в слове и учении, публично и наедине, но и в молитвах день и ночь, “борясь с Богом” втайне и “мучаясь в родах” с невыразимыми стенаниями и страданиями, “доколе не изобразится Христос” в сердцах людей, к которым он был послан! Как жаждал он благословения своему служению и “бодрствовал о душах как обязанный дать отчёт”! Как он “выходил в силе Господа Бога”, ища особого действия Духа и полагаясь на Него, чтобы Он помог ему и даровал успех! И каков же был наконец счастливый плод после долгого ожидания и множества мрачных и обескураживающих признаков? Подобно истинному сыну Иакова, он неотступно продолжал борьбу сквозь всю ночную тьму, пока не занялась заря».[13]

[14] Разве не должен устыдить нас дневник Генри Мартина, в котором мы находим такие записи: «24 сентября.

Решение, с которым я лёг вчера спать, — посвятить сегодняшний день молитве и посту — мне было дано исполнить. В первой молитве об избавлении от мирских помыслов, полагаясь на силу и обетования Бога, чтобы удержать душу в сосредоточенности во время молитвы, я получил помощь и почти час наслаждался большой отрешённостью от мира. Затем читал историю Авраама, чтобы увидеть, как близко Бог открывал Себя смертным людям древности. После того, молясь о собственном освящении, я свободно и горячо стремился душой к святости Божьей; это было лучшее время дня».[14] Пожалуй, с большим правом мы могли бы присоединиться к его сетованию после первого года служения: он «считал, что посвятил слишком много времени публичному служению и слишком мало — уединённому общению с Богом».

[15] Сколько благословений мы упустили из-за нерадения в молитве, мы едва ли можем представить; никто из нас не знает, как мы бедны в сравнении с тем, какими могли бы стать, если бы постоянно жили ближе к Богу в молитве. Напрасные сожаления и догадки бесполезны; гораздо полезнее будет твёрдое решение исправиться. Нам не просто следовало бы молиться больше — мы обязаны это делать. Дело в том, что тайна всякого успеха в служении заключается в силе ходатайства у престола милости.

[16] Одно из светлых благословений, которые уединённая молитва низводит на служение, — нечто неописуемое и неподражаемое, что легче понять, чем назвать. Это роса от Господа, Божье присутствие, которое вы сразу узнаете, если я скажу: «помазание от Святого». Что это такое? Интересно, сколько пришлось бы нам ломать голову, прежде чем мы смогли бы ясно выразить словами, что

значит проповедовать с помазанием! И всё же проповедующий знает, когда оно есть, а слушающий быстро замечает, когда его нет. Самария во время голода — образ проповеди без помазания; Иерусалим с пирами из тучных яств, полных тука, может изображать проповедь, им обогащённую. Все знают, что такое утренняя свежесть, когда на каждой травинке изобилуют восточные жемчужины росы; но кто может её описать, тем более произвести сам? Такова тайна духовного помазания: мы знаем, но не умеем рассказать другим, что это такое. Подделать его столь же легко, сколь неразумно. Так делают некоторые, употребляя выражения, которые должны обозначать горячую любовь, но чаще свидетельствуют о болезненной сентиментальности или простом пустосвятстве. «Дорогой Господь!», «Сладчайший Иисус!», «Драгоценный Христос!» — они изливают их в таком изобилии, что становится тошно. Эти близкие обращения могли быть не просто терпимы, но даже прекрасны, когда впервые слетели с уст Божьего святого, говорившего словно из среды величественной славы; однако, когда их повторяют легкомысленно, они становятся не только невыносимыми, но и непристойными, если не кощунственными. Некоторые пытались подражать помазанию с помощью неестественных интонаций и нытья, закатывая глаза и самым нелепым образом воздевая руки. Интонации и ритм Мак-Чейна постоянно слышишь у шотландцев; мы гораздо больше ценим его дух, чем его манеру, а одна лишь манера без силы подобна лишённой всякой жизни смердящей падали — отвратительной и вредной. Иные братья стараются достичь вдохновения напряжением и громкими криками, но оно не приходит. Мы знали таких, кто прерывает проповедь восклицанием «Да благословит

вас Бог!», и таких, кто неистово жестикулирует и впивается ногтями в ладони, словно их сотрясают судороги небесного пыла. Тьфу! Всё это пахнет актёрской уборной и сценой. Возбуждать горячность в слушателях, изображая её в проповеднике, — отвратительный обман, который честные люди должны отвергнуть с презрением. «Изображать чувство, — говорит Ричард Сесил, — тошнотворно, и подделка быстро обнаруживается; но чувствовать — самый прямой путь к сердцам других». Помазание нельзя изготовить, а подделки под него хуже бесполезного; само же оно бесценно и безмерно необходимо, если вы хотите назидать верующих и приводить грешников к Иисусу. Тому, кто втайне молит Бога, вверяется эта тайна; на нём почивает роса Господня, вокруг него — благоухание, веселящее сердце. Если помазание, которое мы несём, не от Господа Саваофа, то мы обманщики; а поскольку получить его можно только в молитве, будем молиться неотступно, постоянно и пламенно. Пусть ваше руно лежит на гумне моления, пока не намокнет от небесной росы. Не идите служить в храме, пока не омоетесь в умывальнике. Не думайте стать вестником благодати для других, пока сами не увидите Бога благодати и не получите слово из Его уст. Время, проведённое в тихом поклонении души, простёртой перед Господом, чрезвычайно укрепляет. Давид «сел пред лицем Господа»; великое дело — так свято пребывать перед Ним, когда ум открыт и восприимчив, словно распустившийся цветок, пьющий солнечные лучи, или чувствительная фотографическая пластинка, принимающая находящийся перед ней образ. Тишина, которую некоторые не выносят, потому что она обнаруживает их внутреннюю бедность, для мудрых

подобна кедровому дворцу: по его священным дворам благоволит ходить Царь в Своей красоте.

> [17] Святое молчание! Ты —
> Затвор, открывающий глубины сердца,
> Порождение небесного рода,
> Мороз для уст и оттепель для ума.[15]

[18] Как бы ни был бесценен дар слова, упражнение в молчании в некоторых отношениях далеко его превосходит. Вы считаете меня квакером? Что ж, пусть так. Здесь я с великой любовью следую Джорджу Фоксу, ибо убеждён, что большинство из нас придаёт слишком большое значение речи, которая в конце концов лишь оболочка мысли. Тихое созерцание, безмолвное поклонение, невысказанный восторг — вот чем я владею, когда передо мной мои лучшие драгоценности. Братья, не лишайте своё сердце радостей морской глубины; не упускайте жизни в глубине, вечно болтая среди разбитых раковин и пенящегося прибоя у берега.

[19] Я хотел бы настоятельно рекомендовать вам, когда вы утвердитесь на поприще служения, устраивать особые периоды духовного уединения. Если обычные молитвы не поддерживают свежесть и силу ваших душ и вы чувствуете, что слабеете, уединитесь на неделю, а если возможно — даже на месяц. У нас бывают дни отдыха; почему бы почаще не устраивать святые дни? Мы слышим, что более состоятельные братья находят время на путешествие в Иерусалим; не могли бы и мы уделить время менее трудному и гораздо более полезному путешествию в небесный город? Исаак Амброуз, некогда пастырь в Престоне и автор знаменитой книги «Взирая на Иисуса», всегда отводил один месяц в году для уединения в хижине в лесу близ Гарстанга. Неудивительно, что он

был столь сильным богословом, раз мог регулярно проводить столько времени на горе с Богом. Я замечаю, что римские католики обычно устраивают то, что называют «ретритами»: несколько священников на время удаляются в полную тишину, чтобы провести всё время в посте и молитве и воспламенить свои души. Мы можем учиться и у противников. Было бы великим делом, если бы круг действительно духовных братьев время от времени проводил вместе день или два в подлинно пламенной молитвенной борьбе. В обществе одних пастырей можно было бы позволить себе гораздо большую свободу, чем в смешанном собрании. Времена смирения и моления для всей церкви также принесут нам пользу, если мы будем участвовать в них всем сердцем. Наши дни поста и молитвы в Табернакле были поистине великими днями: никогда небесные врата не стояли шире, никогда наши сердца не были ближе к самому средоточию славы. Я ожидаю нашего месяца особой молитвы так, как мореплаватели ожидают прибытия к суше. Даже если бы ради времени для особой молитвы нам пришлось отложить публичный труд, это могло бы принести большую пользу нашим церквам. Путешествие к золотым рекам общения с Богом и размышления окупилось бы грузом освящённых чувств и возвышенных мыслей. Наше молчание могло бы быть лучше наших голосов, если бы уединение проводилось с Богом. Велик был поступок древнего Иеронима, когда он отложил все неотложные дела, чтобы исполнить замысел, к которому чувствовал небесное призвание. У него была большая община — настолько большая, какой только мог бы пожелать любой из нас; но он сказал народу: «Теперь необходимо перевести Новый Завет; вы должны найти другого проповедника. Перевод должен быть сделан; я ухожу в

пустыню и не вернусь, пока не закончу труда». Он ушёл со своими рукописями, молился, трудился и создал произведение — латинскую Вульгату, — которое сохранится, пока стоит мир; в целом это замечательнейший перевод Священного Писания. Если учёность вместе с молитвенным уединением смогли произвести такой бессмертный труд, то и нам, когда почувствуем к тому побуждение, стоило бы порой говорить своему народу: «Дорогие друзья, нам действительно нужно ненадолго уйти, чтобы освежить души в уединении». Тогда наше преуспеяние скоро стало бы явным; и хотя мы, возможно, не написали бы латинских Вульгат, всё же совершили бы бессмертное дело, которое устоит в огне.

Лекция 4. Наша общая молитва

[1] Епископальные христиане порой хвалились тем, что члены государственной Церкви ходят в свои храмы молиться и поклоняться Богу, тогда как диссентеры собираются лишь слушать проповеди. Мы отвечаем: хотя среди исповедующих веру могут быть люди, виновные в этом зле, это неверно в отношении народа Божьего среди нас; а ведь только такие люди в любой церкви и могут по-настоящему наслаждаться богопочитанием. Наши общины собираются для поклонения Богу, и мы без колебаний утверждаем: в наших обыкновенных нонконформистских богослужениях возносится не меньше подлинной, угодной Богу молитвы, чем в лучших и самых пышных службах Церкви Англии.

[2] Более того, если этим замечанием хотят сказать, что слушание проповеди не является поклонением Богу, оно основано на грубой ошибке: должным образом слушать Евангелие — одна из благороднейших частей поклонения Всевышнему. Когда это умственное занятие совершается правильно, все способности духовного человека призываются к действию богопочитания. Благоговейное слушание Слова упражняет наше смирение, наставляет веру, озаряет нас радостью, воспламеняет любовью, вдохновляет ревностью и возносит к небесам. Не раз проповедь становилась своего рода лестницей Иакова, на которой мы видели восходящих и нисходящих ангелов Божьих, а над нею — Самого Бога завета. Когда Бог через Своих служителей говорил к нашим душам, мы часто чувствовали: «Это не что иное, как дом Божий; это врата небесные». Мы величали имя Господа и всем сердцем славили Его, пока Он говорил с нами Своим Духом,

данным людям. Поэтому между проповедью и молитвой нельзя проводить того глубокого различия, которое некоторые хотели бы заставить нас признать: одна часть богослужения мягко переходит в другую, и проповедь часто вдохновляет молитву и гимн. Истинная проповедь — угодное Богу поклонение через явление Его благодатных свойств. Свидетельство Его Евангелия, которое преимущественно прославляет Его, и послушное слушание открытой истины — угодная Всевышнему форма поклонения, возможно, одна из самых духовных, в каких может участвовать человеческий ум. И всё же, как говорит древний римский поэт, полезно учиться у врагов; поэтому, возможно, наши противники, защищающие установленный молитвенный чин, указали нам на то, что в некоторых случаях действительно является слабым местом наших публичных богослужений. Есть основания опасаться, что не всегда наши священные занятия облечены в наилучшую форму и проводятся самым достойным образом. Есть молитвенные дома, где моления не столь благоговейны и усердны, как нам хотелось бы; в других местах усердие так связано с невежеством, а благоговение так испорчено крикливостью, что ни один разумный верующий не может с радостью участвовать в служении. Не все среди нас молятся в Святом Духе, не все молятся разумом так же, как сердцем. Есть что улучшать, а в некоторых местах улучшения настоятельно необходимы. Поэтому, возлюбленные братья, позвольте мне с величайшей серьёзностью предостеречь вас: не портите богослужение своими молитвами. Примите твёрдое решение, чтобы всё совершаемое в святилище было наилучшего качества.

[3] Будьте уверены: свободная молитва наиболее соответствует Писанию и должна быть превосходнейшей

формой общего моления. Если вы потеряете веру в то, что делаете, то никогда не будете делать этого хорошо. Поэтому твёрдо усвойте: пред Господом вы поклоняетесь способом, который оправдан Божьим Словом и угоден Господу. Выражения «чтение молитв», к которому мы теперь так привыкли, нет в Священном Писании, хотя оно богато словами для передачи религиозной мысли; а нет этого выражения потому, что и самого явления не существовало. Где в апостольских писаниях встречается хотя бы мысль об установленном молитвенном чине? Молитва в собраниях первых христиан не была ограничена какой-либо словесной формой. Тертуллиан пишет: «Мы молимся без подсказчика, потому что от сердца».[16] Иустин Мученик описывает предстоятеля как молящегося «по мере своей способности».[17] Трудно было бы определить, когда и где появились установленные молитвенные чины; они вводились постепенно и, как мы полагаем, вместе с упадком чистоты в церкви. Введение их среди нонконформистов ознаменовало бы время нашего упадка и падения. Тема соблазняет меня задержаться, но сейчас речь не о ней, поэтому я иду дальше, заметив лишь, что вопрос об установленных молитвенных чинах умело разобран доктором Джоном Оуэном; вам полезно будет обратиться к нему.[18]

[4] Будем доказывать превосходство молитвы своими словами тем, что сделаем её более духовной и усердной, чем молитва по установленному чину. Очень жаль, когда слушатель вынужден заметить: «Наш служитель проповедует гораздо лучше, чем молится». Это не соответствует примеру нашего Господа: Он говорил так, как никогда не говорил человек; а Его молитвы настолько впечатлили учеников, что они сказали: «Господи, научи нас молиться». Во время общей молитвы все наши

способности должны сосредоточить свою силу, а весь человек — подняться до высшей степени духовной бодрости, тогда как Святой Дух будет погружать душу и дух в Своё святое действие. Но неряшливые, небрежные, безжизненные разговоры под видом молитвы, призванные заполнить определённое место в богослужении, утомляют человека и являются мерзостью для Бога. Если бы свободная молитва повсюду стояла на большей высоте, об установленном чине никогда бы и не подумали; и сегодня у готовых молитвенных форм нет лучшего оправдания, чем немощь молитв, произносимых своими словами. Тайна в том, что мы не столь по-настоящему благочестивы сердцем, как должны быть. Нужно поддерживать постоянное общение с Богом, иначе наши общие молитвы будут безвкусными или формальными. Если высоко в горных ущельях не тает ледник, вниз не побегут ручьи, оживляющие равнину. Уединённая молитва — место подготовки к нашим публичным священным занятиям; нельзя долго пренебрегать ею и при этом сохранять должное состояние перед народом.

[5] Наши молитвы никогда не должны пресмыкаться: они должны парить и возноситься. Нам нужен небесный строй мыслей. Наши обращения к престолу благодати должны быть торжественными и смиренными, а не легкомысленными и шумными или формальными и небрежными. Разговорная фамильярность неуместна перед Господом: мы должны склоняться в благоговении и глубочайшем трепете. Мы можем говорить с Богом дерзновенно, однако Он на небесах, а мы на земле; нам следует избегать самонадеянности. В молении мы особенным образом предстоим престолу Бесконечного; и как придворный в царском дворце держится и обращается с царём иначе, чем со своими товарищами, так должно

быть и с нами. В голландских церквях мы замечали: как только служитель начинает проповедовать, каждый мужчина надевает шляпу, но едва он обращается к молитве, все снимают шляпы. Таков был обычай старых пуританских общин Англии, и он долго сохранялся у баптистов: они оставались в головных уборах во время тех частей богослужения, которые не считали прямым поклонением, но снимали их, как только начиналось непосредственное обращение к Богу — в пении или молитве. Я считаю этот обычай неприличным, а его обоснование ошибочным. Я уже утверждал, что различие между молитвой и слушанием невелико, и уверен: никто не предложил бы вернуться ни к старому обычаю, ни к мнению, которое он выражал. И всё же различие существует; поскольку в молитве мы прежде всего непосредственно говорим с Богом, а не ищем назидания ближних, нам следует снять обувь с ног, ибо место, на котором мы стоим, — земля святая.

[6] Пусть ваши молитвы будут обращены только к Господу. Берегитесь оглядываться на слушателей; берегитесь красноречия, предназначенного им понравиться. Молитва не должна превращаться в «косвенную проповедь». Делать богопочитание поводом для показа себя — почти богохульство. Красивые молитвы обыкновенно бывают весьма дурными молитвами. Перед Господом Саваофом грешнику не подобает щеголять перьями и мишурой пышной речи, желая снискать одобрение других смертных. Лицемеры, дерзающие так поступать, уже получают свою награду, но этой награды следует страшиться. Тяжкий приговор служителю был произнесён в лестном замечании, что его молитва была самой красноречивой из всех когда-либо обращённых к бостонскому собранию. Мы можем стремиться

пробуждать желания и духовные стремления тех, кто слышит нашу молитву; однако каждое слово и каждая мысль должны быть направлены к Богу и касаться людей лишь настолько, насколько необходимо представить их и их нужды Господу. Помните о людях в своих молитвах, но не придавайте прошениям форму, рассчитанную на то, чтобы заслужить их уважение: смотрите вверх, обоими глазами смотрите вверх.

7 Избегайте в молитве всякой грубости. Должен признаться, я слышал немало грубых выражений, но пересказывать их было бы бесполезно, тем более что с каждым днём они встречаются реже. Теперь мы редко слышим те грубости в молитвах, которые некогда были столь обычны на методистских молитвенных собраниях, — вероятно, гораздо обычнее в рассказах, чем в действительности. Необразованные люди, если они искренни, неизбежно молятся по-своему; их речь нередко будет коробить людей взыскательных, хотя, может быть, и не благочестивых. Это нужно учитывать, и, если дух явно искренен, мы можем простить нескладные выражения. Однажды на молитвенном собрании я услышал, как бедный человек молился: «Господи, храни этих молодых людей во время праздника, ибо Ты знаешь, Господи, как их враги подстерегают их, словно кошка подстерегает мышей». Некоторые высмеяли это выражение, но мне оно показалось естественным и выразительным, если принять во внимание того, кто его употребил. Небольшое мягкое наставление и один-два намёка обычно помогут в подобных случаях избежать повторения чего-либо неуместного; но мы, занимающие кафедру, должны следить, чтобы сами были от этого совершенно свободны. Биограф замечательного американского методистского проповедника Джейкоба Грубера приводит такой пример

его находчивости. Услышав, как молодой служитель-кальвинист резко нападает на его вероучение, Грубер получил приглашение завершить собрание молитвой и, среди прочих прошений, попросил Господа благословить проповедовавшего юношу и даровать ему много благодати, «чтобы сердце его стало таким же мягким, как голова». Не говоря уже о дурном вкусе подобного публичного выпада против собрата-служителя, всякий здравомыслящий человек увидит: престол Всевышнего — не место для таких грубых острот. Вероятнее всего, молодой оратор заслужил взыскание за нарушение любви, но старший согрешил в десять раз больше недостатком благоговения. Для Царя царей нужны отборные слова, а не те, что осквернены устами насмешников.

[8] Другая ошибка, которой столь же необходимо избегать в молитве, — несвятое и приторное изобилие ласкательных слов. Когда «Дорогой Господь», «Благословенный Господь» и «Сладчайший Господь» звучат снова и снова, становясь пустыми повторениями, это одно из худших пятен. Признаюсь, слова «Дорогой Иисус» не вызвали бы во мне никакого отторжения, если бы исходили из уст Резерфорда, Хокера или Герберта. Но когда я слышу, как ласковые, близкие выражения затаскиваются людьми, ничуть не примечательными духовностью, мне хочется пожелать, чтобы они каким-либо образом лучше поняли истинное отношение между человеком и Богом. Слово «дорогой» от повседневного употребления стало столь обыденным и малозначительным, а в некоторых случаях столь глупым и жеманным, что пересыпать им молитвы отнюдь не назидательно.

[9] Особенно решительно следует возражать против постоянного повторения слова «Господи», встречающегося в первых молитвах новообращённых и даже у студентов. Слова «О Господи! О Господи! О Господи!» огорчают нас, когда мы слышим их столь беспрестанное повторение. «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» — великая заповедь; и хотя закон может нарушаться неумышленно, нарушение остаётся грехом, причём весьма серьёзным. Божье имя не должно служить затычкой, восполняющей недостаток слов. Старайтесь употреблять имя бесконечного Иеговы с величайшим благоговением. Иудеи в священных писаниях либо оставляют место для слова «Иегова» незаполненным, либо пишут «Адонай», считая это святое имя слишком священным для обычного употребления. Нам незачем быть столь суеверными, но было бы хорошо отличаться самым тщательным благоговением. Вполне можно обойтись без обилия «о!» и прочих междометий; молодые ораторы часто грешат этим.

[10] Избегайте того рода молитвы, который можно назвать — хотя для этого предмета язык дал нам не так много выражений — своего рода безапелляционным требованием, предъявляемым Богу. Отрадно слышать, как человек борется с Богом и говорит: «Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня». Но это должно произноситься кротко, а не с духом задиры, словно мы можем повелевать Владыке всего и требовать у Него благословений. Помните: борется всё-таки человек, хотя ему и позволено бороться с вечным СУЩИМ. После той ночной святой борьбы Иаков хромал на бедро, чтобы видеть: Бог страшен, и сила, которой Иаков одолел, заключалась не в нём самом. Нас учат говорить «Отче наш», но всё же — «Отче наш, сущий на небесах».

Близость возможна, но святая близость; дерзновение — но рождающееся благодатью и совершаемое Духом. Это не дерзость мятежника, который бесстыдно стоит перед оскорблённым царём, а смелость ребёнка, который боится потому, что любит, и любит потому, что боится. Никогда не впадайте в тщеславную манеру дерзкого обращения к Богу: на Него нельзя нападать как на противника; Его следует умолять как нашего Господа и Бога. Будем смиренны и кротки духом — и так будем молиться.

[11] Когда объявляете, что молитесь, молитесь, а не рассуждайте об этом. Деловые люди говорят: «Всему своё место, и всё на своём месте». Проповедуйте в проповеди и молитесь в молитве. Рассуждения о нашей нужде в помощи для молитвы — ещё не молитва. Почему люди не приступают к молитве сразу? Зачем ходят вокруг да около? Вместо того чтобы говорить, что им надлежит и хочется сделать, почему не взяться за дело во имя Бога и не сделать этого? Со всей серьёзностью приступайте к ходатайству и обратите лицо к Господу. Просите о восполнении великих и постоянных нужд церкви и не забывайте с благоговейным пылом представлять особые потребности нынешнего времени и собрания. Упоминайте больных, бедных, умирающих, язычников, иудеев и все забытые разряды людей, когда забота о них ложится вам на сердце. Молитесь о своём народе как о святых и грешниках, а не так, словно все они святы. Вспоминайте молодых и старых, тронутых Словом и беспечных, благочестивых и отступающих. Не сворачивайте ни направо, ни налево, но продолжайте пахать борозду настоящей молитвы. Пусть исповедания греха и благодарения будут правдивыми и уместными; пусть прошения возносятся так, словно вы верите в Бога и не сомневаетесь в действенности молитвы. Говорю это

потому, что многие молятся настолько формально, что наблюдатель вынужден заключить: они считают молитву очень приличным занятием, но всё же весьма малообещающим и сомнительным в отношении практического результата. Молитесь как человек, который испытал Бога и убедился в Его верности, а потому с несомненным доверием приходит возобновить свои прошения. И помните: на всём протяжении молитвы молитесь Богу, никогда не переходя к разговорам или проповеди, а тем более, как делают некоторые, к брани и ворчанию.

12 Как правило, если вас пригласили проповедовать, сами проводите и молитву. А если ваше служение будет пользоваться большим уважением — чего я и надеюсь для вас, — возьмите за правило с величайшей учтивостью, но столь же твёрдо противиться обычаю выбирать людей для молитвы лишь ради того, чтобы оказать им честь, дав какое-нибудь дело. Наше общее богопочитание никогда нельзя низводить до повода для любезностей. Я изредка слышал, как молитву и пение называют «предварительной частью богослужения», словно это только предисловие к проповеди. Надеюсь, у нас такое редко; будь оно обычным, это было бы нашим глубоким позором. Я неизменно стараюсь проводить всё богослужение сам — ради собственной пользы и, думаю, также ради пользы народа. Я не верю, что «для молитвы сойдёт кто угодно». Нет, господа: я глубоко убеждён, что молитва — одна из самых весомых, полезных и почётных частей богослужения и что обдумывать её следует даже тщательнее, чем проповедь. Нельзя выставлять для молитвы кого попало, а затем выбирать более способного человека для проповеди. Из-за немощи или по особому случаю служителю, возможно, будет облегчением

поручить кому-то молиться вместо него; но если Господь научил вас любить свой труд, вы не станете часто и охотно исполнять эту его часть через заместителя. Если вы вообще поручаете это служение другому, пусть это будет человек, в чьей духовности и нынешней готовности вы вполне уверены. Но неожиданно выбрать брата, лишённого нужного дара, и выставить его, чтобы он как-нибудь провёл молитвы, — постыдно.

> [13] Неужели небесам мы послужим с меньшим почтением,
> Чем служим собственному грубому естеству?

[14] Поручайте молитву самому способному человеку; лучше допустить недостаток в проповеди, чем в приближении к небесам. Будем служить бесконечному Иегове самым лучшим, что у нас есть; пусть молитва к Божественному Величию будет тщательно взвешена и вознесена всеми силами пробуждённого сердца и духовного разумения. Тот, кого общение с Богом приготовило служить народу, обыкновенно лучше всех присутствующих готов и к молитве. Составлять порядок богослужения так, чтобы вместо него выступал другой брат, — значит нарушать гармонию служения, лишать проповедника занятия, которое укрепило бы его для проповеди, и во многих случаях вызывать сравнения между одной частью богослужения и другой, чего вообще не следует допускать. Если на кафедру должны выходить неподготовленные братья, чтобы молиться за меня, когда меня пригласили проповедовать, то не вижу, почему бы не позволить мне помолиться, а затем удалиться и предоставить этим братьям проповедь. Я не вижу никакой причины лишать меня святейшего, сладостнейшего и полезнейшего занятия, которое назначил мне мой

Господь. Если мне будет предоставлен выбор, я скорее уступлю проповедь, чем молитву. Всё это я сказал, чтобы внушить вам: вы должны высоко ценить общую молитву и искать у Господа даров и благодатных качеств, необходимых для её правильного совершения.

15 Те, кто презирает всякую молитву своими словами, вероятно, ухватятся за эти замечания и обратят их против неё. Но могу заверить их: указанные недостатки у нас не распространены и, по существу, почти исчезли; а вызванный ими соблазн даже в худшие времена никогда не был столь велик, как соблазн от того, каким образом нередко совершается богослужение по установленному чину. Слишком часто церковную службу торопливо пробегают с таким отсутствием благоговения, словно это песенка уличного певца. Слова повторяют попугайски, ничуть не вникая в их смысл; не изредка, а очень часто в местах епископального богослужения можно видеть, как глаза прихожан, певчих и самого священника блуждают во все стороны, тогда как уже по тону чтения ясно, что читаемое не вызывает никакого внутреннего участия.[19] Я бывал на похоронах, где чин погребения Церкви Англии проносили галопом с такой непристойной поспешностью, что мне требовалась вся имевшаяся у меня благодать, чтобы не бросить подушку для коленопреклонения в голову этому существу. Я так негодовал, что не знал, что делать, слыша, как в присутствии скорбящих, чьи сердца истекали кровью, человек тараторит службу, словно ему платят сдельно и впереди у него ещё работа, поэтому он хочет покончить с этой как можно скорее. Не представляю, какое действие он рассчитывал произвести и какой добрый плод могли принести слова, выдёргиваемые и выбрасываемые с такой яростной торопливостью. Поистине ужасно думать, как этот

замечательный чин погребения губят и превращают в мерзость тем способом, каким его часто читают. Упоминаю об этом лишь потому, что, если наши молитвы будут судить слишком строго, мы можем предъявить грозное встречное обвинение и заставить обвинителей замолчать. Однако гораздо лучше исправлять собственные промахи, чем искать недостатки у других.

16 Чтобы наша общая молитва стала такой, какой должна быть, прежде всего необходимо, чтобы она была делом сердца. Человек должен молиться по-настоящему искренне. Это должна быть подлинная молитва; а если она такова, то, подобно любви, покроет множество грехов. Можно простить человеку фамильярность и даже грубость, когда ясно видишь, что с Творцом говорит самое сокровенное его сердце и что ошибки вызваны лишь недостатками образования, а не нравственными или духовными пороками сердца. Тот, кто молится перед собранием, должен быть исполнен усердия. Ведь сонная молитва — что может быть худшей подготовкой к проповеди? Сонная молитва — что сильнее может отбить у людей желание вообще идти в дом Божий? Вложите в это занятие всю душу. Если когда-нибудь всё ваше существо отдавалось какому-либо делу, пусть это будет приближение к Богу перед собранием. Молитесь так, чтобы Божественной силой притяжения увлечь вместе с собой всю общину к Божьему престолу. Молитесь так, чтобы силой почивающего на вас Святого Духа выразить желания и мысли каждого присутствующего и стать единым голосом сотен бьющихся сердец, пылающих усердием перед престолом Божьим.

17 Далее, наши молитвы должны соответствовать обстоятельствам. Я не говорю, что нужно входить во все

мельчайшие подробности жизни общины. Как я уже замечал, незачем превращать общую молитву в газету с событиями недели или в реестр рождений, смертей и браков ваших прихожан. Однако основные перемены, произошедшие в общине, должны быть замечены внимательным сердцем служителя. Он должен равно приносить к престолу благодати и радости, и скорби своего народа и просить, чтобы Божье благословение пребывало на его пастве во всех её переменах, трудах, занятиях и святых начинаниях, а Божье прощение простиралось на её недостатки и бесчисленные грехи.

[18] Далее, в качестве отрицательного правила я сказал бы: не затягивайте молитву. Кажется, Джон Макдональд говорил: «Если вы пребываете в духе молитвы, не молитесь долго, потому что другие не смогут поспевать за вашей необычайной духовностью; если же вы не в духе молитвы, тоже не молитесь долго, потому что тогда непременно утомите слушателей». Ливингстон пишет о Роберте Брюсе из Эдинбурга, знаменитом современнике Эндрю Мелвилла: «Никто в его время не говорил с таким явлением и силою Духа. Ни у кого не было столь многих печатей обращения; более того, многие его слушатели полагали, что со времён апостолов никто не говорил с такой силой… В присутствии других он молился очень кратко, но каждое предложение было словно мощная стрела, выпущенная к небесам. Я слышал, как он говорил, что утомляется, когда другие долго молятся; наедине же он проводил много времени в борьбе и молитве». В особых случаях, если человек необычайно взволнован и словно вынесен за пределы самого себя, он может молиться двадцать минут во время большой утренней молитвы; однако это не должно случаться часто. Мой друг доктор Чарльз Браун из Эдинбурга, основательно обдумав

вопрос, устанавливает десять минут как предел продолжительности общей молитвы. Наши предки-пуритане молились по три четверти часа и более; но следует помнить, что они не знали, доведётся ли им ещё когда-нибудь молиться перед собранием, и потому пользовались этой возможностью сполна. К тому же в те дни люди не были столь склонны спорить о длине молитв и проповедей, как теперь. Наедине невозможно молиться слишком долго. Там мы не ограничиваем вас ни десятью минутами, ни десятью часами, ни даже десятью неделями, если хотите. Чем больше вы стоите на коленях в одиночестве, тем лучше. Сейчас мы говорим об общих молитвах перед проповедью или после неё; для них десять минут — лучший предел, чем пятнадцать. Лишь один из тысячи пожалуется на вашу чрезмерную краткость, тогда как десятки будут роптать на утомительную продолжительность. «Своей молитвой он привёл меня в доброе расположение духа, — однажды сказал Джордж Уайтфилд об одном проповеднике. — Если бы на этом он остановился, было бы прекрасно; но, продолжая молиться, он снова вывел меня из этого состояния». Великое Божье долготерпение проявилось в том, что Он щадит некоторых проповедников, тяжко согрешающих в этом отношении. Своими многословными речами они немало повредили благочестию Божьего народа, и всё же Бог по милости позволил им продолжать служение в святилище. Горе тем, кому приходится слушать пастырей, молящихся перед собранием по двадцать пять минут, а потом просящих Бога простить их «недостатки»! Не молитесь слишком долго по нескольким причинам. Во-первых, вы утомляете себя и народ; во-вторых, чрезмерная длина молитвы отбивает у людей охоту слушать проповедь. Все эти сухие, скучные, пространные

разглагольствования в молитве лишь притупляют внимание, и слух словно засоряется. Никто не стал бы заваливать Врата слуха грязью или камнями, если собирался брать их приступом. Нет, пусть проход будет расчищен, чтобы евангельский таран мог действовать, когда придёт время его применить. Длинные молитвы состоят либо из повторений, либо из ненужных объяснений, в которых Бог не нуждается; либо они вырождаются в настоящие проповеди, и тогда между молитвой и проповедью нет никакой разницы, кроме того, что в первой служитель держит глаза закрытыми, а во второй — открытыми. Не требуется во время молитвы пересказывать катехизис Вестминстерской ассамблеи. Не требуется излагать духовный опыт всех присутствующих или даже свой собственный. Не требуется нанизывать избранные места Писания и цитировать Давида, Даниила, Иова, Павла, Петра и всех остальных под общим именем «древнего раба Твоего». В молитве необходимо приблизиться к Богу; но от вас не требуется продлевать речь до тех пор, пока все не затоскуют по слову «аминь». Не могу удержаться ещё от одного небольшого совета: никогда не создавайте впечатления, что заканчиваете, а затем не пускайтесь снова в путь ещё на пять минут. Когда друзья уже решили, что вы сейчас завершите, им трудно резким усилием вновь продолжить благоговейное участие. Я знал людей, которые дразнили нас надеждой на приближающийся конец, а потом два или три раза продлевали срок; это крайне неразумно и неприятно.

19 Ещё одно правило: не употребляйте затёртых благочестивых фраз. Братья мои, совсем покончите с этими скверными вещами: они отжили своё, пусть умирают. Эти образчики духовной напыщенности невозможно осудить слишком сильно. Некоторые —

чистые выдумки; другие взяты из апокрифов; третьи приписываются Писанию, но были страшно изуродованы с тех пор, как вышли от Автора Библии. В Baptist Magazine за 1861 год я писал об обычных грубостях молитвенных собраний следующее: «Затёртые благочестивые фразы — великое зло. Кто может оправдать подобные выражения: “Мы не хотели бы врываться в Твоё присутствие, как немыслящий (!!) конь в битву”? Словно кони вообще когда-либо мыслили и словно не лучше проявить дух и энергию коня, чем вялость и тупость осла! Поскольку стих, из которого, как мы предполагаем, извлечена эта прекрасная фраза, относится скорее к греху, чем к молитве, мы рады, что фраза доживает последние дни. “Переходи из сердца в сердце, как масло из сосуда в сосуд” — вероятно, цитата из детской сказки “Али-Баба и сорок разбойников”, но более лишённого смысла, связи с Писанием и поэзии предложения трудно себе представить. Нам неизвестно, чтобы масло перетекало из одного сосуда в другой каким-то особенно таинственным или чудесным образом. Правда, выливается оно довольно медленно и потому служит подходящим символом усердия некоторых людей; однако наверняка лучше получать благодать прямо с небес, чем из другого сосуда. Последнее — папистская идея, на которую, кажется, намекает эта метафора, если в ней вообще есть смысл. “Твой бедный недостойный прах” — определение, которым обычно называют себя самые гордые люди в общине, а нередко и самые богатые и низкопоклонные; в последнем случае слова “недостойный прах” не так уж неуместны. Мы слышали об одном добром человеке, который, молясь о детях и внуках, настолько затуманился ослепляющим влиянием этого выражения, что воскликнул: “О Господи, спаси Твой прах, и прах Твоего

праха, и прах праха Твоего праха”. Когда Авраам сказал: “Я решился говорить Владыке, я, прах и пепел”, — слова были сильны и выразительны; но в ошибочно цитируемой, извращённой и затасканной форме чем скорее их отправят в их собственную стихию, тем лучше. Жалкое нагромождение искажённых мест Писания, нескладных сравнений и нелепых метафор образует своего рода духовный жаргон, порождённый нечестивым невежеством, недостойным подражательством или лишённым благодати лицемерием. Он одновременно позорит тех, кто постоянно его повторяет, и становится невыносимой помехой для тех, чьи уши им истерзаны».

[20] Доктор Чарльз Браун из Эдинбурга в замечательной речи на собрании Миссионерской ассоциации Нового колледжа приводит примеры ходячих ошибочных цитат, родившихся в Шотландии, но порой переходящих и через Твид. С его разрешения приведу обширную выдержку. «Бывает то, что можно назвать неудачным, а иногда прямо-таки нелепым смешением библейских текстов. Кому не знакомы такие слова, обращённые к Богу в молитве: “Ты — Высокий и Превознесённый, обитающий в вечности и в её хвалах!”? Это всего лишь путаница из двух славных текстов: каждый славен сам по себе, но оба испорчены, а один и вовсе утрачен, когда их так соединяют и смешивают. Один — Исаия 57:15: “Так говорит Высокий и Превознесённый, обитающий в вечности, — Святый имя Его”. Другой — Псалом 22:3: “Ты свят, обитающий среди хвал Израиля”. Обитание в хвалах вечности, мягко говоря, скудная мысль: в минувшей вечности не было хвал, в которых можно было бы обитать. Но какая слава в том, что Бог снисходит, чтобы обитать, устроить Самому Себе жилище среди хвал Израиля, искупленной церкви! Вот ещё один пример в том же роде,

не менее нелепый, но настолько употребительный, что, подозреваю, его повсеместно считают освящённым Писанием: “Мы хотели бы положить руку на уста, а уста — в прах и возопить: нечист, нечист; Боже, будь милостив к нам, грешникам”. Здесь соединены не менее четырёх текстов, каждый из которых прекрасен сам по себе. Первый — Иов 40:4: “Вот, я ничтожен; что буду я отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои”. Второй — Плач 3:29: “Полагает уста свои в прах: может быть, ещё есть надежда”. Третий — Левит 13:45, где прокажённому велено покрыть верхнюю губу и кричать: “Нечист! Нечист!” Четвёртый — молитва мытаря. Но как несообразно сначала положить руку на уста, потом уста — в прах, а напоследок закричать и так далее! Последний пример, который я приведу, — выражение, почти всеобщее среди нас и, подозреваю, почти всеми считаемое словами Писания: “В Твоём благоволении жизнь, и милость Твоя лучше жизни”. На самом же деле это опять неудачное соединение двух мест, в которых слово “жизнь” употреблено в совершенно разных и даже несовместимых смыслах: Псалом 63:3 — “Милость Твоя лучше жизни”, где жизнь явно означает нынешнюю временную жизнь.[20]

[21] Вторую группу можно назвать неудачными изменениями языка Писания. Нужно ли говорить, что Псалом 130 — “Из глубины…” — один из драгоценнейших во всей Псалтири? Почему же слова Давида и Святого Духа должны звучать в общей молитве так: “У Тебя прощение, да благоговеют пред Тобою, и обильное избавление, да ищут Тебя” — или: “да прибегают к Тебе”? Причём это повторяется столь постоянно, что благочестивые люди перенимают это выражение для дружеских и семейных молитв. Как драгоценны простые

слова в том виде, в каком они стоят в псалме: “У Тебя прощение, да благоговеют пред Тобою” (Псалом 130:4); “У Господа милость и многое у Него избавление, и Он избавит Израиля от всех беззаконий его” (Псалом 130:7–8)! Далее, в этом благословенном псалме слова третьего стиха — “Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто устоит?” — слишком редко оставляют нам в их обнажённой простоте; они должны претерпеть следующее изменение: “Если бы Ты строго замечал беззаконие…” Помню, в годы моего обучения в колледже употреблялась ещё более оскорбительная форма: “Если бы Ты строго замечал и сурово наказывал!” Ещё одно излюбленное изменение: “Ты на небе, а мы на земле; посему пусть наши слова будут немноги и хорошо упорядочены”. Простое и величественное изречение Соломона — несомненно, весьма поучительное для всего разбираемого мною предмета — таково: “Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги” (Екклесиаст 5:2). Ещё пример из этой группы: посмотрите, как истязают возвышенные слова Аввакума: “Твои очи слишком чисты, чтобы смотреть на зло, и Ты не можешь смотреть на грех без отвращения”. Слова Святого Духа таковы (Евреям 1:13): “Твои очи слишком чисты, чтобы смотреть на зло, и Ты не можешь смотреть на беззаконие”. Нужно ли говорить, что сила образа “не можешь смотреть на беззаконие” почти утрачивается, когда добавляют, что Бог может смотреть на него, только не без отвращения?[21]

[22] Третью группу составляют бессмысленные плеоназмы — грубые, избитые многословные добавления при цитировании Писания. Одно из них стало настолько всеобщим, что я осмелюсь сказать: вы редко не услышите его, если соответствующее место вообще упоминается.

“Будь посреди нас” — или, как некоторые предпочитают выражаться, по-моему, несколько неудачно, “в нашей середине”, — “чтобы благословить нас и сделать нам добро”. Какую дополнительную мысль содержит последнее выражение: “и сделать нам добро”? Имеется в виду Исход 20:24: “На всяком месте, где Я положу память имени Моего, Я приду к тебе и благословлю тебя”. Такова простота Писания. Наше добавление: “Благослови нас и сделай нам добро”. В Даниила 4:35 мы читаем величественные слова: “Никто не может остановить руки Его и сказать Ему: что Ты делаешь?” Излюбленное изменение: “Никто не может остановить Твою руку, чтобы она не действовала”. “Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его!” Это превращают в: “Не приходило на сердце человеку представить себе то…” Мы постоянно слышим, как к Богу обращаются: “Слышащий молитву и отвечающий на неё” — всего лишь грубое, бесполезное многословие, потому что библейская мысль о Боге, слышащем молитву, и означает Его ответ: “Ты слышишь молитву; к Тебе прибегает всякая плоть”; “Услышь молитву мою, Господи”; “Я люблю Господа, потому что Он услышал голос мой и моления мои”. Далее, откуда взялось это общее место публичной молитвы: “Утешения Твои не малочисленны и не малы”? Полагаю, имеется в виду сказанное в книге Иова: “Разве малы для тебя утешения Божии?” Так и молитву Псалма 74 — “Призри на завет Твой, ибо мрачные места земли полны жилищ насилия” — почти никогда не слышишь без добавления: “ужасного насилия”; призыв к молитве у Исаии — “Не умолкайте и не давайте Ему покоя, доколе Он не восстановит и доколе не сделает Иерусалим славою на земле” — без добавления: “на всей земле”; обращение

псалмопевца — “Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле” — без добавления: “на всей земле”. Последние примеры, конечно, могут показаться мелочами. Так и есть; они не стоили бы порицания, если бы встречались лишь изредка. Но если видеть в них застывшие общие места, сами по себе слабые и повторяемые столь часто, что возникает впечатление их библейского авторитета, то, по моему скромному мнению, их следует отвергнуть и отбросить — совершенно изгнать из нашего пресвитерианского богослужения. Возможно, вас удивит, что единственное основание в Писании для излюбленного и довольно странного выражения о том, как “нечестивые перекатывают грех под языком словно сладкий кусочек”, — следующие слова книги Иова (20:12): “Если сладко во рту его зло и он таит его под языком…”»

23 Но довольно об этом. Мне жаль лишь того, что я счёл своим долгом так долго задерживаться на столь неприятном предмете. Однако не могу оставить его, не призвав вас к буквальной точности во всех цитатах из Божьего Слова.

24 Для служителей должно быть делом чести всегда точно цитировать Писание. Всегда быть точным трудно; и именно потому, что трудно, об этом нужно заботиться тем усерднее. В стенах Оксфорда или Кембриджа неправильную цитату из Тацита, Вергилия или Гомера в устах члена колледжа сочли бы почти государственной изменой или тяжким преступлением. Но неверно цитировать Павла, Моисея или Давида для проповедника — дело гораздо более серьёзное и ничуть не менее заслуживающее строжайшего порицания. Заметьте: я сказал «члена колледжа», а не первокурсника; от пастыря в его собственной области мы ожидаем по

меньшей мере такой же точности, как от учёного, занимающего университетскую должность. Вы, столь непоколебимо верящие в учение о словесной богодухновенности, к моему глубокому удовлетворению, вообще не должны цитировать, пока не сможете воспроизвести точные слова. Ведь, согласно вашему же собственному убеждению, изменив одно слово, можно совершенно утратить Божий смысл отрывка. Если вы не можете точно приводить выдержки из Писания, зачем вообще цитировать его в прошениях? Употребите свежее выражение, родившееся в собственном уме, — оно будет столь же угодно Богу, как изуродованная или обрезанная библейская фраза. Решительно боритесь с искажениями и извращениями Писания и навсегда откажитесь от всех затёртых благочестивых фраз, ибо они уродуют свободную молитву.

25 Я заметил у некоторых привычку — надеюсь, вы ей не поддались — молиться с открытыми глазами. Это неестественно, неподобающе и неприятно. Иногда открытый взор, возведённый к небесам, может быть уместен и впечатляющ; но глазеть по сторонам, заявляя, что обращаешься к невидимому Богу, отвратительно. Уже в первые века церкви отцы осуждали эту неблагопристойную привычку. Жестов в молитве должно быть очень мало, если они вообще нужны. Едва ли пристойно поднимать руку и двигать ею, как во время проповеди; однако простёртые руки или сложенные ладони естественны и выразительны при сильном святом волнении. Голос должен соответствовать содержанию и никогда не быть шумным или самоуверенным: пусть смиренны и благоговейны будут звуки, которыми человек говорит со своим Богом. Не учит ли вас этому сама природа? Если не учит благодать, я теряю надежду.

[26] Несколько слов могут быть полезны особо о молитвах во время воскресного богослужения. Чтобы не дать обычаю и рутине воцариться среди нас, следует по возможности разнообразить порядок служения. К чему свободный Дух побуждает нас, то будем исполнять сразу. До недавнего времени я не знал, в какой степени в некоторых невежественных церквях позволили диаконам вмешиваться в действия служителей. Я всегда привык проводить богослужения так, как считал наиболее уместным и назидательным, и никогда не слышал ни слова возражения, хотя, надеюсь, могу сказать, что живу в самой сердечной близости с церковными сотрудниками. Но сегодня утром один собрат-служитель рассказал мне: однажды он начал утреннее богослужение молитвой вместо объявления гимна; когда после службы он удалился в комнату при церкви, диаконы сообщили, что никаких новшеств не допустят. До сих пор мы считали, что баптистские церкви не находятся в рабстве у традиций и неизменных правил, определяющих способы поклонения. И всё же эти бедные создания, эти претенденты на господство, достаточно громко возражающие против установленного молитвенного чина, хотят связать своего служителя предписаниями, созданными обычаем. Пора навсегда покончить с подобным вздором. Мы требуем права проводить богослужение так, как побуждает Святой Дух и как мы считаем наилучшим. Мы не позволим обязать нас петь именно здесь, а молиться именно там, но будем менять порядок, чтобы избегать однообразия. Я слышал, что мистер Хинтон однажды произнёс проповедь в начале богослужения, чтобы опоздавшие по крайней мере получили возможность помолиться. А почему бы и нет? Отступления от обычного порядка пошли бы на пользу;

однообразие утомляет. Нередко будет чрезвычайно полезно позволить народу две или пять минут посидеть совершенно спокойно, в глубоком молчании. Торжественная тишина — благородное поклонение.

> [27] Не шумный звук, что вновь и вновь
> Срывается с крикливых уст, — молитва,
> А тишина глубин души,
> Объемлющей стопы Иеговы.

[28] Итак, меняйте порядок своих молитв, чтобы сохранять внимание и не позволять людям проходить через всё служение механически, словно часы, которые идут, пока не опустятся гири.

[29] Меняйте продолжительность общих молитв. Не думаете ли вы, что иногда было бы гораздо лучше вместо трёх минут на первую молитву и пятнадцати на вторую уделить каждой по девять? Не лучше ли порой сделать первую молитву длиннее, а вторую — короче? Разве две молитвы умеренной продолжительности не лучше одной чрезвычайно длинной и другой чрезвычайно короткой? Не столь же уместно было бы спеть гимн после чтения главы или один-два куплета перед молитвой? Почему бы иногда не петь четыре раза? Почему бы иногда не ограничиться двумя гимнами или одним? Почему нужно петь после проповеди? И, с другой стороны, почему некоторые никогда не поют в конце богослужения? Всегда ли, или хотя бы часто ли, целесообразна молитва после проповеди? Не бывает ли она порой особенно впечатляющей? Разве руководство Святого Духа не дало бы нам разнообразия, пока ещё неизвестного? Допустим всё, что поможет нашему народу не считать какую-либо форму богослужения установленной свыше и не впасть вновь в суеверие, от которого он освободился.

30 Меняйте направление своих ходатайственных молитв. Есть множество предметов, требующих внимания: церковь в её немощи, отступлениях, скорбях и утешениях; внешний мир; местность, в которой вы живёте; необращённые слушатели; молодёжь; страна. Не молитесь обо всём этом каждый раз, иначе молитвы будут долгими и, вероятно, неинтересными. Какой предмет занимает первое место в вашем сердце, тому и отведите первое место в прошениях. Если Святой Дух направит вас, можно избрать такую линию молитвы, которая сделает всё богослужение единым целым и будет согласна с гимнами и проповедью. Очень полезно, где возможно, сохранять единство служения — не рабски, а мудро, чтобы действие его было цельным. Некоторые братья не умеют сохранить единство даже в проповеди, странствуя от Британии до Японии и привлекая все мыслимые предметы. Но вы, уже научившиеся сохранять единство проповеди, могли бы пойти немного дальше и показать некоторую цельность богослужения, заботясь, чтобы и в гимне, и в молитве, и в читаемой главе на первом плане стоял один и тот же предмет. Едва ли заслуживает похвалы обычай некоторых проповедников пересказывать проповедь в заключительной молитве. Это может быть поучительно для слушателей, но такая цель совершенно чужда молитве. Это напыщенно, школьно и неуместно; не подражайте этому обычаю.

31 Как гадюки, избегайте всякой попытки вызвать поддельный пыл в общем богопочитании. Не старайтесь казаться усердными. Молитесь, как велит сердце под водительством Духа Божьего; а если вы холодны и тяжеловесны, скажите об этом Господу. Не будет дурным делом признаться в своей омертвелости, оплакать её и просить оживления; это будет подлинная и угодная

молитва. Но притворная горячность — постыдная разновидность лжи. Никогда не подражайте тем, кто усерден. Вы знаете одного доброго человека, который стонет, и другого, чей голос становится пронзительным, когда его увлекает ревность; но не начинайте поэтому стонать или пищать, чтобы казаться столь же ревностными. Просто будьте естественны от начала до конца и просите Бога во всём вами руководить.

32 Наконец — это слово я говорю вам доверительно — готовьте свою молитву. Вы изумлённо спросите: «Что же вы можете иметь в виду?» Я имею в виду не то, что понимают под этим некоторые. Однажды в обществе служителей обсуждался вопрос: «Правильно ли служителю заранее готовить молитву?» Одни горячо утверждали, что неправильно, — и совершенно справедливо. Другие столь же горячо настаивали, что правильно, — и им нельзя было возразить. Думаю, правы были обе стороны. Первые братья понимали под подготовкой молитвы подбор выражений и построение последовательности мыслей; по их общему мнению, это совершенно противоположно духовному поклонению, в котором нам следует отдать себя в руки Божьего Духа, чтобы Он научил нас и содержанию, и словам. С этими замечаниями мы вполне согласны: если человек записывает молитвы и заучивает прошения, пусть уж сразу пользуется готовым молитвенным чином. Однако возражавшие братья понимали под подготовкой совсем другое — приготовление не головы, а сердца: предварительное серьёзное размышление о важности молитвы, о нуждах человеческих душ и воспоминание об обетованиях, на которые мы должны опираться в молении. Так мы приходим к Господу с прошением, написанным на плотяных скрижалях сердца. Это,

несомненно, лучше, чем приходить к Богу наудачу, бросаться к престолу как придётся, без определённого дела или желания. «Я никогда не устаю молиться, — сказал один человек, — потому что, когда молюсь, у меня всегда есть определённое дело». Братья, таковы ли ваши молитвы? Стараетесь ли вы прийти в надлежащее состояние, чтобы возглавить моления своего народа? Приводите ли в порядок своё дело, прежде чем явиться к Господу? Мне представляется, братья мои, что к общей молитве нам следует готовиться уединённой молитвой. Живя близко к Богу, мы должны поддерживать молитвенный дух — тогда не окажемся несостоятельны и в устных молениях. Если допустимо что-либо сверх этого, то лишь заучивание псалмов и тех частей Писания, которые содержат обетования, прошения, хвалы и исповедания, способные помочь в молитве. О Златоусте говорится, что он выучил свою Библию наизусть и мог повторять её по желанию; неудивительно, что его назвали Златоустом. В нашей беседе с Богом никакая речь не может быть уместнее слов Святого Духа; «Сделай, как Ты сказал» — прошение, всегда имеющее силу перед Всевышним. Поэтому мы советуем хранить в памяти богодухновенные молитвенные образцы Слова истины. Тогда постоянное чтение Писания будет снабжать вас свежими прошениями, которые, когда вы представите их перед Господом в общем собрании, станут словно разлитое миро, наполняющее благоуханием весь дом Божий. Семена молитвы, посеянные в памяти, будут постоянно приносить золотую жатву, когда Дух согреет вашу душу святым огнём в час общей молитвы. Как Давид пользовался мечом Голиафа для последующих побед, так и мы можем порой употребить прошение, уже получившее ответ, и сказать вместе с сыном Иессеевым:

«Нет ему подобного», — когда Бог вновь исполнит его в нашем опыте.

33 Пусть ваши молитвы будут усердны, исполнены огня, горячности и побеждающей силы. Молю Святого Духа научить каждого студента этого колледжа так совершать общую молитву, чтобы Богу всегда служили наилучшим образом. Пусть ваши прошения будут просты и сердечны; и если народ порой почувствует, что проповедь не достигла должной высоты, пусть он также почувствует, что молитва возместила всё.

34 Можно было бы сказать ещё многое, пожалуй, и следовало бы; но время и силы иссякли, и потому мы завершаем.

Лекция 5. Содержание проповедей

[1] Проповеди должны действительно учить, и их учение должно быть основательным, содержательным и обильным. Мы восходим на кафедру не ради разговоров: нам поручено передать наставления высочайшей важности, и мы не можем позволить себе произносить красивые пустяки. Круг наших предметов почти безграничен; поэтому нам нет оправдания, если наши речи истёрты и бессодержательны. Если мы говорим как Божьи посланники, нам никогда не придётся жаловаться на недостаток материала: наша весть полна до избытка. С кафедры должно быть представлено всё Евангелие; мы должны провозглашать всю веру, однажды преданную святым. Истину, какова она в Иисусе, следует возвещать поучительно, чтобы люди не просто слышали, но знали радостный звук. Мы служим не у жертвенника «неведомому Богу», но говорим поклонникам Того, о Ком написано: «И будут уповать на Тебя знающие имя Твоё». Хорошо делить проповедь на части — возможно, весьма полезное искусство; но что, если делить нечего? Человек, умеющий лишь составлять деления, подобен искусному резчику мяса, перед которым стоит пустое блюдо. Уметь произнести уместное и привлекательное вступление, свободно и достойно говорить в течение отведённого времени и закончить приличным заключением — всё это может казаться религиозным исполнителям единственно необходимым. Но истинный служитель Христа знает, что настоящая ценность проповеди заключается в содержащейся в ней истине, а не в её форме и манере. Ничто не возместит отсутствия учения; всё красноречие

мира в сравнении с Евангелием нашего спасения — как мякина перед пшеницей. Как бы ни была красива корзина сеятеля, если в ней нет семян, это жалкая насмешка. Величайшая из когда-либо произнесённых речей — лишь пышная неудача, если в ней нет учения о Божьей благодати. Она проносится над людскими головами, как облако, но не изливает дождя на жаждущую землю; поэтому души, наученные мудрости опытом острой нужды, вспоминают о ней с разочарованием или ещё худшим чувством. Стиль человека может быть столь же пленителен, как у писательницы, о которой кто-то сказал, что «ей следовало бы писать хрустальным пером, обмакиваемым в росу, на серебряной бумаге, а вместо порошка для письма употреблять пыль с крыла бабочки». Но для слушателей, чьи души находятся в непосредственной опасности, чем будет одна изящность, если не чем-то «легче пустоты»?

[2] О лошадях судят не по колокольчикам и сбруе, а по ногам, костяку и крови; так и проповеди в оценке рассудительных слушателей во многом измеряются количеством евангельской истины и силой евангельского духа, которые в них содержатся. Братья, взвешивайте свои проповеди. Не продавайте их на ярды, а отпускайте на фунты. Не дорожите количеством произнесённых слов, но стремитесь заслужить уважение качеством содержания. Глупо быть расточительным на слова и скупым на истину. Совсем лишённым ума должен быть человек, которому приятно услышать о себе описание в духе великого мирового поэта: «Грациано говорит бесконечно много ни о чём — больше любого человека во всей Венеции. Его доводы — словно два пшеничных зерна, спрятанные в двух бушелях мякины: будешь искать их

весь день; а когда найдёшь, они не стоят затраченного труда».

3 Обращения к чувствам, пробуждающие душу, превосходны; но если они не подкреплены наставлением, то это лишь вспышка пороха на полке: порох сгорел, а выстрел не достиг цели. Будьте уверены: самое пламенное движение пробуждения изойдёт одним дымом, если его не поддерживать топливом учения. Божий способ — вложить закон в разум, а затем написать его на сердце: сначала просвещается суждение, потом подчиняются страсти. Прочтите Евреям 8:10 и следуйте образцу завета благодати. Здесь уместно привести замечание Гоуджа к этому месту: «Служители должны в этом подражать Богу и, насколько могут, наставлять людей в тайнах благочестия, учить их, во что веровать и как поступать, а затем побуждать на деле исполнять то, чему они научены. Иначе труд, скорее всего, будет напрасен. Пренебрежение этим порядком — одна из главных причин, по которым люди впадают в многочисленные заблуждения, как мы видим в наши дни». Добавлю, что в наше время последнее замечание приобрело ещё большую силу: именно в ненаставленных стадах папистские волки производят опустошение. Здравое учение — лучшая защита от ересей, разоряющих нас справа и слева.

4 Ваши слушатели жаждут достоверных знаний о предметах Писания и должны их получать. Они вправе ожидать точных объяснений Священного Писания; и если вы «толкователь, один из тысячи», подлинный небесный посланник, то дадите им эти объяснения в изобилии. Что бы ещё ни присутствовало, отсутствие назидательной, поучительной истины будет гибельным, как отсутствие

муки в хлебе. Если оценивать проповеди по их плотному содержанию, а не по площади поверхности, многие окажутся очень бедными образцами благочестивой речи. Боюсь, слишком основательно замечание: слушая лектора по астрономии или геологии, за короткий курс можно получить довольно ясное представление о его системе; но слушая обыкновенных проповедников не только двенадцать месяцев, а двенадцать лет, вы не приобретёте ничего похожего на представление об их богословской системе. Если это так, перед нами тяжкий недостаток, о котором невозможно сожалеть слишком сильно. Увы, невнятные высказывания многих о величайших вечных реальностях и смутность мыслей других об основополагающих истинах дали слишком много поводов для такой критики! Братья, если вы не богословы, то в своём пастырстве вы просто ничто. Вы можете быть прекрасными ораторами и изобиловать отточенными фразами, но без знания Евангелия и способности учить ему вы — лишь медь звенящая и кимвал звучащий. Многословие слишком часто служит смоковным листом, прикрывающим богословское невежество. Вместо здравого учения предлагают звучные периоды, вместо крепкой мысли — риторические украшения. Так быть не должно. Изобилие пустой декламации и отсутствие пищи для души превратят кафедру в ящик напыщенности и внушат презрение вместо благоговения. Если мы не проповедуем поучительно и по-настоящему не питаем народ, то, как бы искусно ни цитировали изящные стихи и ни перепродавали чужое пустословие, мы окажемся подобны древнему Нерону, который играл, пока горел Рим, и посылал корабли в Александрию за песком для арены, пока народ голодал без хлеба.

[5] Мы настаиваем: в проповедях должно быть обильное содержание; далее, оно должно соответствовать избранному тексту. Как правило, речь должна вырастать из текста, и чем очевиднее это происходит, тем лучше; но во всяком случае между ними должна быть, по меньшей мере, очень тесная связь. В духовном истолковании и применении допустима весьма большая свобода; однако свобода не должна вырождаться в произвол, и связь должна сохраняться всегда — причём не отдалённая, а подлинное родство между проповедью и её текстом. Недавно я услышал об одном замечательном тексте — уместном или неуместном, как вы рассудите. Помещик раздал старейшим женщинам своего прихода несколько ярко-алых плащей. Этим сияющим особам велели в следующее воскресенье прийти в приходскую церковь и сесть перед кафедрой, с которой один из объявленных преемников апостолов назидал святых словами: «И Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них». Рассказывают, что в другой раз, когда тот же благодетель прихода подарил по бушелю картофеля каждому семейному мужчине, темой следующего воскресенья стало: «И они сказали: это манна». Не берусь судить, соответствовало ли в том случае содержание избранному тексту; полагаю, возможно, и соответствовало, ибо, вероятнее всего, всё представление было сплошной нелепостью. Некоторые братья заканчивают с текстом, едва его прочитав. Оказав этому отрывку должную честь объявлением, они больше не чувствуют необходимости к нему возвращаться. Они как бы приподнимают шляпу перед этой частью Писания и уходят на новые поля и пастбища. Зачем таким людям вообще брать текст? Зачем ограничивать свою славную свободу? Зачем превращать Писание в подставку, с

которой садятся на необузданного Пегаса? Несомненно, богодухновенные слова никогда не предназначались на роль крючков, помогающих Болтуну натянуть семимильные сапоги и прыгать в них от полюса к полюсу.

[6] Вернейший способ сохранять разнообразие — держаться замысла Святого Духа в конкретном рассматриваемом отрывке. Не бывает двух совершенно одинаковых текстов: контекст или направление мысли придаёт каждому из внешне тождественных мест особый оттенок. Держитесь пути Духа — и вы никогда не будете повторяться или испытывать недостаток в материале: стези Его источают тук. Кроме того, проповедь с гораздо большей силой воздействует на совесть слушателей, когда явно является самим Божьим Словом — не лекцией о Писании, а самим Писанием, раскрытым и приложенным к сердцу. Величие богодухновенности требует: если вы заявляете, что проповедуете по определённому стиху, не отодвигайте его с глаз долой, чтобы освободить место собственным размышлениям.

[7] Братья, если вы привыкли держаться точного смысла лежащего перед вами Писания, я посоветую вам далее держаться ipsissima verba — самих слов Святого Духа. Хотя во многих случаях тематические проповеди не только допустимы, но и весьма уместны, наиболее полезны и наиболее приятны большей части наших общин те проповеди, которые разъясняют точные слова Святого Духа. Люди любят, когда объясняют и раскрывают сами слова. Многие не вполне способны схватить смысл отдельно от языка — так сказать, созерцать истину без её словесного тела. Но когда они слышат точные слова, повторяемые снова и снова, и подробный разбор каждого выражения в манере таких проповедников, как мистер

Джей из Бата, они получают больше назидания, а истина прочнее закрепляется в памяти. Итак, пусть ваше содержание будет обильным и вырастает из богодухновенного Слова столь же естественно, как фиалки и первоцветы вырастают из земли или как чистый мёд каплет из сот.

[8] Следите, чтобы ваши речи всегда были весомы и полны действительно важного учения. Стройте не из дерева, сена и соломы, а из золота, серебра и драгоценных камней. Едва ли необходимо предостерегать вас от наиболее грубого падения проповеднического красноречия; иначе можно было бы привести пример печально знаменитого оратора Хенли. Этот говорливый авантюрист, которого Поуп обессмертил в своей «Дунсиаде», имел обыкновение в будни делать текущие события недели темами своего шутовства, а по воскресеньям той же участи подвергались богословские предметы. Его сила заключалась в низкопробном остроумии, переливах голоса и искусном размахивании руками. Сатирик говорит о нём: «Как плавно чепуха струится с языка». Господа, лучше было бы вовсе не родиться, чем заслужить такие правдивые слова о себе; под страхом гибели собственных душ мы обязаны заниматься торжественными предметами вечности, а не темами, рождёнными землёй. Однако есть и другие, более заманчивые способы строить из дерева и сена, и вам надлежит не поддаться их обману. Это замечание необходимо особенно тем господам, которые принимают высокопарные предложения за красноречие, а латинизированные выражения — за глубину мысли. Некоторые наставники в гомилетике своим примером, если не прямыми правилами, поощряют бахвальство и надутые слова, а потому чрезвычайно опасны для

молодых проповедников. Представьте речь, начинающуюся таким изумительным и потрясающим утверждением, чьё природное величие сразу поразит вас чувством возвышенного и прекрасного: «ЧЕЛОВЕК — НРАВСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО». Этот гений мог бы добавить: «У кошки четыре лапы». Новизны в одном сообщении было бы столько же, сколько в другом. Помню проповедь автора, претендовавшего на глубину: она совершенно оглушала читателя словами-гренадерами шести футов ростом, но, если как следует её уварить, весь мясной экстракт сводился к следующему: у человека есть душа; его душа будет жить в другом мире; следовательно, ему следует позаботиться, чтобы она оказалась в счастливом месте. Никто не возразит против этого учения, но оно не настолько ново, чтобы привлекать к нему общественное внимание трубным гласом и шествием разряженных фраз. Искусство говорить банальности изящно, пышно, высокопарно и напыщенно среди нас не утрачено, хотя полное его исчезновение было бы «завершением, о котором надлежит усердно молиться». Проповеди такого рода выставляли как образцы; а между тем они — лишь кусочки пузыря, способные уместиться на ногте, но раздутые до размеров тех цветных шаров, которые уличные торговцы носят и продают по полпенни за штуку на радость самым юным. К сожалению, сравнение простирается немного дальше: в некоторых случаях такие речи содержат ещё и лёгкую примесь яда для окраски, в чём кое-кто из слабейших убедился себе во вред. Постыдно восходить на кафедру и изливать на народ реки речи, водопады слов, в которых одни банальности растворены, словно бесконечно малые крупинки гомеопатического лекарства в целом Атлантическом океане высказываний. Гораздо лучше дать людям

большие куски неподготовленной истины в сыром виде — как мясо с колоды мясника, кое-как отрубленное вместе с костями и даже уроненное в опилки, — чем с показной изысканностью подать им на фарфоровом блюде восхитительный ломтик совершенного ничто, украшенный петрушкой поэзии и приправленный соусом жеманства.

[9] Счастливо будет, если Святой Дух так поведёт вас, что вы ясно засвидетельствуете обо всех учениях, составляющих Евангелие или окружающих его. Ни одну истину нельзя утаивать. Учение об умолчании, столь отвратительное в устах иезуитов, ничуть не становится менее порочным, когда его принимают протестанты. Неправда, будто некоторые учения предназначены лишь для посвящённых; в Библии нет ничего, что стыдилось бы света. Самые возвышенные представления о Божьем полновластии имеют практическое значение, а не являются, как думают некоторые, лишь метафизическими тонкостями. Отличительные положения кальвинизма относятся к повседневной жизни и обыкновенному опыту; и если вы держитесь этих или противоположных взглядов, у вас нет никакого разрешения скрывать свои убеждения. Осторожное умолчание в девяти случаях из десяти — трусливое предательство. Лучшая политика — никогда не хитрить, но провозглашать каждую крупицу истины, насколько Бог научил ей вас. Гармония требует, чтобы голос одного учения не заглушал остальные; она также требует не опускать более тихих нот из-за большей силы других звуков. Должна прозвучать каждая нота, назначенная великим Певцом; каждая должна иметь соразмерную силу и ударение. Место, обозначенное forte, нельзя смягчать, а отмеченное piano не следует раскатывать громом: каждое должно быть услышано как

подобает. Вашей темой должна быть вся открытая истина в гармоничной соразмерности.

10 Братья, решив в своих речах с кафедры обращаться к важным истинам, не кружите вечно лишь возле их окраин. Учения, не жизненно необходимые для спасения души и даже не существенные для практического христианства, не должны разбираться при каждом богослужении. Представляйте все черты истины в должной мере, ибо всякая часть Писания полезна и вы должны проповедовать не только истину, но всю истину. Не настаивайте беспрерывно на одной лишь истине. Нос — важная черта человеческого лица, но нарисовать один нос — неудовлетворительный способ написать портрет. Учение может быть очень важным, однако преувеличенная оценка его значения может оказаться гибельной для гармоничного и полного служения. Не делайте второстепенные учения главными пунктами. Не пишите подробности заднего плана евангельской картины той же широкой кистью, что и великие предметы на первом плане. Например, великие проблемы сублапсарианства и супралапсарианства, острые споры о вечном Сыновстве, горячие прения о двойном исхождении Святого Духа, схемы премилленаризма и постмилленаризма — как бы важны они ни казались некоторым — практически мало касаются той благочестивой вдовы, которой нужно кормить семерых детей трудом своей иглы. Ей гораздо нужнее услышать о милости Бога Промысла, чем об этих глубоких тайнах. Если вы будете проповедовать ей о Божьей верности Своему народу, она ободрится и получит помощь в жизненной борьбе; трудные же вопросы приведут её в недоумение или усыпят. А ведь она представляет сотни тех, кто больше всего нуждается в вашей заботе. Наша

великая, главная тема — добрая весть с небес, весть о милости через искупительную смерть Иисуса, о милости к первым из грешников, когда они уверуют в Иисуса.

11 Мы должны вложить всю силу суждения, памяти, воображения и красноречия в возвещение Евангелия, а не отдавать проповеди креста случайные мысли, позволяя побочным темам поглощать наши глубочайшие размышления. Поверьте: если бы мы приложили к простому учению «веруй и живи» ум Локка или Ньютона и красноречие Цицерона, у нас не оказалось бы лишней силы. Братья, прежде всего и превыше всего держитесь ясных евангельских учений. Что бы ещё вы ни проповедовали или ни оставляли без проповеди, непременно и непрестанно возвещайте спасающую душу истину о Христе, и притом распятом. Я знаю служителя, у которого недостоин развязать ремень обуви, но его проповедь часто немногим лучше священной миниатюрной живописи — едва ли не святой возни с пустяками. Он великолепен, когда говорит о десяти пальцах зверя, четырёх лицах херувимов, таинственном смысле барсучьих кож, прообразном значении шестов ковчега и окон Соломонова храма; однако грехов деловых людей, искушений времени и нужд века он почти никогда не касается. Подобная проповедь напоминает мне льва, занятого ловлей мышей, или военный корабль, крейсирующий в поисках потерянной бочки для воды. Темы, едва сравнимые по важности с тем, что Пётр называет «бабьими баснями», становятся великими предметами у этих богословов-микроскопистов, которым тонкость какого-нибудь вопроса привлекательнее спасения душ. Вероятно, вы читали в «Руководстве для учащегося» Тодда, что Гаркатий, царь Персии, был замечательным ловцом кротов, а Бриант, царь Лидии,

столь же искусно умел опиливать иглы. Но эти мелочи вовсе не доказывают, что они были великими царями. Почти так же обстоит дело в служении: существует мелочность умственных занятий, недостойная высокого положения небесного посланника.[22]

[12] Среди людей определённого склада в наше время, по-видимому, преобладает афинское желание рассказывать или слушать что-нибудь новое. Они хвалятся новым светом и притязают на особое вдохновение, дающее им право осуждать всех, кто не принадлежит к их братству; а между тем их великое откровение касается лишь какой-нибудь внешней подробности богослужения или тёмного истолкования пророчества. При виде такого великого шума и громкого крика о столь малом мы вспоминаем:

> [13] Океан, взметнувшийся бурей,
> Чтобы перенести перо или утопить муху.

[14] Ещё хуже те, кто тратит время, исподволь внушая сомнения в подлинности текстов или в точности библейских высказываний о явлениях природы. С болью вспоминаю, как одним воскресным вечером услышал речь, названную проповедью: её темой было изощрённое исследование того, действительно ли ангел сходил и возмущал воду в купальне Вифезда или же это был периодически действующий источник, о котором иудейское суеверие изобрело легенду. Умирающие мужчины и женщины собрались услышать путь спасения, а их отделали такой суетой! Они пришли за хлебом и получили камень; овцы подняли глаза на пастыря и остались ненакормленными. Я редко слышу проповеди, а когда слышу, мне горестно не везёт: одна из последних, которыми меня потчевали, должна была оправдать

Иисуса Навина за истребление хананеев, а другая — доказать, что нехорошо человеку быть одному. Сколько душ обратилось в ответ на молитвы перед этими проповедями, мне так и не удалось установить; но сильно подозреваю, что никакое необычайное ликование не нарушило безмятежности золотых улиц.

[15] Считая следующее замечание почти повсюду излишним, я высказываю его с некоторой робостью: не перегружайте проповедь чрезмерным количеством материала. Вся истина не должна вмещаться в одну речь. Проповеди не должны становиться сводами богословия. Бывает, что человеку есть слишком много что сказать, и он говорит до тех пор, пока слушатели уходят домой с отвращением вместо желания услышать ещё. Один старый служитель, гуляя с молодым проповедником, указал на хлебное поле и заметил: «В твоей последней проповеди было слишком много всего; она была недостаточно ясна и недостаточно хорошо устроена. Она походила на это пшеничное поле: сырой пищи много, но ничего готового к употреблению. Ты должен делать проповеди похожими на хлебный каравай — пригодными для еды и в удобной форме». Боюсь, человеческие головы, говоря языком френологии, теперь не так вместительны для богословия, как прежде: наши предки радовались шестнадцати унциям богословия, неразбавленного и неукрашенного, и могли принимать его три или четыре часа подряд. Нашему же более выродившемуся — или, возможно, более занятому — поколению требуется около унции учения за раз, причём это должен быть сосредоточенный экстракт или эфирное масло, а не всё вещество богословия целиком. В наше время нужно сказать очень многое немногими словами, но не слишком многое и без чрезмерного развёртывания. Одна мысль,

прочно закреплённая в уме, лучше пятидесяти, лишь пронёсшихся мимо уха. Один крупный гвоздь, вбитый до конца и загнутый, полезнее двух десятков мелких гвоздиков, кое-как прихваченных и готовых выпасть через час.

16 Наш материал должен быть хорошо устроен по истинным законам мысленной архитектуры. Нельзя помещать практические выводы в основание, а учения — наверх; нельзя класть в фундамент метафоры, а положения — на вершину; нельзя ставить более важные истины сначала, а менее важные — в конце, в порядке убывания. Нет, мысль должна подниматься и восходить: одна ступень учения вести к другой, одна дверь рассуждения — к следующей; всё вместе должно возносить слушателя в покой, из окон которого видна истина, сияющая в Божьем свете. В проповеди пусть всему будет своё место и всё находится на своём месте. Никогда не позволяйте истинам сыпаться из ваших уст вперемешку. Пусть мысли не несутся толпой, а маршируют, как отряд воинов. Порядком — первым законом небес — не должны пренебрегать небесные посланники.

17 Ваше вероучительное наставление должно быть ясным и недвусмысленным. Для этого прежде всего оно должно быть ясно вам самим. Некоторые думают в дыму и проповедуют в облаке. Вашему народу нужен не светящийся туман, а твёрдая terra firma истины. Философские умозрения приводят некоторые умы в полупьяное состояние, когда они либо видят всё двоящимся, либо вообще ничего не видят. Несколько лет назад незнакомец спросил главу одного оксфордского колледжа, какой девиз помещён на гербе университета.

Тот ответил: «Dominus illuminatio mea». Однако он также откровенно сообщил незнакомцу, что, по его личному мнению, более подходящим девизом было бы: «Aristoteles meae tenebrae». Писатели, гонящиеся за сенсацией, наполовину свели с ума многих честных людей, которые добросовестно читали их умствования, полагая, что должны идти в ногу с веком. Словно такая необходимость не могла бы обязать нас также посещать театры, чтобы судить о новых пьесах, или бывать на скачках, чтобы наши взгляды на бега и азартные игры не оказались слишком ограниченными! Со своей стороны, я полагаю, что главные читатели книг с неправым учением — служители; если бы они не обращали на эти книги внимания, те выходили бы из печати мертворождёнными. Пусть служитель избегает того, чтобы самому себя затуманивать, — и он уже на пути к понятности для своего народа. Кто не может дать себя понять, не вправе надеяться, что его почувствуют. Если мы дадим людям очищенную истину, чистое библейское учение и выразим всё так, чтобы не осталось ненужной темноты, то будем истинными пастырями овец, и преуспеяние нашего народа скоро станет явным.[23]

[18] Старайтесь сохранять содержание проповедей настолько свежим, насколько можете. Не повторяйте пять или шесть учений с неизменным однообразием. Купите, братья, богословскую шарманку с пятью точно настроенными мелодиями — и будете готовы служить ультракальвинистским проповедником в «Цоаре» и «Ире», если заодно приобретёте на каком-нибудь уксусном заводе хороший запас горькой, едкой брани против арминиан и сторонников обязанности веровать. Ум и благодать необязательны, зато шарманка и полынь совершенно необходимы. Наше дело — видеть более

широкий круг истины и радоваться ему. Всё, чего эти добрые люди держатся относительно благодати и Божьего полновластия, мы отстаиваем столь же твёрдо и смело, как они. Но мы не смеем закрывать глаза на другие учения Слова и считаем своим долгом вполне исполнить служение, возвещая весь совет Божий. Имея обильные темы и усердно поясняя их свежими образами и опытом, мы не утомим слушателей, но под Божьей рукой завоюем их слух и сердца.

19 Пусть ваше учительство растёт и продвигается вперёд, углубляется вместе с опытом и поднимается вместе с возрастанием души. Я не говорю: проповедуйте новые истины. Напротив, я считаю счастливым того, кто с самого начала настолько хорошо наставлен, что за пятьдесят лет служения ему ни разу не пришлось отречься от какого-либо учения или оплакать важное упущение. Я имею в виду другое: пусть наша глубина и проницательность постоянно возрастают; где есть духовное продвижение, так и будет. Тимофей не мог проповедовать как Павел. Произведения зрелых лет должны превзойти наши ранние труды; мы никогда не должны делать ранние труды своими образцами. Лучше всего их сжечь или сохранить лишь для того, чтобы оплакивать их поверхностность. Поистине плохо было бы, если бы после многих лет в школе Христа мы знали не больше прежнего. Наш рост может быть медленным, но он должен быть, иначе возникнет основание подозревать, что внутренняя жизнь отсутствует или печально нездорова. Примите за несомненное, что вы ещё не достигли цели, и да будет вам дана благодать стремиться к тому, что пока впереди. Да станете все вы способными служителями Нового Завета, ничем не уступающими

первым из проповедников, хотя сами по себе по-прежнему будете ничто.

20 Говорят, что слово «проповедь» — sermon — означает удар; поэтому, проповедуя, мы должны стремиться употребить избранный предмет энергично и действенно, а сам предмет должен допускать такое применение. Выбирать только нравственные темы — значит пользоваться деревянным кинжалом; великие же истины откровения подобны острым мечам. Держитесь учений, которые волнуют совесть и сердце. Неизменно оставайтесь защитниками Евангелия, приобретающего души. Божья истина приспособлена к человеку, а Божья благодать приспосабливает человека к ней. Есть ключ, который с Божьей помощью может завести музыкальную шкатулку человеческой природы: добудьте его и пользуйтесь ежедневно. Поэтому я призываю вас держаться старого Евангелия, и только его, ибо оно несомненно есть сила Божья ко спасению.

21 Вот итог всего, что я хотел бы сказать: братья мои, проповедуйте ХРИСТА — всегда и непрестанно. Он — всё Евангелие. Его Личность, служения и дело должны быть нашей одной великой, всеобъемлющей темой. Миру всё ещё нужно говорить о его Спасителе и о пути к Нему. Оправдание верой должно гораздо чаще, чем теперь, быть ежедневным свидетельством протестантских кафедр; и чем теснее с этой главной истиной будут повсеместно соединяться остальные великие учения благодати, тем лучше для наших церквей и нашего века. Если мы сможем с ревностью методистов проповедовать учение пуритан, перед нами великое будущее. Огонь Уэсли и топливо Уайтфилда вызовут пламя, которое зажжёт леса заблуждения и согреет самую душу этой холодной земли.

Мы призваны возвещать не философию и метафизику, а простое Евангелие. Грехопадение человека, его нужда в новом рождении, прощение через искупление и спасение как плод веры — вот наша боевая секира и наше воинское оружие. Нам довольно дела в том, чтобы усвоить эти великие истины и учить им; да будет проклята учёность, которая отвлечёт нас от миссии, или своевольное невежество, которое искалечит нас в её исполнении. Всё ревнивее опасаюсь я, как бы взгляды на пророчества, церковное устройство, политику или даже систематическое богословие не отвлекли кого-нибудь из нас от того, чтобы хвалиться крестом Христовым. Спасение — тема, к которой я хотел бы привлечь каждый святой язык. Я жадно ищу свидетелей славного благовестия блаженного Бога. О, если бы Христос распятый был общей главной вестью всех людей Божьих! Ваши догадки о числе зверя, наполеоновские умозрения, предположения о личном антихристе — простите меня, я считаю их лишь костями для собак. Пока люди умирают и ад наполняется, мне кажется совершеннейшим пустословием бормотать об Армагеддоне при Севастополе, Садове или Седане и заглядывать между сложенными листами судьбы, чтобы выведать участь Германии. Блаженны читающие и слушающие слова пророчества Откровения; но подобное благословение, очевидно, не почило на тех, кто притязает на его истолкование: поколение за поколением таких толкователей одним лишь течением времени изобличалось в ошибке, и нынешнее поколение последует в ту же бесславную могилу. Я предпочёл бы выхватить из огня одну-единственную головню, чем объяснить все тайны. Приобрести душу, спасая её от нисхождения в ров, — более славное достижение, чем быть увенчанным на

арене богословского спора титулом Doctor Sufficientissimus. Верно открыть славу Божью в лице Иисуса Христа на последнем суде будет признано более достойным служением, чем разрешить загадки религиозного Сфинкса или разрубить гордиев узел апокалиптических трудностей. Блаженно то служение, в котором ХРИСТОС — ВСЁ.

Лекция 6. О выборе текста

[1] Надеюсь, братья мои, все мы глубоко чувствуем, как важно проводить каждую часть богослужения с наибольшей возможной действенностью. Вспоминая, что выбор гимна может стать средством, от которого зависит спасение души, мы не должны считать подбор псалмов и гимнов пустяком, пусть это и кажется небольшим делом. Один неверующий незнакомец зашёл на наше богослужение в Эксетер-холле и был приведён ко кресту словами стиха Уэсли: «Иисус, любящий мою душу». «Иисус любит меня? — сказал он. — Тогда зачем мне жить во вражде с Ним?» Размышляя также о том, что Бог может особенно благословить какое-нибудь выражение в нашей молитве для обращения заблудшего и что молитва в помазании Святого Духа может сильно послужить назиданию Божьего народа и низвести на него бесчисленные благословения, мы будем стараться молиться с наилучшим даром и высочайшей благодатью, какие нам доступны. Поскольку и чтение Писания может щедро раздавать утешение и наставление, мы остановимся над раскрытыми Библиями и благоговейно попросим руководства к той части Святого Писания, которая с наибольшей вероятностью будет обращена на пользу.

[2] Что касается проповеди, прежде всего мы будем особенно заботиться о выборе текста. Никто из нас не относится к проповеди столь небрежно, чтобы думать, будто случайно схваченный текст подойдёт для всякого случая или вообще для какого бы то ни было случая. Не все мы разделяем взгляд Сидни Смита, который посоветовал брату, затруднявшемуся с выбором текста,

проповедовать на слова «Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии», словно для проповеди сгодится что угодно. Надеюсь, каждую неделю мы все весьма усердно и серьёзно обдумываем, на какие темы обратимся к своему народу в воскресенье утром и вечером: хотя всё Писание добро и полезно, не всё одинаково подходит к каждому случаю.[24] Всему своё время; и всё лучше, когда своевременно. Мудрый хозяин старается дать каждому члену семьи его долю пищи в надлежащее время: он не раздаёт пайки без разбора, а сообразует кушанья с нуждами гостей. Только простой чиновник, раб рутины, безжизненный автомат формализма удовлетворится первой попавшейся темой. Человек, собирающий темы так, как дети на лугу собирают лютики и маргаритки — что подвернётся, — возможно, и действует сообразно своему положению в церкви, куда его протолкнул покровитель и откуда народ не может его удалить. Но тем, кто исповедует призвание от Бога и избран на своё место свободным выбором верующих, необходимо полнее удостоверять своё служение, чем позволяет такая небрежность. Среди множества самоцветов нам нужно выбрать камень, лучше всего подходящий к оправе данного случая. Мы не смеем врываться в пиршественный зал Царя с беспорядочной грудой припасов, словно угощение должно стать грубой свалкой; как благовоспитанные слуги, мы останавливаемся и спрашиваем великого Хозяина пира: «Господи, что Ты хочешь, чтобы мы сегодня поставили на Твой стол?»

[3] Некоторые тексты поражали нас своей крайней неудачностью. Хотелось бы знать, как приходской священник мистера Дизраэли обошёлся со словами «Во плоти моей я узрю Бога», когда недавно проповедовал на деревенском празднике урожая! Чрезвычайно неудачен

был текст для похорон убитого священника, мистера Плоу: «Так возлюбленному Своему Он даёт сон». А тот, кто избрал слова «Не судите, да не судимы будете» для проповеди перед судьями на выездной судебной сессии, проявил совершенно очевидную глупость.

[4] Не позволяйте звучанию библейских слов и их кажущейся уместности ввести вас в заблуждение. Господин Атаназ Кокрель признаётся, что во время третьего посещения Амстердама проповедовал на слова «В третий уже раз иду к вам» (2 Коринфянам 13:1). Неудивительно, что он добавляет: ему «потом было очень трудно вложить в эту речь то, что соответствовало случаю». Подобный случай — одна из проповедей о смерти принцессы Шарлотты на слова «Она занемогла и умерла». Ещё хуже выбирать слова ради жалкой шутки, как в недавней проповеди о смерти Авраама Линкольна на фразу «Авраам умер». Рассказывают, что один студент — надеюсь, так и не выбравшийся из своей скорлупы — публично проповедовал в присутствии наставника, доктора Филипа Доддриджа. Этот добрый человек имел привычку садиться прямо перед студентом и смотреть ему в лицо; представьте же его удивление, если не негодование, когда объявленный текст оказался таким: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп?» Господа, глупцы иногда становятся студентами; будем надеяться, что никто из этого разряда не обесчестит нашу Alma Mater. Я прощаю человека, который проповедовал перед этим пьяным Соломоном — Яковом I Английским и VI Шотландским — на текст Иакова 1:6: искушение было слишком велико, чтобы устоять. Но да будет навеки проклят негодяй, если такой вообще существовал, который отметил кончину диакона тирадой на слова «Умер нищий». Я прощаю лжеца,

приписавшего подобное безобразие мне, но надеюсь, что он не станет испытывать своё гнусное искусство на ком-либо другом.[26]

[5] Как мы избегаем небрежного случайного выбора тем, так должны избегать и однообразной регулярности. Я слышал об одном богослове, у которого было пятьдесят две воскресные проповеди и ещё несколько праздничных; он имел обыкновение произносить их по порядку год за годом. В его случае людям не требовалось просить, чтобы в следующую субботу им говорили о том же; и было бы неудивительно, если бы подражатели Евтиха нашлись не только на третьем этаже. Не так давно один священник сказал моему знакомому фермеру: «Знаете, мистер Д., на днях я перебирал свои проповеди. В пасторском доме, особенно в моём кабинете, такая сырость, что они совсем заплесневели». Мой друг, хотя и был церковным старостой, посещал богослужения диссентеров; он не оказался настолько груб, чтобы сказать, что считает это весьма вероятным. Но поскольку деревенские старожилы часто слышали упомянутые речи, возможно, они заплесневели не в одном смысле. Есть служители, которые, накопив небольшой запас проповедей, повторяют их ad nauseam, до тошноты, с ужасающей регулярностью. Странствующие братья подвержены этому искушению гораздо больше, чем те, кто несколько лет остаётся на одном месте. Если они станут жертвами привычки, это, несомненно, положит конец их полезности и внесёт в сердца невыносимый мертвящий холод; слушатели скоро его почувствуют, слыша попугайское повторение затасканных произведений. Лучшее изобретение для поощрения духовной лености — запастись проповедями на два или три года и снова и снова повторять их по порядку. Поскольку мы, братья

мои, надеемся многие годы, если не всю жизнь, прожить на одном месте, укоренённые взаимной любовью, которая возникнет между нами и народом, нам нужен совсем иной способ, чем тот, который может подойти ленивцу или странствующему благовестнику.

6 Думаю, одним бывает обременительно, а другим очень легко находить тему так, как находят её те, чей удел — служение в государственной епископальной Церкви. Там проповедник обычно обращается к назначенным на день Евангелию, Посланию или чтению и чувствует себя обязанным — не по закону, а по своего рода прецеденту — проповедовать по стиху из одного из них. Когда Адвент, Богоявление, Великий пост и Пятидесятница проходят свой неизменный круг, никому не приходится мучиться сердцем над вопросом: «Что сказать этому народу?» Голос церкви ясен и отчётлив: «Учитель, говори; вот твоё дело, отдайся ему всецело». У такого предварительного распределения могут быть преимущества, но, по-видимому, епископальная публика ими не воспользовалась: её писатели постоянно стонут о скуке проповедей и оплакивают печальное положение долготерпеливых мирян, вынужденных их слушать. Рабская привычка следовать ходу солнца и круговороту месяцев вместо того, чтобы ожидать Святого Духа, на мой взгляд, вполне объясняет, почему во многих церквях — по суду их собственных авторов — проповеди не лучше образцов «той благопристойной немощи, которая равно оберегает их авторов от смешных ошибок и не допускает поразительных красот».

7 Итак, примем как несомненное: все мы считаем чрезвычайно важным не просто проповедовать истину, а проповедовать именно ту истину, которая нужна в

каждом конкретном случае. Мы будем стремиться рассуждать о предметах, наиболее соответствующих нуждам нашего народа и с наибольшей вероятностью способных стать путём благодати к его сердцам.

[8] Трудно ли находить тексты? Помню, в молодые годы я прочёл где-то в сборнике лекций по гомилетике утверждение, которое тогда сильно меня встревожило. Оно гласило примерно следующее: «Если человек затрудняется выбрать текст, ему лучше сразу вернуться в бакалейную лавку или к плугу, ибо он явно не обладает способностями, необходимыми служителю». Поскольку это очень часто было моим крестом и бременем, я стал спрашивать себя, не следует ли мне заняться каким-нибудь светским трудом и оставить служение. Однако я этого не сделал, потому что и поныне убеждён: хотя огульный приговор лектора меня осуждает, я следую призванию, на котором Бог явно поставил Свою печать. Упомянутое суровое замечание так тревожило мою совесть, что я спросил деда, прослужившего около пятидесяти лет, испытывал ли он когда-нибудь затруднения при выборе темы. Он откровенно ответил, что это всегда было его величайшей трудностью, в сравнении с которой сама проповедь совсем не тревожила. Помню слова почтенного старца: «Трудность не в том, что текстов мало, а в том, что их так много, что я не знаю, какой предпочесть». Братья, порой мы подобны любителю изысканных цветов, который оказался среди всей красоты сада, но получил разрешение выбрать лишь один цветок. Как долго колеблется он между розой и лилией, как трудно предпочесть одну из десяти тысяч цветущих красот! Признаюсь, выбор текста и для меня поныне остаётся великим затруднением — embarras de richesses, как говорят французы, затруднением от

богатства, совершенно отличным от растерянности нищеты. Это забота о том, чтобы уделить внимание самому насущному среди стольких истин, каждая из которых требует быть услышанной, стольких обязанностей, нуждающихся в напоминании, стольких духовных нужд народа, требующих восполнения. Признаюсь, я часто сижу час за часом, молясь и ожидая темы; это главная часть моих занятий. Немало тяжёлого труда я потратил, обрабатывая темы, обдумывая положения вероучения, составляя из стихов остовы проповедей, а затем погребая каждую их косточку в катакомбах забвения. Я продолжаю плыть через многие мили неспокойной воды, пока не увижу красные огни и не направлю паруса прямо в желанную гавань. Думаю, почти в любую субботу своей жизни я составляю достаточно планов проповедей на целый месяц, если бы чувствовал свободу их произнести; но решиться воспользоваться ими для меня так же невозможно, как честному моряку выгрузить на берег контрабанду. Темы одна за другой мелькают перед умом, словно образы перед объективом фотографа; но пока ум не станет подобен чувствительной пластинке, сохраняющей изображение, эти темы для нас бесполезны.

[9] Какой же текст — нужный? Как его узнать? Мы узнаём его так, как узнаём друга. Когда стих крепко, по-дружески схватит ваш ум и вы не сможете освободиться, дальнейшего указания на подходящую тему не потребуется. Подобно рыбе, вы пробуете множество приманок, но когда крючок пронзит вас по-настоящему, странствовать больше не будете. Когда текст овладеет нами, мы можем быть уверены, что и мы овладели им, и смело высказать всё, что лежит о нём на душе. Возьмём другое сравнение: вы берёте несколько текстов и

пытаетесь их расколоть, изо всех сил ударяете по ним молотом, но труд пропадает. Наконец находите один, который распадается от первого удара и сверкает, рассыпаясь на части; внутри обнаруживаются драгоценные камни редчайшего блеска. Он растёт у вас на глазах, словно сказочное семя, превращавшееся в дерево, пока наблюдатель смотрел на него. Он пленяет и очаровывает вас — или своей тяжестью ставит на колени и возлагает на вас бремя Господне. Знайте тогда: именно эту весть Господь хочет поручить вам. Чувствуя это, вы будете так связаны данным местом Писания, что не обретёте покоя, пока не отдадите весь ум его власти и не скажете о нём так, как Господь даст вам изречь. Ждите этого избранного слова, даже если ждать придётся до последнего часа перед служением. Холодные, расчётливые люди, которых не движут такие побуждения, как нас, возможно, этого не поймут; но для некоторых из нас это закон сердца, против которого мы не смеем согрешить. Мы остаёмся в Иерусалиме, пока не будет дана сила.

[10] «Верую в Духа Святого». Это один из членов Символа веры, но среди исповедующих веру едва ли многие верят ему настолько, чтобы поступать соответственно. Многим служителям, по-видимому, кажется, что они сами должны выбрать текст, сами раскрыть его учение, сами найти в нём проповедь. Мы думаем иначе. Конечно, мы должны пользоваться своей волей, как и разумом и чувствами: мы не утверждаем, будто Святой Дух заставит нас проповедовать по тексту против нашей воли. Он обращается с нами не как с музыкальными шкатулками, которые нужно завести и настроить на определённую мелодию; славный Вдохновитель всякой истины обращается с нами как с разумными существами, на

которых действуют духовные силы, соответствующие нашей природе. И всё же благоговейный ум всегда желает, чтобы выбор текста принадлежал всеведущему Духу Божьему, а не собственному ошибающемуся разумению. Поэтому такие люди смиренно отдают себя в Его руку, прося Его снизойти и направить их к той своевременной доле пищи, которую Он назначил Своему народу. Гёрналл говорит: «У служителей нет собственной способности к их труду. О, как долго могут они сидеть, перебирая книги и ломая голову, пока Бог не придёт на помощь; тогда всё, подобно Иаковововой дичи, окажется у них под рукой. Если Бог не ниспошлёт помощи, мы пишем пером без чернил; если кому и нужно больше других ходить в зависимости от Бога, то это служителю».

[11] Если кто-нибудь спросит меня: «Как найти наиболее подходящий текст?» — я отвечу: «Взывайте об этом к Богу». Харрингтон Эванс первым из своих «Правил для проповедей» ставит следующее: «Ищите Бога в молитве о выборе отрывка. Спросите себя, почему решено взять именно этот отрывок. Дайте честный ответ. Иногда ответ окажется таким, что должен склонить ум отказаться от выбора». Даже если одна молитва не приведёт вас к желанному сокровищу, само то, что вы помолились, в любом случае будет полезно. Трудность в выборе темы, если она побуждает молиться больше обычного, станет для вас великим благословением. Молитва — лучшее учение. Лютер давно сказал: «Bene orasse est bene studuisse», — и это старое изречение стоит повторить. Молитесь над Писанием: это подобно топтанию винограда в точиле, молотьбе зерна на гумне, выплавке золота из руды. Молитва благословенна вдвойне: она благословляет молящегося проповедника и народ, которому он служит. Когда текст приходит в ответ на молитву, он будет вам

ещё дороже; в нём будет Божье благоухание и помазание, совершенно неизвестное формальному оратору, для которого одна тема ничем не отличается от другой.[27]

[12] После молитвы мы обязаны с большим усердием пользоваться подходящими средствами, чтобы сосредоточить мысли и направить их в наилучшее русло. Рассмотрите состояние слушателей. Подумайте об их духовном состоянии в целом и по отдельности; назначьте лекарство, соответствующее нынешней болезни, или приготовьте пищу, подходящую к преобладающей нужде. Однако позвольте предостеречь вас: не принимайте в расчёт прихоти слушателей или особенности богатых и влиятельных. Не придавайте слишком большого значения господину и даме на зелёной скамье, если вам не повезло иметь такое отвратительное почётное место в доме, где все равны. Крупному жертвователю непременно уделяйте столько же внимания, сколько другим, и не пренебрегайте его духовными немощами; но он не составляет собою всех, и вы огорчите Святого Духа, если станете так думать. С равным участием смотрите на бедных в проходах и выбирайте темы, доступные их кругу мыслей и способные ободрить их среди множества скорбей. Не позволяйте уважению к односторонним членам общины вскружить вам голову: они питают пристрастие к одной части Евангелия и глухи к другим сторонам истины. Никогда не уклоняйтесь от своего пути ни ради того, чтобы устроить им пир, ни ради того, чтобы их отчитать. Если это добрые люди, может быть приятно сознавать, что они довольны; их предпочтения можно уважать. Но верность требует, чтобы мы не становились простыми дудочниками для слушателей, играющими по их заказу, а оставались устами Господа, возвещающими все Его советы. Возвращаюсь к прежнему замечанию:

обдумайте, что вашему народу действительно нужно для назидания, и сделайте это своей темой. Знаменитый апостол северной Шотландии доктор Макдональд приводит подходящий пример в своём «Дневнике труда на Сент-Килде»: «Пятница, 27 мая. На сегодняшнем утреннем занятии я прочёл Римлянам 12 и пояснил некоторые места; это дало мне возможность показать связь между верой и практикой, а также то, что учения благодати согласны с благочестием и ведут к святости сердца и жизни. Я счёл это необходимым, поскольку после той возвышенной позиции, которую занимал в последние дни, опасался, что люди могут склониться к антиномизму — крайности столь же опасной, как арминианство, если не более».

[13] Посмотрите, какие грехи, по-видимому, наиболее распространены в церкви и собрании: мирской дух, корыстолюбие, отсутствие молитвы, гнев, гордость, недостаток братолюбия, клевета и подобные пороки. С любовью примите во внимание испытания своего народа и ищите бальзам для его ран. Ни в молитве, ни в проповеди не нужно входить во все мельчайшие подробности испытаний общины, хотя таков был обычай одного почтенного служителя, некогда великого епископа в наших краях, а теперь уже отошедшего на небеса. По своей обильной любви к народу он имел обыкновение давать такие намёки на рождения, смерти и браки в пастве, что одним из воскресных послеобеденных развлечений его постоянных слушателей, должно быть, было угадывание, кого именно он имел в виду в разных частях молитвы и проповеди. От него это терпели и даже этим восхищались; у нас это было бы смешно. Патриарх может уместно делать то, чего молодой человек обязан тщательно избегать. Упомянутый почтенный богослов

научился такой подробности на примере отца: он вырос в семье, где дети, заметив, что за день случилось нечто особенное, говорили друг другу: «Надо дождаться семейной молитвы — тогда всё узнаем». Но я отвлёкся. Этот пример показывает, как превосходная привычка может выродиться в недостаток; однако изложенное мною правило от этого не меняется. В определённые периоды многие члены общины столкнутся со сходными испытаниями; эти скорби позовут ваш ум в новые области мысли, и плохо будет остаться глухим к их зову. Далее, мы должны наблюдать за духовным состоянием народа. Если заметим начало отступления; если опасаемся, что людям могут привить какую-нибудь вредную ересь или превратное представление; если вообще что-либо в состоянии всего церковного организма привлечёт наше внимание, — мы должны поспешить подготовить проповедь, которая по Божьей благодати сможет остановить язву. Таковы указания, которые Дух Божий даёт внимательному, наблюдательному пастырю через состояние его слушателей. Заботливый пастух часто осматривает стадо и сообразует уход с тем состоянием, в каком находит его. Вероятно, одного корма он даст немного, другого — больше, а лекарства — в надлежащем количестве, смотря по тому, что его опытное суждение признает необходимым. Мы получим верное направление, если только будем действовать вместе с «великим Пастырем овец».

[14] Однако не позволим проповеди, прямо обращённой к нашим людям, выродиться в их брань. Кафедру называют «замком труса», и в некоторых отношениях это очень подходящее название, особенно когда на возвышение поднимаются глупцы и нагло оскорбляют слушателей, выставляя их недостатки или немощи на всеобщее

посмешище. Есть обращение к личности оскорбительное, своевольное, ничем не оправданное: его следует тщательно избегать. Оно земное, плотское и заслуживает безоговорочного осуждения. Но есть и другое личное обращение — мудрое, духовное, небесное; к нему нужно стремиться непрестанно. Слово Божье острее всякого обоюдоострого меча; поэтому предоставьте Слову ранить и умерщвлять — вам самим незачем быть язвительными в выражениях и манерах. Божья истина испытующая: пусть она исследует человеческие сердца без ваших оскорбительных добавлений. Жалок тот портретист, которому приходится подписывать имя под картиной, вывешенной в семейной гостиной, где сидит сам изображённый человек. Заставьте слушателей понять, что говорите о них, хотя вы не назвали их и даже самым отдалённым образом на них не указали. Возможно, случатся обстоятельства, когда вы будете обязаны зайти так же далеко, как Хью Латимер, который, говоря о взятках, сказал: «Тот, кто принял в подарок за взятку серебряный таз и кувшин, думает, что это никогда не откроется. Но пусть он знает, что мне это известно; и известно не мне одному — есть и другие, кто знает. О взяточник и взяточничество! Никогда не был добрым человеком тот, кто так берёт взятки; и я не могу поверить, что взяточник будет добрым судьёй». Здесь было столько же благоразумной сдержанности, сколько смелого разоблачения; и если вы не пойдёте дальше этого, никто не посмеет, не устыдившись, обвинить вас в чрезмерном переходе на личности.

15 Далее, ища текст, служитель должен учитывать свои прежние темы. Было бы неразумно постоянно настаивать на одном учении, пренебрегая другими. Некоторые из наших более глубоких братьев способны разбирать один

предмет в целой серии речей и, словно поворотом калейдоскопа, являть новые формы красоты, не меняя темы. Но большинство из нас, обладающих менее плодотворными способностями, сочтёт лучшим заботиться о разнообразии и высказываться о широком круге истины. Я считаю полезным часто просматривать список своих проповедей и проверять, не ускользнуло ли от внимания какое-нибудь учение и не было ли оставлено без заботы какое-нибудь христианское благодатное качество. Полезно спросить себя, не были ли мы в последнее время слишком поглощены вероучением, слишком ограничены практикой или слишком исключительно заняты духовным опытом. Мы не желаем выродиться в антиномистов и, с другой стороны, не хотим опуститься до положения простых учителей холодной нравственности; наше стремление — вполне исполнить служение. Мы хотели бы дать каждой части Писания справедливую долю в своём сердце и уме. Учение, заповедь, история, прообраз, псалом, притча, опыт, предостережение, обетование, приглашение, угроза или обличение — мы хотим охватить своим наставлением всю богодухновенную истину. Возненавидим всякую односторонность, всякое преувеличение одной истины и умаление другой. Будем стараться писать портрет истины с уравновешенными чертами и согласованными красками, чтобы не обесчестить её, представив искажение вместо соразмерности и карикатуру вместо верного подобия.

[16] Предположим, однако, что вы молились в своей маленькой комнате, упорно боролись и долго просили, обдумали состояние народа и его нужды — и всё же не нашли текста. Что ж, не тревожьтесь и не предавайтесь отчаянию. Если бы вы собирались воевать на собственный счёт, то нехватка пороха перед близкой битвой была бы

весьма бедственным делом. Но поскольку снабжать должен ваш Военачальник, нет сомнения: в надлежащее время Он выдаст боеприпасы. Если вы уповаете на Бога, Он не оставит — не может оставить — вас. Продолжайте просить и бодрствовать: усердному труженику мысли небесная помощь обеспечена. Если бы всю неделю вы праздно ходили туда-сюда и не заботились о должной подготовке, вы не могли бы ожидать Божьей помощи; но если сделали всё возможное и теперь ждёте, чтобы узнать весть своего Господа, ваше лицо никогда не будет постыжено.

[17] Со мной произошли два или три случая, которые могут показаться вам несколько странными; впрочем, я и сам человек странный. Когда я жил в Кембридже, мне, как обычно, предстояло вечером проповедовать в соседней деревне, куда нужно было идти пешком. Весь день я читал и размышлял, но не мог найти нужного текста. Что бы я ни делал, священное откровение не отвечало, от урима и туммима не вспыхивал свет. Я молился, размышлял, переходил от одного стиха к другому, но ум ни за что не мог зацепиться; как сказал бы Беньян, мои мысли «изрядно швыряло вверх и вниз». Тут я подошёл к окну и выглянул наружу. На другой стороне узкой улицы, где я жил, на кровле сидела бедная одинокая канарейка, окружённая стаей воробьёв; все они клевали её, словно хотели растерзать. В тот миг мне пришёл на память стих: «Удел Мой стал для Меня как пёстрая птица; птицы со всех сторон против неё». Я отправился в путь совершенно спокойно, обдумал отрывок во время долгой одинокой прогулки и проповедовал об особом народе и гонениях его врагов — свободно и легко для себя и, верю, с утешением для сельских слушателей. Текст был послан мне; если его принесли не вороны, то уж несомненно воробьи. В другой

раз, когда я трудился в Уотербиче, я проповедовал в воскресенье утром и, по обыкновению, пошёл обедать домой к одному из членов общины. К сожалению, богослужений было три, и дневная проповедь следовала за утренней так скоро, что трудно было подготовить душу; особенно потому, что обед — необходимое, но серьёзное неудобство там, где требуется ясная голова. Увы, эти послеобеденные службы в английских деревнях обычно становятся печальной тратой сил! Ростбиф и пудинг тяжело лежат на душах слушателей, а мыслительные способности самого проповедника тупеют, пока пищеварение требует господства над этим часом. Тщательно отмерив еду, я в тот раз сохранил усердие и живость; но к ужасу своему обнаружил, что заранее намеченная линия мысли исчезла. Я не мог отыскать следа подготовленной проповеди; как ни сжимал лоб, утраченная тема не возвращалась. Времени оставалось мало, часы уже били, и я с немалой тревогой сказал доброму фермеру, что хоть убей не могу вспомнить, о чём собирался проповедовать. «О, — ответил он, — ничего; доброе слово для нас у вас непременно найдётся». В тот самый миг пылающее полено выпало из огня на каменный очаг у моих ног, сильно дымя в глаза и нос. «Вот, сэр, — сказал фермер, — вот вам текст: “Не головня ли это, исторгнутая из огня?”» Нет, подумал я, её не исторгли: она выпала сама. Здесь были и текст, и наглядный пример, и ведущая мысль, способная породить другие. Пришёл дальнейший свет, и проповедь была определённо не хуже моих более подготовленных речей; в лучшем смысле она оказалась лучше, ибо один или двое после неё объявили, что пробудились и обратились через проповедь того дня. Я всегда считал счастливым обстоятельством то, что забыл текст, по которому намеревался говорить. На

Нью-Парк-стрит я однажды пережил весьма необычный случай; его свидетели присутствуют в этой комнате. Я благополучно провёл все начальные части воскресного вечернего богослужения и объявлял гимн перед проповедью. Открыл Библию, чтобы найти тщательно изученный текст, избранный для речи, — и тут другой отрывок на противоположной странице бросился на меня, словно лев из чащи, с гораздо большей силой, чем я ощущал при обдумывании выбранного текста. Народ пел, а я вздыхал. Меня влекло к двум, и ум словно застыл на весах. Естественно, я хотел пойти по тщательно проложенному пути, но другой текст не принимал отказа, будто тянул меня за полы одежды и восклицал: «Нет, нет, ты должен проповедовать по мне! Бог хочет, чтобы ты последовал за мной». Я размышлял о своём долге, не желая быть ни фанатиком, ни неверующим, и наконец сказал себе: «Что ж, мне хотелось бы произнести подготовленную проповедь; пуститься в новую линию мысли — большой риск. Но раз этот текст так понуждает меня, возможно, это от Господа; поэтому решусь, будь что будет». Почти всегда вскоре после вступления я объявляю основные части проповеди; в этот раз, вопреки обычаю, я этого не сделал — по причине, о которой некоторые из вас, вероятно, догадаются. Первый пункт я прошёл с немалой свободой, совершенно без подготовки и по мысли, и по слову. Второй разобрал, сознавая необычную тихую, действенную силу; но что будет или может быть третьим, я не представлял: в тот миг текст не давал больше материала. И сейчас не могу сказать, что я сделал бы, если бы не произошло событие, на которое я совершенно не рассчитывал. Повинуясь тому, что считал Божьим побуждением, я поставил себя в большое затруднение, но чувствовал сравнительное спокойствие,

веря, что Бог поможет, и зная, что, если больше нечего будет сказать, я по крайней мере могу закончить богослужение. Раздумывать не пришлось: в одно мгновение мы очутились в полной темноте — газ погас. Проходы были забиты людьми, всё помещение переполнено; это было большой опасностью, но и великим благословением. Что мне было делать? Люди немного испугались, но я сразу успокоил их, сказав, что не следует тревожиться: хотя газ погас, его скоро снова зажгут. Что же до меня, то рукописи у меня нет и я могу говорить в темноте ничуть не хуже, чем при свете, если они будут так добры сидеть и слушать. Будь моя речь даже самой тщательно выстроенной, продолжать её было бы нелепо; поэтому в своём положении я был тем менее смущён. Я сразу мысленно обратился к известному тексту о сыне света, ходящем во тьме, и сыне тьмы, ходящем во свете; подходящие замечания и примеры хлынули ко мне. Когда лампы снова зажгли, я увидел перед собой слушателей столь поглощённых и смирённых, каких только можно увидеть в жизни. Самое странное произошло спустя несколько церковных собраний: двое пришли исповедать свою веру и сказали, что обратились в тот вечер. Первая связывала своё обращение с начальной частью речи — по новому тексту, пришедшему мне на ум; второй относил своё пробуждение к последней части, вызванной внезапной темнотой. Так, видите ли, Промысл пришёл мне на помощь. Я вверился Богу, и Его устроение погасило свет в нужную для меня минуту. Кто-то может смеяться — я поклоняюсь; другие могут даже осуждать — я радуюсь. Всё лучше механического произнесения проповедей, при котором руководство Духа практически игнорируется. Не сомневаюсь, у каждого проповедника Святого Духа вокруг служения соберутся подобные

воспоминания. Поэтому говорю: следите за ходом Промысла, вверяйтесь руководству и помощи Господа. Если вы со всей серьёзностью сделали всё возможное, чтобы найти текст, а тема так и не появилась, поднимайтесь на кафедру в твёрдой уверенности, что получите весть, когда придёт время, пусть сейчас у вас нет ни слова.

[18] В жизнеописании Сэмюэла Дрю, известного методистского проповедника, читаем: «Когда после проповеди он остановился в доме друга в Корнуолле, один из присутствовавших на богослужении заметил, что в этот раз Дрю превзошёл свои обычные способности. Другие согласились, и мистер Дрю сказал: “Если это правда, тем удивительнее, потому что проповедь была совершенно неподготовленной. Я вошёл на кафедру с намерением говорить по другому тексту, но, взглянув в раскрытую Библию, увидел отрывок, по которому вы только что слышали мою речь: ‘Приготовься к сретению Бога твоего, Израиль’. Он так сильно привлёк моё внимание, что прогнал прежние мысли; и хотя прежде я никогда над ним не размышлял, я тотчас решил сделать его предметом своей проповеди”». Мистер Дрю правильно поступил, повинуясь небесному указанию.

[19] При определённых обстоятельствах вы будете прямо вынуждены отбросить хорошо изученную речь и положиться на немедленную помощь Святого Духа, говоря совершенно без подготовки. Вы можете оказаться в положении покойного Кингмана Нотта, когда он проповедовал в Национальном театре Нью-Йорка. В одном из писем он говорит: «Здание было набито битком, главным образом юношами и мальчишками самого грубого склада. Я шёл, имея в уме проповедь, но едва

вышел на сцену, где меня встретили криками “Эй! Эй!”, и увидел пёструю, шумную толпу, с которой предстояло иметь дело, как отбросил все мысли о проповеди. Подхватив притчу о блудном сыне, я постарался заинтересовать их ею и сумел удержать большинство внутри здания и добиться довольно сносного внимания». Каким простаком он оказался бы, если бы упорно продолжал свою неподходящую лекцию! Братья, умоляю вас: веруйте в Святого Духа и осуществляйте свою веру на деле.

20 В качестве дальнейшей помощи бедному проповеднику, севшему на мель и не способному пустить ум в плавание из-за нехватки одной-двух волн мысли, я советую снова и снова обращаться к самому Божьему Слову: прочитать главу и обдумать её стихи один за другим либо выбрать один стих и основательно упражнить над ним ум. Возможно, текст найдётся не в том стихе или главе, которые он читает; но нужное слово придёт через деятельное занятие ума святыми предметами. По связи мыслей одна вызовет другую, та — следующую, пока перед умом не пройдёт длинная вереница, из которой та или иная окажется предназначенной темой.

21 Читайте также хорошие книги, пробуждающие мысль, и оживляйте ими ум. Если хотят добыть воду из давно не использовавшегося насоса, сначала наливают в него воду — и тогда насос работает. Снимите с полки одного из пуритан и основательно изучите его труд; вскоре вы станете словно птица на крыле — умственно деятельны и полны движения.

22 Однако в качестве предосторожности замечу: мы должны постоянно упражняться в поиске текстов и составлении проповедей, неизменно сохраняя святую

деятельность ума. Горе служителю, который осмеливается растратить час! Прочтите «Очерк об использовании времени» Джона Фостера и решите не терять ни секунды. Человек, который с понедельника утром до субботы вечером бесцельно ходит туда-сюда и лениво мечтает, что в последние час или два недели ангельский посланник принесёт ему текст, искушает Бога и заслуживает того, чтобы в воскресенье стоять безмолвным. У нас, служителей, нет свободного от долга времени: мы никогда не снимаемся с дежурства, но день и ночь стоим на сторожевых башнях. Студенты, торжественно говорю вам: ничто не освобождает вас от самой строгой бережливости во времени; легкомысленно обращаться с ним опасно для вас самих. Лист вашего служения скоро увянет, если, подобно блаженному человеку первого псалма, вы не будете размышлять о законе Господнем день и ночь. Мне очень хочется, чтобы вы не растрачивали время на религиозную суету, сплетни и пустые разговоры. Берегитесь бегать с одного собрания на другое, слушать болтовню и вносить свою долю в общее раздувание пустых пузырей. Человек, великий на чаепитиях, вечерних приёмах и прогулках воскресной школы, обыкновенно мал во всём остальном. Подготовка к кафедре — ваше первое дело; пренебрегая ею, вы не принесёте чести ни себе, ни своему служению. Пчёлы делают мёд с утра до ночи; и нам следует всегда собирать запасы для народа. Я не верю в служение, которое игнорирует трудную подготовку. Когда мы путешествовали по северной Италии, наш кучер ночью спал в экипаже. Утром я его позвал; он выскочил, трижды щёлкнул кнутом и объявил, что совершенно готов. Я не слишком оценил столь быстрый туалет и пожалел, что он не спал в другом месте или что мне не предстоит занять

другое сиденье. Те из вас, кто готов проповедовать в два прыжка, простят меня, если я займу скамью где-нибудь ещё. Полезно постоянно упражнять ум в направлении нашего труда. Служителям следует всегда заготавливать сено, но особенно пока светит солнце. Не случается ли вам иногда чувствовать удивительную готовность составлять проповеди? Мистер Джей говорил, что в таком состоянии доставал бумагу, записывал тексты и деления проповедей и сохранял их в запас, чтобы они послужили ему, когда ум будет менее готов. Оплакиваемый Томас Спенсер писал: «Я веду маленькую книжку, куда заношу каждый текст Писания, приходящий на ум с силой и сладостью. Если бы мне приснилось какое-нибудь место Писания, я записал бы и его; когда сажусь составлять проповедь, просматриваю книжку и никогда не испытываю недостатка в теме». Высматривайте темы, ходя по городу или по сельской местности.[25] Всегда держите глаза и уши открытыми — и услышите и увидите ангелов. Мир полон проповедей: ловите их на лету. Скульптор, увидев грубую глыбу мрамора, верит, что в ней скрыта благородная статуя и ему нужно лишь отсечь лишнее и открыть её. Так верьте и вы: под оболочкой всякой вещи для мудрого скрывается зерно проповеди. Будьте мудры и увидьте небесное в его земном образце. Слушайте голоса свыше и переводите их на человеческий язык. Всегда будь проповедником, человек Божий: добывай припасы для кафедры во всех областях природы и искусства, накапливай и готовь во все часы и времена.

[23] Меня спрашивают, хорошо ли заранее объявлять планы и публиковать списки будущих проповедей. Отвечаю: каждый — по своему порядку. Другим я не судья; но сам не осмелился бы предпринять такое и потерпел бы явную неудачу, если бы решился. Примеры весьма против моего

мнения, и во главе их — серии речей Мэтью Генри, Джона Ньютона и множества других. Всё же я могу говорить только о собственных впечатлениях, оставляя каждому быть законом самому себе. Многие выдающиеся богословы произносили ценные циклы проповедей на заранее распределённые темы; но мы не выдающиеся и должны советовать подобным нам людям быть осторожными. Я не осмеливаюсь объявлять, по какому тексту буду проповедовать завтра, тем более через шесть недель или шесть месяцев. Отчасти причина в том, что я сознаю отсутствие у себя тех особых даров, которые необходимы, чтобы долго удерживать интерес собрания к одному предмету или кругу предметов. Братья необычайной исследовательской силы и глубокой учёности могут это делать; братья, лишённые и того и другого, а заодно и здравого смысла, могут притворяться, что делают; я же не могу. Значительной частью своей силы я обязан скорее разнообразию, чем глубине. Не окажется ли, что подавляющему большинству проповедников, следующих списку, было бы гораздо лучше сжечь свои программы, если они хотят добиться успеха? У меня очень живое — вернее, мертвящее — воспоминание об одной серии речей на Послание к Евреям, оставившей в уме глубокое впечатление самого нежелательного рода. Мне часто хотелось, чтобы евреи оставили это послание у себя: одного бедного мальчика-язычника оно ужасно утомляло. К седьмой или восьмой речи выдерживать могли лишь очень добрые люди; они, разумеется, объявляли, что никогда не слышали более ценных толкований. Однако людям с более плотским суждением казалось, что каждая проповедь становилась всё скучнее. Павел в этом послании призывает нас терпеливо принять слово

увещания — и мы терпели. Все ли циклы проповедей таковы? Возможно, нет; и всё же боюсь, исключений мало. Даже о таком замечательном толкователе, как Джозеф Кэрил, рассказывают, что он начал свои знаменитые лекции об Иове с восьмьюстами слушателями, а закрыл книгу лишь с восемью! Один проповедник пророчеств так много распространялся о «малом роге» Даниила, что одним воскресным утром у него оставалось всего семь слушателей. Несомненно, им казалось:

> [24] Как странно, что арфа о тысяче струн
> Так долго играет один лишь напев.

[25] Обычно и для обыкновенных людей заранее распределённые речи, на мой взгляд, — ошибка: польза от них бывает лишь кажущейся, а вред, как правило, действительный. Несомненно, пройти длинное послание требует большого таланта от проповедника и целого мира терпения от слушателей. Но в сказанном мною есть и более глубокое соображение: мне представляется, что многие по-настоящему живые, усердные проповедники почувствовали бы в программе оковы. Если проповедник объявит на следующий день Господень радостную тему, требующую живости и подъёма духа, вполне возможно, что по разным причинам он окажется печален и обременён; однако ему придётся влить молодое вино в свой старый мех и явиться на брачный пир во вретище и пепле. Хуже того, повторять это, возможно, придётся целый месяц. Так ли должно быть? Важно, чтобы говорящий был настроен в лад своей теме; но как этого достичь, если выбор темы не предоставить влияниям, которые будут действовать в тот момент? Человек — не паровая машина, чтобы бегать по рельсам, и неразумно

закреплять его в одной колее. Очень многое в силе проповедника зависит от согласия всей его души с предметом; я побоялся бы назначать тему на определённую дату, чтобы к тому времени не оказаться в ином душевном строе. Кроме того, трудно увидеть, как человек может являть зависимость от руководства Духа Божьего, уже предписав себе маршрут. Возможно, вы скажете: «Странное возражение: почему нельзя положиться на Него на двадцать недель так же, как на одну?» Верно; но нам никогда не было дано обетования, оправдывающего такую веру. Бог обещает давать благодать по мере наших дней, но ничего не говорит о снабжении нас запасным фондом на будущее.

> [26] День за днём ниспадала манна;
> О, усвоить бы этот урок!

[27] Так и наши проповеди будут приходить, свежие с небес, когда понадобятся. Я ревниво отношусь ко всему, что могло бы помешать вашей ежедневной зависимости от Святого Духа, и потому утверждаю уже высказанное мнение. Вам, младшие братья, я считаю себя вправе сказать со всей властью: оставьте честолюбивые попытки составлять сложные циклы речей людям старше и способнее. У нас невелика доля умственного золота и серебра; вложим же свой маленький капитал в полезные товары, которым быстро найдётся сбыт, а богатым купцам предоставим торговлю более дорогими и громоздкими вещами. Мы не знаем, что принесёт день; будем ждать ежедневного наставления и не делать ничего, что помешало бы воспользоваться материалами, которые Промысл сегодня или завтра положит на нашем пути.

[28] Возможно, вы спросите, следует ли проповедовать по текстам, которые другие выбирают для вас, прося о такой

проповеди. Я ответил бы: как правило, никогда; а если исключения необходимы, пусть их будет мало. Напомню: вы не держите лавку, куда покупатели приходят оставлять заказы. Когда друг предлагает тему, обдумайте её, рассмотрите, уместна ли она, и посмотрите, приходит ли она к вам с силой. Примите просьбу учтиво, как и подобает воспитанному человеку и христианину; но если Господь, Которому вы служите, не прольёт света на этот текст, не проповедуйте по нему, кто бы вас ни уговаривал.

29 Я совершенно уверен: если мы будем ожидать от Бога своих тем и молитвенно просить о верном руководстве, Он поведёт нас прямым путём. Но если возгордимся мыслью, что вполне легко можем выбрать сами, то обнаружим: даже в выборе темы без Христа мы не можем делать ничего. Уповайте на Господа, слушайте, что Он хочет сказать, принимайте слово прямо из Божьих уст, а затем выходите как посланник, только что прибывший от небесного двора. «И ещё уповай на Господа».

Лекция 7. О духовном истолковании

[1] Многие авторы книг по гомилетике без всякой меры осуждают даже редкое духовное истолкование текста.[28] «Выбирайте тексты, — говорят они, — с ясным буквальным смыслом; никогда не выходите за очевидное значение отрывка; никогда не позволяйте себе приспосабливать его или переносить на другое: это уловка людей искусственной культуры, приём шарлатанов, жалкое проявление дурного вкуса и бесстыдства». Честь тому, кому честь подобает; но я смиренно прошу позволения не согласиться с этим учёным мнением: по-моему, в нём больше привередливости, чем правильности, больше правдоподобия, чем истины.[29] Иногда можно принести немало подлинной пользы, взяв забытый, причудливый, примечательный, необычный текст. Я уверен: если обратиться к суду деятельных и успешных проповедников — не теоретиков, а людей, действительно работающих в поле, — большинство окажется на нашей стороне. Возможно, учёные раввины нынешнего поколения слишком возвышенны и небесны, чтобы снисходить к людям низкого положения; но мы, не имеющие оснований хвалиться ни высокой культурой, ни глубокой учёностью, ни чарующим красноречием, сочли мудрым пользоваться именно тем способом, который запретили эти вельможи. Мы находим его одним из лучших средств не попадать в колею скучной формальности; он даёт нам своего рода соль, чтобы приправить неприятную на вкус истину. Многие великие приобретатели душ считали уместным придать служению новый толчок и привлечь внимание

слушателей, изредка прокладывая ранее не хоженную тропу. Опыт научил их не тому, что они ошибались, а обратному. В известных пределах, братья, не бойтесь духовного истолкования и необычных текстов. Продолжайте отыскивать места Писания и не только объясняйте их прямой смысл, что вы обязаны делать, но и извлекайте значения, которые, возможно, не лежат на поверхности. Цените этот совет настолько, насколько он того заслуживает; но я серьёзно рекомендую вам показать утончённейшим критикам, что не всякий поклоняется поставленному ими золотому истукану. Я советую пользоваться духовным истолкованием в определённых границах, однако прошу не бросаться под прикрытием этого совета в непрестанные и неразумные «измышления», как назвал бы их Джордж Фокс. Не топитесь оттого, что вам посоветовали купаться, и не вешайтесь на дубе потому, что танин назван ценным вяжущим средством. Допустимая вещь, доведённая до крайности, становится пороком: огонь в решётке камина — хороший слуга, но бушующий в горящем доме — дурной хозяин. Избыток даже хорошего пресыщает и вызывает отвращение; нигде это не вернее, чем в предмете нашей беседы.

[2] I. Первое правило таково: не растягивайте текст насильно, прибегая к неправомерному духовному истолкованию. Это грех против здравого смысла. Как ужасно Слово Божье избивали и терзали некоторые проповедники, растягивая тексты на дыбе, чтобы заставить признаться в том, чего иначе они никогда не сказали бы! Мистер Тяп-Ляп, о котором Роуленд Хилл рассказывает в «Деревенских беседах», — лишь представитель многочисленного племени. Этот достойный муж изображён произносящим проповедь на

слова из сна фараонова хлебодара: «У меня на голове три корзины белые». И вот этот «трижды помазанный олух», как выразился бы мой друг, на таком основании рассуждал об учении о Троице! Один дорогой служитель Христов, почтенный и превосходный брат, один из самых поучительных проповедников в своём графстве, рассказал мне, что однажды не увидел в своей часовне рабочего с женой. Их не было снова и снова, воскресенье за воскресеньем. В один понедельник, встретив мужа на улице, он сказал: «Ну, Джон, давно я вас не видел». — «Да, сэр, — ответил тот, — нам показалось, что ваше служение уже не приносит нам той пользы, что прежде». — «Правда, Джон? Мне очень жаль это слышать». — «Мы с моей благоверной любим учение о благодати, потому в последнее время стали ходить слушать мистера Горлана». — «А, вы имеете в виду доброго человека из собрания строгих кальвинистов?» — «Да, сэр, и мы так счастливы! Там нам дают настоящую добрую пищу, все шестнадцать унций в фунте. Под вашим служением мы уже наполовину голодали, хотя как человека я всегда буду вас уважать, сэр». — «Что ж, друг мой, конечно, вам надо ходить туда, где душе полезно. Надеюсь только, что это действительно полезно; а что вы получили в прошлое воскресенье?» — «О, сэр, как нас подкрепило! Утром у нас было… Даже как-то не хочется вам рассказывать… Но право, время было драгоценное». — «Да, но что же было, Джон?» — «Ну, сэр, мистер Горлан благословенным образом ввёл нас в слова: “Если ты жаден до пищи, поднеси нож к своему горлу, когда сядешь пред властителем”». — «И что же он из этого извлёк?» — «Ну, сэр, я могу сказать, что он извлёк, но сперва хотелось бы узнать, что сказали бы вы». — «Не знаю, Джон. Думаю, я вовсе не выбрал бы этот текст. Но если бы мне пришлось о нём говорить, я сказал

бы, что человеку, склонному много есть и пить, следует осторожно вести себя в присутствии великих людей, иначе он себя погубит. Обжорство губительно даже в этой жизни». — «Вот! — сказал рабочий. — Это ваш способ толковать по мёртвой букве. Как я на днях говорил жене, с тех пор как мы стали слушать мистера Горлана, Библия открылась нам так, что теперь мы видим в ней гораздо больше прежнего». — «Да, но что мистер Горлан сказал вам о своём тексте?» — «Ну, он сказал, что жадный до пищи человек — это новообращённый: у него непременно ужасный аппетит к проповедям, ему всё время нужна пища, только он не всегда разборчив, какая именно». — «Что дальше, Джон?» — «Он сказал, что если новообращённый сядет пред властителем, то есть перед законническим проповедником или тем, кто учит обязанности всех веровать, ему будет хуже». — «А как же нож, Джон?» — «Ну, сэр, мистер Горлан сказал, что слушать законнических проповедников очень опасно, это непременно погубит человека, и потому с тем же успехом он может сразу перерезать себе горло, сэр!» Предметом, полагаю, были пагубные последствия слушания молодыми христианами любых проповедников, кроме представителей крайней школы; а нравственный вывод состоял в том, что этому брату лучше перерезать себе горло, чем пойти слушать прежнего служителя. Вот уж немалое приспособление текста! О критики, таких дохлых лошадей мы отдаём вашим собачьим зубам. Рвите и пожирайте сколько угодно — мы не упрекнём. Мы слышали и о другом мастере, высказавшем свои мысли на Притчи 21:17: «Кто любит веселье, обеднеет; а кто любит вино и тук, не разбогатеет». Притчи — излюбленное поле для игр духовных истолкователей. Наш достойный муж распорядился изречением так: «“Кто любит веселье”, то

есть христианин, наслаждающийся средствами благодати, “обеднеет”, то есть будет нищ духом; “а кто любит вино и тук”, то есть радуется дарам завета, наслаждается елеем и вином Евангелия, “не разбогатеет”, то есть не станет богатым в собственных глазах». Так он показывал превосходство нищих духом и то, как они будут наслаждаться радостями Евангелия. Мысль вполне правильная, но мои плотские глаза не видят её в тексте. Все вы слышали знаменитое толкование Уильямом Хантингтоном слов Исаии 11:8: «И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи». «“Младенец”, то есть младенец в благодати, “будет играть над норою аспида”; “аспид” — это арминианин; “нора аспида” — рот арминианина». Далее следует рассказ об играх, в которых простые умы более чем успешно состязаются с арминианской мудростью. Представители другой богословской школы обычно имели достаточно здравого смысла не отвечать таким же комплиментом; иначе антиномисты могли бы оказаться причисленными к василискам, а их противники — хвастливо бросать им вызов у входа в норы. Подобная брань вредит лишь тем, кто ею пользуется. Богословские различия лучше излагать и отстаивать иными средствами, нежели такое шутовство.

[3] Смешные результаты иногда происходят от чистой глупости, раздутой самомнением. Одного примера достаточно. На днях достойный служитель сказал мне, что недавно проповедовал народу о двадцати девяти ножах Ездры. Уверен, он обращался с этими острыми орудиями осмотрительно; но я не удержался и выразил надежду, что он не подражал необычайно мудрому толкователю, который увидел в этом нечётном числе

ножей указание на двадцать четырёх старцев Апокалипсиса.

4 В одном месте Притчей сказано: «От трёх трясётся земля, четырёх она не может носить: раба, когда он делается царём; глупого, когда он досыта ест хлеб; ненавистную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она становится наследницей своей госпожи». Неистовый духовный истолкователь объявляет это прекрасной картиной действия благодати в душе и объясняет, что именно тревожит арминиан и заставляет их ссориться. «“Раба, когда он делается царём”, то есть бедных рабов вроде нас, когда мы начинаем царствовать со Христом; “глупого, когда он досыта ест хлеб”[30], то есть бедных глупцов вроде нас, когда мы питаемся лучшей пшеницей евангельской истины; “ненавистную женщину, когда она выходит замуж”, то есть грешника, соединённого со Христом; “служанку, когда она становится наследницей своей госпожи”, то есть когда мы, бедные служанки, бывшие под законом рабынями, вступаем в преимущества Сарры и становимся наследницами собственной госпожи».

5 Вот несколько образцов церковных диковинок, столь же многочисленных и ценных, как реликвии, которые каждый день в таком изобилии собирают на поле Ватерлоо, а самые простодушные принимают за бесценные сокровища. Но мы уже пресытили вас и не желаем больше тратить ваше время. Нужно ли предостерегать вас, чтобы вы отвернулись от всей этой грубой нелепости? Подобное пустословие бесчестит Библию, оскорбляет здравый смысл слушателей и прискорбно унижает служителя. Однако оно не больше похоже на рекомендуемое нами духовное истолкование,

чем ливанский терн — на ливанский кедр. Избегайте детской игры и чудовищного перекручивания текстов: они сделают вас мудрецом среди глупцов, но глупцом среди мудрецов.

[6] II. Второе наше правило: никогда не занимайтесь духовным истолкованием непристойных предметов. Об этом необходимо сказать: семейство Тяп-Ляпов нигде не чувствует себя так дома, как в речах, от которых скромность заливается краской. Есть жук, размножающийся в нечистотах, и среди людей у этого существа имеется подобие. Разве не вспоминается мне сейчас один пикантный богослов, который с удивительным смаком и чувственным умилением распространялся о наложнице, разрезанной на десять частей? Сам Гринакр не сделал бы этого лучше. Какие отвратительные вещи говорили по поводу некоторых суровых и ужасающих сравнений Иеремии и Иезекииля! Там, где Святой Дух выражается прикровенно и целомудренно, эти люди срывали покров и говорили так, как осмелится лишь нечистый язык. Я не щепетилен — право, далеко нет; но объяснения нового рождения через сравнения, подсказанные сиделкой при родильнице, толкования обряда обрезания и подробные описания супружеской жизни рассердили бы меня и вызвали желание, подобно Иию, приказать сбросить бесстыдника с высокого места, опозоренного такой наглой дерзостью.[31] Знаю, говорят: Honi soit qui mal y pense — «Позор тому, кто дурно об этом подумает»; однако утверждаю: ни один чистый ум не должен подвергаться даже слабейшему дуновению непристойности с кафедры. Жена Цезаря должна быть вне подозрений, а у служителей Христа не должно быть ни пятна в жизни, ни грязи в речи. Господа, поцелуи и объятия, которыми

упиваются некоторые проповедники, отвратительны: лучше оставить Песнь песней Соломона в покое, чем тащить её в грязь, как часто делают. Особенно молодые люди должны ревниво и до щепетильности хранить скромность и чистоту слова. Старика прощают — едва понимаю почему; но молодому нет никакого оправдания, если он переступит строгую границу благопристойности.[34]

[7] III. Далее, в-третьих: никогда не занимайтесь духовным истолкованием ради того, чтобы показать, какой вы необыкновенный умница. Такое намерение будет нечестивым, а средство — глупым. Лишь отъявленный простак станет искать известности, делая то, что девять человек из десяти могут сделать не хуже. Один кандидат на пасторское место однажды произнёс проповедь о слове «но», надеясь снискать расположение собрания: он думал, слушатели придут в восторг от дарований брата, способного так чудесно распространяться об одном союзе. Предметом его речи, по-видимому, был тот факт, что при всём хорошем в характере человека и завидном в его положении у каждого непременно есть какое-нибудь затруднение или испытание: «Нееман был великий человек у господина своего, но…» Когда оратор сошёл с кафедры, диаконы сказали: «Что ж, сэр, вы произнесли необычную проповедь, но… для этого места вы не подходите: это мы видим совершенно ясно». Увы остроумию, когда оно становится таким общедоступным и вдобавок вкладывает оружие в руки собственных противников! Помните: духовное истолкование — не столь уж удивительное проявление изобретательности, даже если вы умеете делать это хорошо; без рассудительности же это вернейший способ обнаружить свою вопиющую глупость. Господа, если вы стремитесь подражать

Оригену в необузданных, дерзких толкованиях, неплохо бы прочесть его жизнь и внимательно отметить, к каким безрассудствам был увлечён даже его дивный ум, когда буйное воображение получило безусловную власть над рассудком. А если вы намереваетесь соперничать с вульгарными декламаторами прошлого поколения, напомню: колпак с бубенчиками теперь не пользуется тем покровительством, какое доставалось ему несколько лет назад.

[8] Третье наше предостережение: никогда не извращайте Писание, придавая ему новый, так называемый духовный смысл, чтобы не навлечь на себя торжественное проклятие, которым ограждён и запечатан богодухновенный свиток. Мистер Кук из Мейденхеда счёл необходимым отделиться от Уильяма Хантингтона, потому что тот истолковал седьмую заповедь так, будто Господь обращается к Своему Сыну со словами: «Не желай жены дьявола», то есть неизбранных. Можно сказать лишь одно: ужасно! Пожалуй, было бы оскорблением вашему разуму и вашей вере призывать вас отвращаться от мысли о таком кощунстве. Вы инстинктивно отшатываетесь от него.[35]

[9] Ещё одно: ни в коем случае не позволяйте слушателям забывать, что повествования, которые вы духовно истолковываете, — факты, а не просто мифы или притчи. Первый смысл отрывка никогда не должен тонуть в потоке вашего воображения: его необходимо ясно объявить и предоставить ему первое место. Ваше применение текста не должно вытеснять его исходного, собственного значения или даже отодвигать его на задний план. Библия — не сборник искусных аллегорий или поучительных поэтических преданий; она сообщает

буквальные факты и открывает величественные действительности. Пусть ваша полная убеждённость в этой истине будет явна всем слушающим ваше служение. Печальным будет день для церкви, если кафедра хотя бы покажется поддерживающей скептическую гипотезу, будто Священное Писание — всего лишь запись утончённой мифологии, где крупицы истины растворены в морях поэтических и вымышленных подробностей.

10 Однако существует законная область для духовного истолкования, точнее, для особенного дара, который побуждает к нему людей.[32] Например, вам часто показывали, что прообразы дают широкий простор для освящённой изобретательности. Зачем ходить в поисках «ненавистных женщин» для проповеди, когда перед вами скиния в пустыне со всеми священными принадлежностями, всесожжение, мирная жертва и все разнообразные жертвы, которые приносились перед Богом? Зачем биться в поисках новизны, когда перед вами храм со всем его великолепием?[33] Самая обширная способность к истолкованию прообразов найдёт достаточно работы в несомненных символах Слова Божьего. К этому занятию можно приступать безопасно, потому что символы установлены Богом.

11 Когда вы исчерпаете все ветхозаветные прообразы, у вас останется наследство из тысячи метафор. Бенджамин Кич в своём трудоёмком исследовании весьма наглядно доказывает, какие залежи истины скрыты в метафорах Писания. Его труд, кстати, допускает немало критики за то, что заставляет метафоры бегать не только на четырёх ногах, но и на стольких, сколько у сороконожки. Но он не заслуживает приговора доктора Адама Кларка, утверждавшего, что эта книга больше любого другого

сочинения такого рода испортила вкус и проповедникам, и народу. Осмотрительное объяснение поэтических образов Священного Писания будет весьма приятно вашим слушателям и, с Божьим благословением, весьма полезно.

12 Но предположим, вы истолковали все общепризнанные прообразы и пролили свет на символы и образные выражения. Неужели вашему воображению и любви к сравнениям теперь следует заснуть? Отнюдь нет. Когда апостол Павел находит тайну в Мелхиседеке и, говоря об Агари и Сарре, замечает: «В этом есть иносказание», — он даёт нам образец для обнаружения библейских аллегорий и в других местах, помимо этих двух. В самом деле, исторические книги не только кое-где предлагают аллегорию, но словно и в целом расположены ради символического наставления. Отрывок из предисловия мистера Эндрю Джукса к его труду о прообразах книги Бытия покажет, как благочестивый ум может без насилия над текстом построить весьма разработанную систему: «В качестве основы или почвы для дальнейшего нам сперва показывается, что происходит от человека, и все различные формы жизни, которые — по природе или по благодати — могут вырасти из корня ветхого Адама. Это книга Бытия. Затем мы видим: дурное или доброе произошло от Адама, искупление необходимо; потому избранный народ кровью Агнца спасается из Египта. Это Исход. После познания искупления мы приходим к опыту избранных, нуждающихся в доступе к Богу Искупителю во святилище и узнающих путь к Нему. Это даётся нам в Левите. Затем в пустыне этого мира, на пути странников из Египта, дома рабства, в обетованную землю за Иорданом познаются испытания путешествия из страны чудес и человеческой мудрости в землю, текущую

молоком и мёдом. Это книга Чисел. Затем возникает желание сменить пустыню на лучшую землю, вступить в которую избранные ещё некоторое время боятся, хотя искупление им уже известно. Этому соответствует желание избранных на определённой ступени познать силу воскресения, уже теперь жить как на небесах. Далее следуют правила и заповеди, которым необходимо повиноваться для исполнения этого желания. Второзаконие — второе дарование закона, второе очищение — указывает путь продвижения. После этого Ханаан действительно достигнут. Мы переходим Иордан: на практике узнаём смерть плоти, что значит быть обрезанными и снять с себя посрамление Египта. Теперь мы знаем, что значит воскреснуть со Христом и бороться не против плоти и крови, а против начальств и властей в небесных местах. Это книга Иисуса Навина. Затем следует падение избранных в небесных местах — падение, происходящее от заключения союзов с хананеями вместо победы над ними. Это Судьи. После этого в книгах Царств проходят перед нами различные формы правления, которые может знать церковь: от первого установления власти в Израиле до её исчезновения, когда за грехи избранных власть Вавилона заменяет их власть. Когда всё это познано со всем своим позором, мы видим остатки избранных: каждый по своей мере делает возможное, чтобы, если удастся, восстановить Израиль. Одни, как Ездра, возвращаются строить храм, то есть восстанавливать формы истинного поклонения; другие приходят, как Неемия, строить стену, то есть с дозволения язычников вновь установить слабое подобие древнего общественного устройства. Третий остаток мы видим в Есфири: он в неволе, но верен и спасён Промыслом, хотя имя Божье — и это характерно для их

состояния — ни разу не появляется во всём повествовании». Я далёк от совета становиться столь же причудливым, каким иногда становится этот изобретательный автор, которого я только что процитировал, чрезмерно потакая своей склонности к мистицизму. И всё же вы будете читать Слово с гораздо большим интересом, если достаточно внимательны, чтобы заметить общий ход библейских книг и их последовательность как системы прообразов.

13 Далее, способность, склоняющая к духовному истолкованию, найдёт хорошее применение в обобщении великих всеобщих начал, которые раскрываются в мелких, отдельных фактах. Это занятие изобретательное, поучительное и законное. Возможно, вы не решитесь проповедовать на слова «Возьми его за хвост», но вытекающее из них замечание вполне естественно: «У каждой вещи есть свой способ обращения с нею». Моисей взял змея за хвост; так и существует способ взять наши скорби, чтобы они в руках отвердели и превратились в чудотворный жезл. Есть способ держаться учения о благодати, способ встречать нечестивых людей и так далее. В сотнях библейских событий можно найти великие общие начала, которые нигде не выражены прямо в таком числе слов. Возьмём примеры мистера Джея. Из Псалма 73:14 — «Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустыни» — он выводит учение, что величайшие враги Божьего народа-странника будут поражены, а память о милости подкрепит святых. На основании Бытия 35:8 — «И умерла Девора, кормилица Ревеккина, и погребена ниже Вефиля под дубом, который и назвал Иаков дубом плача» — он рассуждает о добрых слугах и неизбежности смерти. На основании 2 Царств 15:15 — «И сказали слуги царевы

царю: во всём, что угодно господину нашему царю, мы рабы твои» — он показывает, что христиане вполне могут усвоить эти слова и обратить их ко Христу. Если кому-нибудь не нравится такое духовное истолкование, к которому мистер Джей прибегал столь успешно и рассудительно, мнение этого человека не должно влиять на вас ни в малейшей степени. По мере собственных способностей я позволял себе делать то же; очертания многих подобных проповедей найдутся в моей небольшой книге «Вечер за вечером», а несколько меньше — в её спутнице «Утро за утром».

[14] Примечательный пример хорошей проповеди на натянутом и неоправданном основании даёт Эверард в своей «Евангельской сокровищнице». В проповеди на Иисуса Навина 15:16–17, где сказано: «И сказал Халев: кто поразит Кириаф-Сефер и возьмёт его, за того отдам Ахсу, дочь мою, в замужество. И взял его Гофониил, сын Кеназа, брата Халева; и отдал ему Ахсу, дочь свою, в замужество», — весь ход речи строится на переводе еврейских собственных имён. Получается следующее: «Доброе сердце сказало: кто поразит и возьмёт город буквы, тому дам разрывание завесы; и Гофониил взял его, будучи Божьим подходящим временем, или случаем, и женился на Ахсе, то есть насладился разрыванием завесы, и тем получил благословение и верхних, и нижних источников». Неужели не было иного способа показать, что следует искать внутренний смысл Писания, а не останавливаться на одних словах или букве Книги?

[15] Притчи Господа при объяснении и применении дают широчайший простор зрелому, дисциплинированному воображению; а когда все они уже рассмотрены, остаются чудеса, богатые символическим наставлением.

Несомненно, чудеса — проповеди нашего Господа Иисуса Христа, выраженные действием. В Его несравненном учении вы имеете «проповеди словом», а в непревзойдённых деяниях — «проповеди делом». Несмотря на многие недостатки в учении, труд Тренча о чудесах окажется в этом отношении весьма полезным. Все могущественные дела Господа полны наставления. Возьмите рассказ об исцелении глухонемого. Недуги бедного человека особенно ясно напоминают о погибшем состоянии человечества, а образ действий Господа весьма поучительно изображает путь спасения. «Иисус отвёл его в сторону от народа» — душа должна почувствовать собственную личность и отдельность, её необходимо привести к уединению. Он «вложил персты Свои в уши ему» — указан источник недуга: грешники убеждаются в своём состоянии. «И, плюнув» — Евангелие есть простое, презираемое средство, и для спасения грешник должен смириться, чтобы его принять. Он «коснулся языка его», ещё раз показывая, где лежит беда: сознание нужды возрастает в нас. Он «воззрел на небо» — Иисус напомнил больному, что вся сила должна прийти свыше: урок, который обязан усвоить каждый ищущий. Он «вздохнул», показывая, что скорби Целителя — средство нашего исцеления. А затем сказал: «Ефафа, отверзись» — вот действенное слово благодати, совершившее мгновенное, полное и прочное исцеление. По этому одному толкованию научитесь понимать остальные; всегда верьте, что чудеса Христа — великая картинная галерея, изображающая Его дело среди сынов человеческих.

16 Однако всем, кто имеет дело с притчами или метафорами, следует принять наставление: будьте рассудительны. Имя доктора Гилла всегда должно произноситься с честью и уважением в этом доме, где

доныне стоит его кафедра; но его толкование притчи о блудном сыне в некоторых местах кажется мне прискорбно нелепым. Учёный комментатор сообщает, что «откормленный телёнок» — это Господь Иисус Христос! Право, содрогаешься, видя, до чего доходит духовное истолкование. Затем — его объяснение доброго самарянина. Животное, на которое посадили раненого, — снова наш Господь Иисус, а два динария, отданные добрым самарянином хозяину гостиницы, — Ветхий и Новый Заветы либо установления крещения и Вечери Господней.

[17] Несмотря на это предостережение, людям редкого поэтического склада, таким как Джон Беньян, можно позволить большой простор в духовном истолковании. Господа, читали ли вы когда-нибудь духовное истолкование Соломонова храма у Джона Беньяна? Это замечательное произведение; даже там, где оно немного натянуто, оно полно освящённой изобретательности. Возьмите для примера одно из самых отдалённых его объяснений и посмотрите, можно ли сделать лучше. Речь идёт о «створках храмовых ворот»: «Створки этих ворот, или дверей, как я уже говорил, были складными и, как уже было указано, заключали в себе некоторое значение. Ведь из-за этого человек, особенно молодой ученик, легко мог ошибиться: ему казалось, что открыт весь проход, тогда как открыта была лишь часть, а три части ещё могли оставаться от него скрытыми. Эти двери, как я уже сказал, ещё никогда не распахивались настежь — разумею их исполнение: никто ещё не видел всех богатств и полноты, заключённых во Христе. Поэтому, говорю, недавно пришедший, если бы он судил по тому, что сейчас видит, особенно видя лишь немногое, легко мог бы ошибиться; оттого такие люди обычно страшно боятся,

что никогда не войдут. Что скажешь, недавно пришедший, разве не так обстоит дело с твоей душой? Тебе кажется, что ты слишком велик: ведь ты такой огромный, такой пузатый грешник! Но, о грешник, не бойся: двери складные, их можно открыть шире, а потом ещё шире. Поэтому, когда подойдёшь к этим воротам и вообразишь, что места для твоего входа недостаточно, стучи — и тебе откроют шире, и тебя примут (Лк. 11:9; Ин. 6:37). Итак, кто бы ты ни был, пришедший к двери, прообразом которой служили храмовые двери, не доверяй первому своему представлению о вещах, но веруй, что благодать обильна. Ты ещё не знаешь, что может Христос: двери складные. Он может сделать “несравненно больше всего, чего мы просим или о чём помышляем” (Еф. 3:20). Петли, на которых висят эти двери, как я говорил, были золотыми: это означает, что поворачиваются они по побуждениям и движениям любви и что богатство открывается при их распахивании. На золотых петлях вращаются врата к Богу. Столбы, на которых держались двери, были из масличного дерева, того жирного, маслянистого дерева, — чтобы показать: они никогда не открываются неохотно или медленно, как двери с несмазанными петлями. Они всегда смазаны, поэтому легко и быстро открываются стучащим. Отсюда ты читаешь, что Живущий в этом доме даёт даром, любит свободно и делает нам добро от всего сердца. “И буду, — говорит Он, — радоваться о них, благотворя им, и насажду их на земле сей твёрдо, от всего сердца Моего и от всей души Моей” (Иер. 3:12, 14, 22; 32:41; Откр. 21:6; 22:17). Итак, елей благодати, обозначенный маслянистым деревом, или масличными столбами, на которых висят двери, заставляет их открываться душе легко и свободно».

[18] Когда Беньян объясняет, что означают двери из елового дерева, кто, кроме него, сказал бы: «Ель также дом аисту, этой нечистой птице, подобно тому как Христос — пристанище и убежище грешникам. “Аисту ель — дом”, — говорит текст; а грешникам, сознающим нужду в укрытии, Христос говорит: “Придите ко Мне, и Я успокою вас”. Он — прибежище угнетённому, прибежище во время скорби» (Втор. 14:18; Лев. 11:19; Пс. 103:17; 73:2–3; Мф. 11:27–28; Евр. 6:17–20). В «Доме леса Ливанского» он ещё больше озадачен, но выходит из затруднения так, как не смог бы никто другой. Он находит загадку трёх рядов столбов по пятнадцать в каждом слишком глубокой для себя и оставляет её, однако лишь после нескольких смелых попыток. Мистер Беньян — вождь, глава и повелитель всех аллегористов; нам не следует идти за ним в глубины прообразной и символической речи. Он был пловцом; мы лишь ходим вброд и не должны заходить туда, где уже не достаём дна.

[19] Прежде чем закончить беседу, я испытываю желание набросать один-два образца духовного истолкования, знакомых мне с ранних лет. Никогда не забуду проповеди необразованного, но замечательного человека, моего близкого соседа в деревне. Заметки об этой речи я получил из его собственных уст и надеюсь, что они останутся заметками и никто в этом мире больше не станет по ним проповедовать. Текст был: «Ночной ястреб, сова и кукушка». Возможно, он не кажется вам чрезвычайно богатым содержанием; мне он тоже таким не показался, и я простодушно спросил: «А каковы были главы проповеди?» Он ответил с величайшим лукавством: «Главы? Сверни птицам шеи — и сразу получишь три головы: ночного ястреба, совы и кукушки». Он показал, что по закону все эти птицы нечисты и явно служат

прообразами нечистых грешников. Ночные ястребы — люди, ворующие исподтишка, а также те, кто подделывает товар и тайно обманывает ближнего, не вызывая подозрений в плутовстве. Совы изображали пьяниц: те всегда оживлённее ночью, а днём от сонливости едва не ударяются головой о столб. Совы встречались и среди исповедующих веру. Ощипанная сова — очень маленькая птица; большой она кажется лишь потому, что носит много перьев. Так и многие исповедники — сплошные перья: убери хвастливые заявления, и от них почти ничего не останется. Кукушки — духовенство государственной церкви: всякий раз, открывая рот в храме, оно издаёт одну и ту же ноту, а благодаря церковным сборам и десятинам живёт чужими яйцами. Кукушками, кажется, были и сторонники свободной воли, вечно твердящие: «Делай, делай, делай, делай». Не слишком ли много хорошего? Однако в устах произносившего её человека эта проповедь совсем не показалась бы необычной или странной. Тот же почтенный брат произнёс другую, столь же необычную, но гораздо более самостоятельную и полезную; слышавшие будут помнить её до смертного дня. Она была на текст: «Ленивый не жарит своей дичи». Добрый старик опёрся на край кафедры и сказал: «Значит, братья мои, он был лентяй!» Таково было вступление. Затем он продолжил: «Пошёл охотиться, с большим трудом поймал зайца, а потом поленился его изжарить. Вот уж действительно лентяй!» Добрый человек дал нам всем почувствовать нелепость такой лени, а затем сказал: «Но весьма возможно, вы виноваты не меньше его, потому что поступаете точно так же. Слышите, что из Лондона приезжает популярный служитель, впрягаете лошадь в телегу, едете десять или двадцать миль послушать его, а

выслушав проповедь, забываете извлечь из неё пользу. Вы ловите зайца и не жарите; охотитесь за истиной, но потом не принимаете её». Далее он показал: как мясо требует приготовления, чтобы тело могло его усвоить, — впрочем, не думаю, что он употребил именно это слово, — так и истина должна пройти некоторую обработку, прежде чем ум примет её и мы сможем ею питаться и расти. Он сказал, что покажет, как приготовить проповедь, и сделал это весьма поучительно. Начал, как поваренные книги: «Сперва поймайте зайца». «Так и здесь, — сказал он, — сперва добудьте евангельскую проповедь». Затем объявил, что за многими проповедями вовсе не стоит охотиться, что хорошие прискорбно редки и что ради основательной старомодной кальвинистской проповеди стоит отправиться на любое расстояние. Но и в добытой проповеди есть немало того, что, возможно, неизбежно из-за слабости проповедника, однако неполезно и должно быть отброшено. Здесь он подробно говорил о различении и оценке услышанного, о том, что нельзя верить каждому слову любого человека. Потом последовали указания, как жарить проповедь: проткните её насквозь вертелом памяти, вращайте на приводе размышления перед огнём по-настоящему тёплого и усердного сердца; тогда проповедь приготовится и сможет дать подлинную духовную пищу. Я передаю лишь очерк; и хотя он может показаться несколько смешным, слушатели так его не воспринимали. Проповедь была полна иносказаний и удерживала внимание от начала до конца. «Ну, дорогой сэр, как вы поживаете? — приветствовал я его однажды утром. — Рад видеть вас таким здоровым в вашем возрасте». — «Да, для старика я в прекрасном состоянии и почти совсем не чувствую упадка». — «Надеюсь, здоровье сохранится ещё многие годы и вы, подобно

Моисею, сойдёте в могилу с незатуманенным зрением и неослабевшей силой». — «Всё это прекрасно, — сказал старый джентльмен, — но, во-первых, Моисей вовсе не сошёл в могилу, а поднялся к ней; во-вторых, что означает всё, о чём вы говорили? Почему зрение Моисея не притупилось?» — «Полагаю, сэр, — весьма кротко ответил я, — естественный образ жизни и спокойный дух помогли сохранить его способности и сделали крепким стариком». — «Весьма вероятно, — сказал он, — но я веду не к этому. В чём смысл, духовное наставление всего этого? Не в том ли: Моисей — это закон; и какой славный конец закону дал Господь на горе Своего завершённого дела! Как сладостно все его ужасы усыплены поцелуем Божьих уст! И заметьте: закон больше не осуждает нас не потому, что глаз его помутился и не видит наших грехов, и не потому, что ослабла сила проклинать и наказывать; но Христос поднял его на гору и славно положил ему конец». Такова была его обычная беседа, таково его служение. Мир его праху. Первые годы жизни он пас овец, затем стал пастырем людей и, как он говаривал мне, «обнаружил, что люди из двух видов куда больше похожи на овец». Столь многие обращённые под его служением нашли дорогу к небу, что, вспоминая их, мы похожи на тех, кто видел хромого, скакавшего по слову Петра и Иоанна: они склонялись к критике, но, «видя же исцелённого человека, стоящего с ними, ничего не могли сказать вопреки».

[20] На этом я заканчиваю, вновь утверждая: руководствуясь рассудительностью и здравым суждением, мы можем иногда пользоваться духовным истолкованием с пользой для слушателей; во всяком случае, мы заинтересуем их и не дадим заснуть.

Лекция 8. О голосе

[1] Первое наше правило относительно голоса таково: не думайте о нём слишком много. Помните: самый приятный голос ничего не значит, если нечего сказать; как бы хорошо вы им ни владели, он будет подобен искусно управляемой, но пустой повозке, если вы не несёте с его помощью людям важные и своевременные истины. Демосфен, несомненно, был прав, отводя хорошему произнесению первое, второе и третье место; но чего оно стоит, если человеку нечего произнести? Человек с превосходнейшим голосом, но без образованного ума и горячего сердца будет лишь «гласом вопиющего в пустыне», или, по выражению Плутарха, «Vox et praeterea nihil» — «голосом, и больше ничем». Такой человек может блистать в хоре, но на кафедре он бесполезен. Голос Уайтфилда без силы его сердца оставил бы в слушателях не больше прочного следа, чем скрипка Паганини. Вы певцами не являетесь: вы проповедники; голос для вас имеет второстепенное значение. Не щеголяйте им и не нянчитесь с ним, как плаксивые больные, что делают многие. Трубе необязательно быть серебряной: сойдёт и бараний рог; но она должна выдерживать грубое обращение, ведь трубы предназначены для сражений, а не для модных гостиных.

[2] С другой стороны, не думайте о своём голосе слишком мало: его достоинства могут весьма способствовать достижению желаемого результата. Платон, признавая силу красноречия, упоминает и звучание голоса оратора. «Так сильно, — говорит он, — звучат в моих ушах речь и голос оратора, что лишь на третий или четвёртый день я прихожу в себя и понимаю, где на земле нахожусь;

некоторое же время охотно верю, будто живу на островах блаженных». Даже драгоценнейшие истины могут сильно пострадать от монотонного изложения. Однажды весьма уважаемого служителя, который, к несчастью, невнятно бормотал, при мне сравнили со «шмелём в кувшине». Сравнение, конечно, простонародное, но настолько точное, что я и сейчас совершенно отчётливо слышу в памяти это гудение и вспоминаю пародию на «Элегию» Грея:

> [3] «Вот тема меркнет, гаснет пред глазами,
> И сонная повсюду тишина;
> Лишь пастор глухо тянет над рядами,
> И пастве дрёма звоном внушена».

[4] Как жаль, когда человек, от сердца возвещающий учение несомненной ценности самыми подходящими словами, совершает служительское самоубийство, бренча на одной струне, хотя Господь дал ему многострунный инструмент! Увы, увы этому унылому голосу: он гудел и гудел, как мельничное колесо, на один и тот же немузыкальный лад, говорил ли его обладатель о небе или аде, вечной жизни или вечном гневе. Случайно голос мог стать чуть громче или тише в зависимости от длины фразы, но тон оставался прежним: унылая пустыня звука, завывающая пустошь речи, где не было ни облегчения, ни разнообразия, ни музыки — ничего, кроме ужасного однообразия.

[5] Когда ветер проходит сквозь эолову арфу, он пробегает по всем её струнам; но небесный ветер, проходя через некоторых людей, растрачивает себя на одной струне, притом обычно самой расстроенной. Только благодать позволяет слушателю получать назидание под «бум-бум-бум» некоторых богословов. Думаю,

беспристрастные присяжные во многих случаях вынесли бы оправдательный вердикт уснувшим, когда исходящий от проповедника звук убаюкивает их повторением одной ноты. Доктор Гатри снисходительно объясняет сонливость одной шотландской общины плохой вентиляцией молитвенного дома; она, конечно, играет свою роль, но неисправность клапанов в горле проповедника могла бы оказаться ещё более действенной причиной. Братья, ради всего святого, звоните во все колокола своей колокольни, а не изводите людей треньканьем одного несчастного треснувшего колокольчика.

[6] Занимаясь голосом, берегитесь обычной и широко распространённой ныне манерности. Едва ли один из двенадцати стоящих на кафедре говорит по-человечески. Эта манерность встречается не только у протестантов. Аббат Мюллуа замечает: «Всюду в других местах люди говорят: говорят в суде и с трибуны; но на кафедре уже не говорят, ибо там мы встречаем лишь выдуманный, искусственный язык и фальшивый тон. Подобную речь терпят только в церкви, потому что, к сожалению, она там столь обычна; нигде больше её не перенесли бы. Что подумали бы о человеке, который стал бы так разговаривать в гостиной? Он, несомненно, вызвал бы немало улыбок. Некоторое время назад в Пантеоне служил смотритель — по-своему добрый малый, — который, перечисляя красоты памятника, в точности усвоил тон многих наших проповедников и неизменно вызывал смех посетителей: манера его рассказа забавляла их не меньше достопримечательностей, на которые он указывал. Человека, не умеющего говорить естественно и правдиво, нельзя допускать на кафедру; по крайней мере оттуда всякую фальшь следует изгонять без промедления… В наши дни недоверия всё фальшивое

должно быть устранено; а лучшее средство исправить себя в этом отношении, когда дело касается проповеди, — почаще слушать некоторых монотонных и крикливых проповедников. Мы уйдём с таким отвращением и ужасом перед их манерой, что предпочтём обречь себя на молчание, лишь бы им не подражать. Как только вы отступаете от естественного и истинного, вы утрачиваете право на доверие, равно как и право быть выслушанным». Обойдите и церкви, и часовни: вы обнаружите, что подавляющее большинство наших проповедников приберегают для воскресенья особый благочестивый тон. У них один голос для гостиной и спальни и совершенно другой для кафедры; так что, даже если в греховном смысле они не двуязычны, буквально это именно так. Стоит иным закрыть за собой дверцу кафедры, как они оставляют за нею собственную человеческую личность и становятся столь же официальны, как приходской служка. Тут они едва ли не могли бы похвалиться вместе с фарисеем, что они не таковы, как прочие люди, хотя благодарить за это Бога было бы кощунством. Они уже не плотские и не говорят по-человечески: вместо этого принимаются за нытьё, прерывистое мычание, напыщенное ore rotundo или иной неблагодатный способ производить шум, чтобы никто не заподозрил их в естественности и в том, что они говорят от избытка сердца. Как часто надетая мантия становится саваном подлинной личности и изнеженным символом должностного чванства!

[7] Есть два или три способа говорить, которые вы, несомненно, узнаете, потому что слышали их часто. Тот величавый, докторский, надутый и высокопарный стиль, который я только что назвал ore rotundo, теперь встречается не так часто, как прежде, но у него всё ещё

есть поклонники. (К сожалению, никакими средствами печати невозможно передать, как лектор здесь прочёл гимн округлым, раскатистым, нарастающим голосом.) Когда один почтенный господин однажды так выпускал пар, человек в проходе заметил, что проповедник, кажется, «проглотил клёцку»; другой шепнул: «Нет, Джек, не проглотил: она у него во рту болтается». Я могу представить себе доктора Джонсона, говорящего таким образом у себя в Болт-корт; у тех, кому это свойственно от природы, такой голос льётся с олимпийским величием. Но всякому подражанию ему на кафедре — прочь навсегда! Если это естественно, прекрасно; если же человек передразнивает такую манеру, он изменяет простому чувству приличия. В самом деле, всякое передразнивание на кафедре близко к непростительному греху.

[8] Есть и другая манера, над которой я прошу вас не смеяться. (Лектор приводит ещё один пример.) Такой способ произнесения называют очень дамским: жеманным, нежным, похожим на речь горничной, вялым, в духе лорда Дандриэри — уж не знаю, как ещё его описать. Большинство из нас имело удовольствие слышать эти или иные разновидности обширного семейства фальцетов, ходулей и манерничанья. Я слышал множество вариантов: от полнозвучия Джонсона до тонкого великосветского шёпота, от рёва васанских быков до «чик-чик-чик» зяблика. У некоторых наших братьев мне удавалось проследить родословную до праотцев — разумею их служительских праотцев, у которых они впервые переняли эти небесные, мелодичные, освящённые, во всех отношениях прекрасные, но, должен честно прибавить, отвратительные способы говорить. Несомненная последовательность их ораторского родословия такова: Щебетание, сын Шепелявости, сына

Ухмылки, сына Щегольства, сына Манерности; или Перекатывание, сын Грандиозности, сына Напыщенности, который стал отцом многих сыновей. Поймите: если даже такие звуковые ужасы естественны, я их не осуждаю — пусть каждое создание говорит на своём языке; но дело в том, что в девяти случаях из десяти эти священные говоры, которые, надеюсь, скоро станут мёртвыми языками, неестественны и натужны. Я убеждён, что эти тона, полутона и монотоны — вавилонские и вовсе не принадлежат иерусалимскому наречию. У иерусалимского наречия есть одна отличительная черта: человек говорит своим собственным голосом, одинаково на кафедре и вне её. Нашего друга из школы напыщенного ore rotundo никогда не слышали вне кафедры говорящим так же, как на ней, или произносящим в гостиной своим кафедральным тоном: «Не будете ли вы столь любезны налить мне ещё чашку чаю? Пожалуйста, с сахаром». Сделай он это, он выставил бы себя на посмешище; но кафедру удостаивают голосовых отбросов, которых в гостиной не потерпели бы. Я утверждаю, что возвещению Евангелия следует отдавать лучшие звуки, на какие способен человеческий голос, а именно те, которыми сама природа учит пользоваться в серьёзном разговоре. Иезекииль служил своему Господину наиболее музыкальными и мелодичными своими способностями, так что Господь сказал: «Ты для них — как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий». Хотя для ожесточённого сердца Израиля это, увы, не приносило пользы — как и ничто не принесёт её, кроме Духа Божьего, — пророку вполне подобало возвещать слово Господне самым лучшим голосом и самым достойным образом.

[9] Далее: если в вашей речи есть особенности, неприятные для слуха, по возможности исправляйте их.[36] Признаю, учителю гораздо легче внушать это, чем вам — исполнять. И всё же для молодых людей, стоящих на заре служения, трудность не непреодолима. У братьев из сельской местности во рту ещё ощущается привкус деревенской пищи, неудержимо напоминающий нам об эссекских телятах, беркширских свиньях или мелком скоте Суффолка. Кто спутает йоркширский или сомерсетский говор? Это не только местное произношение, но и особое звучание голоса. Объяснить причину трудно, однако факт совершенно очевиден: в некоторых английских графствах людские глотки словно покрыты накипью, как старые чайники, а в других они звенят, подобно медным инструментам, с резким металлическим призвуком. Быть может, в своё время и на своём месте эти природные разновидности прекрасны, но мой вкус так и не научился их ценить. От пронзительного нестройного скрипа, подобного скрежету ржавых ножниц, следует избавляться любой ценой; равно как и от густого, невнятного произнесения, при котором ни одно слово не закончено, а существительные, прилагательные и глаголы перемешаны в какую-то рубленую массу. Столь же неприятна призрачная речь человека, который разговаривает, не двигая губами, и ужаснейшим образом чревовещает: могильные звуки, пожалуй, подготовят его к ремеслу гробовщика, но Лазаря не вызывают из гроба полыми стонами. Один из вернейших способов погубить себя — говорить горлом вместо рта. Природа жестоко отомстит за такое злоупотребление; избегните наказания, не совершая проступка. Здесь уместно настойчиво посоветовать вам: как только вы заметили, что обильно пересыпаете речь «э-э» и «м-м», немедленно

избавляйтесь от этой вкрадчивой, но губительной привычки. Никакой надобности в ней нет; и хотя нынешние её жертвы, быть может, уже никогда не разорвут цепь, вам, начинающим ораторам, следует считать ниже своего достоинства носить это мучительное ярмо. Приходится даже говорить: открывайте рот, когда говорите, ибо немалая часть невнятного бормотания происходит оттого, что рот остаётся полузакрытым. Не напрасно евангелисты написали о нашем Господе: «Он, отверзши уста Свои, учил их». Шире открывайте двери, через которые должна выступать столь прекрасная истина. Кроме того, братья, избегайте употреблять нос как орган речи: лучшие знатоки согласны, что он предназначен для обоняния. Были времена, когда гнусавость считалась правильной манерой, но в наш выродившийся век вам лучше послушаться очевидной подсказки природы и позволить рту делать своё дело без вмешательства обонятельного прибора. Если здесь есть студент-американец, пусть простит мне настойчивость, с какой я обращаю на это его внимание. Отвращайтесь привычки некоторых людей не выговаривать «р»: привычка эта «весьма вредная и нелепая, весьма плачевная и пледосудительная». Иногда брат счастливым образом обладает самой обаятельной и прелестной шепелявостью. Быть может, это одно из меньших зол, если сам брат маленький и обаятельный; но всякого, кто стремится к мужественности и силе, такая манера погубит. Едва могу представить себе Илию, шепелявящего перед Ахавом, или Павла, мило коверкающего слова на Ареопаге. В слабом слезящемся взгляде и прерывающейся речи бывает особая трогательность; скажем больше: когда они вызваны сильным чувством, они возвышенны. Но некоторые

обладают ими от рождения и пользуются ими чересчур щедро; по меньшей мере вам незачем им подражать. Говорите, как подсказывает образованная природа, и поступите хорошо; только пусть природа будет образованной, а не сырой, грубой и необработанной. Демосфен, как вы знаете, приложил к постановке голоса безмерные усилия, а Цицерон, от природы слабый, совершил долгое путешествие в Грецию, чтобы исправить свою манеру говорить. Располагая несравненно более благородными темами, станем ли мы меньше стремиться к совершенству? «Лишите меня всего остального, — говорит Григорий Назианзин, — но оставьте красноречие, и я никогда не пожалею о путешествиях, предпринятых ради его изучения».

[10] Всегда говорите так, чтобы вас было слышно. Я знаю человека весом в шестнадцать стоунов, которого, казалось бы, должны слышать за полмили, но он до того непростительно ленив, что в его маленьком молитвенном доме его едва можно расслышать даже на переднем ряду галереи. Какая польза от проповедника, которого люди не слышат? Скромность должна побудить безголосого человека уступить место тем, кто лучше пригоден возвещать вести Царя. Некоторые говорят достаточно громко, но неразборчиво: слова налезают одно на другое, играют в чехарду или подставляют друг другу подножку. Отчётливое произношение гораздо важнее силы лёгких. Дайте слову честную возможность прозвучать: не ломайте ему спину своим пылом и не сбивайте его с ног поспешностью. Досадно слушать, как здоровенный человек бормочет и шепчет, хотя лёгкие у него вполне способны к самой громкой речи; но, с другой стороны, как бы мощно он ни кричал, его не услышат хорошо, пока он не научится выпускать слова вперёд с надлежащими

промежутками между ними. Чрезмерно медленная речь — жалкое дело: она доводит слушателей с деятельным умом до состояния, именуемого «ужасом». Невозможно слушать человека, который ползёт со скоростью мили в час. Одно слово сегодня, другое завтра — это медленный огонь, которым могли бы наслаждаться разве что мученики. Столь же непростительна чрезмерно быстрая речь, когда человек несётся и неистовствует, переходя в безудержную декламацию. Она не обладает и никогда не может обладать силой, разве что для глупцов: она превращает то, что должно быть войском слов, в толпу и самым действенным образом топит смысл в потоках звука. Иногда слышишь разъярённого оратора с невнятным произношением, которого стремительность увлекает в такое смешение звуков, что на некотором расстоянии вспоминаются строки Лукана:

> [11] «В её болтливом языке смешались звуки,
> Нестройные, неведомые человеку:
> Как будто псы залаяли и волки взвыли,
> И вскрикнула полночная сова;
> Шипенье змей и рёв голодного льва,
> Удар валов о берег,
> Стон ветра средь листвы лесной
> И гром из разрывающейся тучи —
> Всё это, всё звучало в ней одной».

[12] Слушать брата, который принимает пот за вдохновение и несётся, как дикий конь с шершнем в ухе, пока не выдохнется и не будет вынужден остановиться, чтобы снова накачать лёгкие воздухом, — испытание, которого второй раз не вынесешь. Эта непристойность нередко повторяется за проповедь несколько раз и причиняет немалое мучение. Делайте паузу заблаговременно, чтобы

избежать этого «хух-хух», вызывающего скорее жалость к запыхавшемуся оратору, чем сочувствие к предмету речи. Слушатели вообще не должны замечать, что вы дышите: дыхание должно оставаться таким же незаметным, как кровообращение. Неприлично позволять простой животной функции дыхания создавать провалы в вашей речи.

13 Как правило, не напрягайте голос до предела в обычной проповеди. Два-три горячих человека, сейчас находящиеся здесь, разрывают себя на части ненужным криком: их бедные лёгкие раздражены, гортань воспалена от буйного орания, от которого они, кажется, не могут удержаться. «Взывай громко, не удерживайся» — это прекрасно; но «не делай себе никакого зла» — тоже апостольский совет. Если люди слышат вас при вдвое меньшей силе голоса, лучше сохранить избыток сил для случая, когда он понадобится. «Не расточай — не будешь нуждаться» применимо и здесь, и в других обстоятельствах. Будьте немного бережливее с этим громадным объёмом звука. Не причиняйте слушателям головную боль, если намерены вызвать боль сердечную; вы хотите не дать им заснуть на скамьях, но помните: для этого необязательно разрывать им барабанные перепонки. «Не в ветре Господь». Гром — не молния. Люди слышат не пропорционально создаваемому шуму; напротив, чрезмерный шум оглушает ухо, порождает отзвуки и эхо и сильно ослабляет действие проповеди. Сообразуйте голос со слушателями: если перед вами двадцать тысяч, вытягивайте регистры и давайте полное звучание; но не делайте этого в комнате, где помещаются двадцать-сорок человек. Когда я вхожу куда-либо проповедовать, я невольно прикидываю, сколько звука нужно, чтобы заполнить помещение, и после нескольких

фраз выбираю тон. Если вы можете сделать так, чтобы человек в конце часовни вас услышал, если видите, что он улавливает вашу мысль, можете быть уверены: находящиеся ближе тоже слышат, и больше силы не требуется. Быть может, хватит и меньшей — наблюдайте и проверяйте. Зачем говорить так, чтобы вас слышали на улице, если там никто не слушает? В помещении или под открытым небом позаботьтесь, чтобы самые дальние слушатели могли следить за вами, и этого достаточно. Между прочим, замечу: из сострадания к слабым братьям всегда следует внимательно следить за силой своего голоса в комнатах больных и в собраниях, где, как известно, есть очень немощные люди. Жестоко сесть у постели больного и выкрикнуть: «ГОСПОДЬ — ПАСТЫРЬ МОЙ!» Если вы поступите столь бездумно, бедняга, едва вы спуститесь по лестнице, скажет: «Ах, как же болит голова! Рад, что этот добрый человек ушёл, Мэри. Псалом такой драгоценный, такой тихий, а он прочёл его, словно гром и молния, и едва меня не оглушил!» Помните, молодые и неженатые: тихий шёпот лучше подходит больному, чем барабанная дробь и пушечный залп.

[14] Тщательно соблюдайте правило: меняйте силу голоса. Старое правило предписывало начинать очень тихо, постепенно повышать голос и в конце извлекать самые громкие звуки. Пусть подобные предписания разнесёт на куски пушечным выстрелом: они неуместны и вводят в заблуждение. Говорите тихо или громко, как подсказывает чувство данной минуты, и не следуйте никаким искусственным, надуманным правилам. Искусственные правила совершенно отвратительны. Как насмешливо выражается господин де Корменен: «Будьте страстны, гремите, негодуйте, плачьте — до пятого слова третьего предложения десятого абзаца десятого листа.

Как это было бы легко! А главное — как естественно!» Подражая популярному проповеднику, для которого это было неизбежно, один служитель привык в начале проповеди говорить так тихо, что его никто не мог услышать. Все подавались вперёд, опасаясь, что нечто хорошее пропадает в воздухе, но напрягались напрасно: различить удавалось только священное бормотание. Если бы брат не мог говорить громче, никто не должен был бы его винить; однако поступать так было совершенно нелепо, поскольку немного спустя он доказывал мощь своих лёгких, наполняя всё здание звучными фразами. Если первая половина речи ничего не значила, почему её не опустить? А если имела хоть какую-нибудь ценность, почему не произнести её отчётливо? Эффект, господа, — вот к чему он стремился! Он знал, что говоривший так человек производил сильное впечатление, и надеялся с ним соперничать. Если кто-либо из вас осмелится совершить такую глупость ради столь мерзкой цели, я от всего сердца пожалею, что он вообще поступил в это учебное заведение. Говорю совершенно серьёзно: то, что называют «эффектом», ненавистно, ибо лживо, искусственно, хитро и потому презренно. Никогда ничего не делайте ради эффекта; презирайте уловки мелких умов, гоняющихся за одобрением знатоков проповеди, — породы столь же ненавистной подлинному служителю, как саранча восточному земледельцу. Но я отвлёкся. С самого начала говорите ясно и разборчиво. Ваши вступления слишком хороши, чтобы шептать их пустому пространству. Произносите их смело и с первых минут овладевайте вниманием своим мужественным тоном. Обычно не начинайте с самой высокой ноты, иначе, разгорячившись за работой, уже не сможете подняться выше; однако с самого начала говорите в полный голос.

Там, где уместно, понижайте голос даже до шёпота: тихие, неторопливые, торжественные слова не только дают отдых слуху, но особенно легко достигают сердца. Не бойтесь низких тонов: если вложить в них силу, их слышно не хуже крика. Чтобы вас хорошо слышали, необязательно говорить громко. Маколей пишет о Уильяме Питте: «Даже когда его голос опускался до шёпота, его было слышно на самых отдалённых скамьях палаты общин». Справедливо замечено: самое шумное оружие не обязательно посылает пулю дальше всего; треск винтовочного выстрела вовсе не оглушителен. Действенна не громкость голоса, а сила, которую вы в него вкладываете. Я уверен, что мог бы прошептать так, чтобы меня услышали во всех уголках нашей огромной Скинии, и столь же уверен, что мог бы орать и вопить так, что никто ничего не понял бы. Можно было бы показать это здесь, но, пожалуй, пример излишен: боюсь, некоторые из вас справляются с этим с замечательным успехом. Воздушные волны могут обрушиваться на ухо в столь быстрой последовательности, что не оставят в слуховом нерве никакого понятного впечатления. Для письма нужны чернила; но если опрокинуть чернильницу на лист, смысла этим не передашь. Так и со звуком: звук — чернила, но, чтобы написать на слухе разборчивое послание, нужны не количество, а умение. Если единственное ваше честолюбие — соперничать со

[15] «Стентором мощным, наделённым медными лёгкими,
Чьё горло силой превосходило пятьдесят голосов»,

[16] то скорее докричитесь до Элизиума; но если хотите быть понятыми и потому полезными, избегайте упрёка: «бессильный и крикливый». Вы знаете, что высокие,

пронзительные звуки распространяются дальше всего: необычный крик путешественников в австралийской глуши обязан своей замечательной силой именно пронзительности. Колокол слышно гораздо дальше барабана; и, что весьма примечательно, чем музыкальнее звук, тем дальше он распространяется. Не нужно колотить по роялю: нужно разумно извлекать лучшие звуки. Поэтому не стесняйтесь очень часто ослаблять напряжение, уменьшая громкость: вы сильно облегчите жизнь и ушам слушателей, и собственным лёгким. Испытайте все приёмы — от кувалды до лёгкого пухового шарика. Будьте нежны, как зефир, и стремительны, как смерч. Словом, будьте такими, каким бывает всякий здравомыслящий человек, когда говорит естественно, горячо убеждает, доверительно шепчет, жалобно просит или отчётливо возвещает.

[17] Следом за умеренным употреблением силы лёгких я поставил бы правило: меняйте звучание голоса. Часто меняйте высоту и постоянно разнообразьте интонацию. Пусть бас, верхний голос и тенор звучат по очереди. Умоляю вас делать это из жалости к себе и к тем, кто вас слушает. Бог милует нас и устраивает всё сообразно нашей тяге к разнообразию; будем же и мы милосердны к ближним и не станем преследовать их скукой однообразия. Самое настоящее варварство — полчаса мучительно сверлить и буравить барабанную перепонку бедного ближнего одним и тем же звуком. Можно ли придумать более быстрый способ довести ум до отупения или безумия, чем непрестанное гудение жука или жужжание синей мухи в органе слуха? Какая привилегия позволяет терпеть такую вашу жестокость к беспомощным жертвам, сидящим под ваше служительское «бум-бум»? Добрая природа часто

избавляет несчастных жертв зануды от всей силы его пытки, погружая их в сладкий покой. Но вы-то этого не желаете; стало быть, разнообразьте голос. Как мало служителей помнит, что монотонность вызывает сон! Боюсь, обвинение автора из «Империал ревью» буквально справедливо в отношении многих моих братьев. «Все мы знаем, как шум бегущей воды, рокот моря, вздох южного ветра в соснах или воркование лесных голубей вызывают сладостную мечтательную истому. Мы далеки от утверждения, будто голос современного богослова хотя бы в малейшей степени напоминает эти приятные звуки; однако действие одинаково, и немногие могут устоять перед усыпляющим влиянием длинного рассуждения, произнесённого без малейшей перемены тона или выражения. Уже сама исключительная редкость выражения “пробуждающая проповедь” даже у людей, хорошо знакомых с этим предметом, подразумевает, что подавляющее большинство кафедральных речей имеет явно снотворное действие. Плохо дело, когда проповедник

> [18] Слушателей ставит в затрудненье:
> Какое же исполнить повеленье?
> “Бодрствуй и молись”, — велит им стих;
> “Спи”, — проповедь укачивает их».

[19] Как бы музыкален ни был ваш голос сам по себе, если вы бесконечно извлекаете один и тот же аккорд, слушатели обнаружат, что издали его звуки приятнее. Во имя человечности перестаньте тянуть нараспев и начните говорить разумно. Если этот довод вас не трогает, я настолько серьёзно отношусь к вопросу, что прошу: когда вы не хотите последовать совету из сострадания к слушателям, сделайте это хотя бы из сострадания к себе. Ибо как Бог в бесконечной мудрости всегда соединяет

наказание с нарушением не только нравственных, но и природных Своих законов, так зло монотонности часто карается опасной болезнью, называемой dysphonia clericorum, или «больным горлом священнослужителя». Когда некоторые наши братья столь любимы слушателями, что те охотно платят хорошую сумму, лишь бы на несколько месяцев от них избавиться, когда им рекомендуют и оплачивают поездку в Иерусалим, видоизменённый бронхит столь замечательно обращается ко благу, что нынешний мой довод не нарушит их безмятежности. Но нам такой участи не выпало: для нас бронхит — настоящее бедствие, и ради его предотвращения мы последуем любому разумному совету. Если хотите погубить горло, вы сделаете это быстро; если же хотите его сохранить, примите во внимание следующее. В этой комнате я часто сравнивал голос с барабаном. Если барабанщик всё время бьёт в одно место, в коже скоро появится дыра; но насколько дольше она прослужила бы, если бы он менял место ударов и пользовался всей поверхностью! Так и с голосом человека: всегда пользуясь одной и той же нотой, он протрёт дыру в той части горла, которая больше всего работает при этом однообразии, и очень скоро заболеет бронхитом. Я слышал утверждения врачей, что бронхит диссентеров отличается от англиканского. В государственной церкви весьма восхищаются особым церковным выговором — каким-то величием «с колокольней в горле», аристократическим, богословским, пасторским, сверхъестественным и недочеловеческим пережёвыванием языка и перекатыванием слов. Вот образчик: «Имеющий у-уши у-услышать да у-услышит» — замечательное, если не впечатляющее, воспроизведение библейского текста. Кто не знает освящённого способа

произносить: «Возлюбленные братья, Писание во многих местах побуждает нас…»? Он и сейчас гудит у меня в ушах, как Биг-Бен, вместе с мальчишескими воспоминаниями о монотонных раскатах: «Принц Альберт, Альберт, принц Уэльский, и вся королевская семья… Аминь». Если человек, говорящий столь неестественно, не получает бронхита или иной болезни, могу сказать лишь одно: болезни горла распределяются весьма самовластно. По любимым речевым причудам нонконформистов я уже нанёс удар; полагаю, именно от них гортань и лёгкие становятся слабыми и добрые люди обречены на молчание и могилу. Если вам нужен авторитет в подтверждение высказанной угрозы, приведу мнение господина Макреди, знаменитого трагического актёра: он смотрит на дело беспристрастно, но с опытной точки зрения и заслуживает почтительного внимания. «Ослабление горла обычно вызывается не столько упражнением органа, сколько характером упражнения, то есть не столько долгой или громкой речью, сколько речью притворным голосом. Не уверен, что меня правильно поймут, но едва ли один человек из десяти тысяч, обращаясь к собранию, делает это естественным голосом; особенно заметна эта привычка на кафедре. Полагаю, ослабление горла возникает от сильных усилий при подобных искусственных интонациях, следствием чего становится тяжёлое раздражение, а нередко и изъязвление. Целый день церковной службы по степени напряжения ничто в сравнении с исполнением одной из главных шекспировских ролей и, думаю, с величайшими речами наших ведущих государственных деятелей в палатах парламента. Совершенно уверен, что недуг, именуемый вами “больным горлом священнослужителя”, обычно следует приписывать способу говорить, а не

продолжительности речи или силе затрачиваемых усилий. Я знал нескольких прежних товарищей по сцене, страдавших болезнями горла, но среди выдающихся мастеров не назвал бы это распространённым заболеванием». Актёрам и адвокатам часто приходится напрягать голос, и всё же никто не говорит об «адвокатском больном горле» или «бронхите трагика», просто потому, что эти люди не осмеливаются служить публике так небрежно, как некоторые проповедники служат своему Богу. Доктор медицины Сэмюэл Фенвик в популярном трактате «Болезни горла и лёгких»[37] весьма мудро сказал: «Из сказанного о физиологии голосовых связок ясно, что непрерывная речь на одной ноте гораздо утомительнее частых изменений высоты голоса. В первом случае напряжена лишь одна мышца или группа мышц, во втором включаются разные мышцы и попеременно дают друг другу отдых. Так и человек, держащий руку под прямым углом к телу, устаёт за пять-десять минут, потому что её тяжесть несёт лишь одна группа мышц; но те же мышцы могут работать целый день, если их действие чередуется с действием других. Поэтому, когда мы слышим, как священнослужитель гудит на протяжении службы и одним и тем же способом и тоном читает, молится и увещевает, можем быть совершенно уверены: он возлагает на голосовые связки в десять раз больше работы, чем действительно необходимо».

[20] Здесь, пожалуй, уместно повторить мнение, которое я часто высказывал в этой комнате и о котором мне напоминает процитированный автор. Если бы служители говорили чаще, их горло и лёгкие были бы менее подвержены заболеваниям. В этом я вполне уверен: таковы личный опыт и широкие наблюдения, и я убеждён, что не ошибаюсь. Господа, проповедовать дважды в

неделю очень опасно; а пять-шесть раз, как я убедился, полезно для здоровья, и даже двенадцать-четырнадцать — не чрезмерно. Торговец, которому пришлось бы один день в неделю выкрикивать названия цветной капусты и картофеля, находил бы эту работу очень тяжёлой; но, когда он шесть дней подряд наполняет улицы, переулки и проулки своим звучным гомоном, никакая dysphonia pomariorum, или «больное горло торговца овощами», не отлучает его от скромного труда. Мне было приятно обнаружить, что доктор Фенвик столь ясно высказывает и моё мнение: редкое проповедование лежит в основе многих болезней. «Все приведённые здесь указания, полагаю, останутся бесплодными без регулярного ежедневного упражнения голоса. По-видимому, ничто так не способствует этой болезни, как редкая продолжительная речь, чередующаяся с долгими промежутками покоя, — обстоятельство, особенно характерное для священнослужителей.

21 Всякий, кто хотя бы на мгновение задумается об этом, легко поймёт причину. Если человека или любое другое животное готовят к необычному мышечному усилию, его регулярно упражняют в нём день за днём, и труд, который иначе был бы почти невозможен, становится лёгким. Между тем большинство представителей духовного сословия подвергается большому мышечному напряжению при произнесении речи только один день в неделю, тогда как остальные шесть дней почти никогда не повышает голос выше обычного уровня.

22 Если бы кузнец или плотник лишь изредка испытывал утомление, связанное с его ремеслом, он был бы не только совершенно непригоден к нему, но и утратил бы приобретённое мастерство. Пример самых знаменитых

ораторов мира доказывает преимущества регулярного, постоянного упражнения в речи. Поэтому я настоятельно рекомендовал бы всем, кто подвержен этому недугу, читать вслух один-два раза в день на той же высоте голоса, что и на кафедре, обращая особое внимание на положение груди и горла и на ясное, правильное произнесение слов». Господин Бичер придерживается того же мнения: «Газетчики показывают, что уличное упражнение делает с лёгкими человека. Каково пришлось бы бледному, слабоголосому служителю, чей голос едва достигает двухсот слушателей, если бы его поставили выкрикивать названия газет? Нью-йоркские газетчики становятся в начале улицы и посылают голос вдоль неё, как атлет катит шар по дорожке. Мы советуем людям, готовящимся к профессии, требующей речи, некоторое время поторговать на улицах. Молодые служители могли бы ненадолго стать товарищами газетчиков, пока у них не раскроется рот и не окрепнет и закалится гортань».

[23] Господа, необходимое правило таково: всегда согласуйте голос с содержанием. Не ликуйте, говоря о печальном; и, с другой стороны, не тащитесь тяжело там, где звуки должны весело порхать, словно пляшут под напев небесных ангелов. Я не стану распространяться об этом правиле, но уверяю: оно чрезвычайно важно и при послушном соблюдении всегда обеспечивает внимание, если само содержание его заслуживает. Всегда согласуйте голос с содержанием и прежде всего во всём будьте естественны.[38] Прочь навеки рабскую приверженность правилам и образцам! Не подражайте чужим голосам; а если непреодолимая склонность вынуждает вас следовать за другими, перенимайте достоинства каждого оратора — тогда зло уменьшится. Меня самого какое-то неодолимое влияние влечёт к

подражанию, так что поездка в Шотландию или Уэльс на неделю-другую заметно меняет моё произношение и интонацию. Я борюсь с этим, но оно есть, и единственное известное мне лекарство — дать этой неприятности умереть естественной смертью. Господа, возвращаюсь к своему правилу: пользуйтесь собственным естественным голосом. Будьте людьми, а не обезьянами; не попугаями, а самостоятельными людьми во всём. Говорят, борода больше всего идёт мужчине, когда он носит её такой, как она растёт: её цвет и форма будут соответствовать лицу. Ваш собственный способ говорить наиболее согласуется с вашим мышлением и личностью. Подражатель годится для театра; образованный человек со своей освящённой индивидуальностью — для святилища. Я повторял бы это правило до вашего утомления, если бы опасался, что вы его забудете: будьте естественны, естественны, всегда естественны. Голосовая манерность или подражание знаменитому богослову доктору Среброусту, даже любимому наставнику или ректору, неизбежно вас погубит. Заклинаю вас: отбросьте рабство подражания и поднимитесь к мужественной самостоятельности. Мы обязаны прибавить: старайтесь воспитывать свой голос. Не жалейте ни усилий, ни труда, ибо, как справедливо замечено, «сколь бы поразительными ни были природные дары избранников природы, развить их и довести до высшего совершенства можно только трудом и учением». Вспомните Микеланджело, работавшего неделю, не снимая одежды, и Генделя, который непрестанными упражнениями выдолбил каждую клавишу клавесина, как ложку. После этого, господа, никогда не говорите о трудности и усталости. Почти невозможно понять пользу демосфеновского упражнения с камешками во рту; но каждому ясна польза того, что он обращался к бурным

морским волнам, учась заставить себя слушать посреди шумных собраний соотечественников. Столь же очевиден смысл его речи во время бега в гору, чтобы лёгкие укреплялись напряжённой работой; и столь же похвально самоотречение. Мы обязаны применять все возможные средства, чтобы совершенствовать голос, которым будем возвещать славное Евангелие блаженного Бога. Особенно заботьтесь о согласных: произносите каждую отчётливо, ибо они составляют черты и выражение лица слова. Упражняйтесь неустанно, пока не воздадите должное каждой согласной; гласные обладают собственным голосом и могут постоять за себя. Во всём остальном соблюдайте строгую дисциплину, пока не овладеете голосом и не будете держать его в руках, как хорошо выезженного коня. Господам с узкой грудью советуют каждое утро упражняться с гантелями, а ещё лучше — с теми гимнастическими булавами, которые приготовил для вас колледж. Вам нужна широкая грудь: сделайте всё возможное, чтобы её приобрести. Не говорите, сунув руки в карманы жилета и тем самым сжимая лёгкие; отводите плечи назад, как профессиональные певцы. Не наклоняйтесь над пюпитром во время речи и никогда не опускайте голову на грудь, проповедуя. Пусть тело скорее тянется вверх, чем сгибается вниз. Долой тесные галстуки и наглухо застёгнутые жилеты; оставьте место для свободного действия мехов и труб. Посмотрите на статуи римских или греческих ораторов, на изображение Павла у Рафаэля и без манерности, естественно, принимайте показанные там изящные и подобающие позы: они наилучшие для голоса. Попросите друга указывать вам на недостатки; ещё лучше — приветствуйте врага, который зорко наблюдает за вами и больно жалит. Каким благословением станет такой раздражающий

критик для мудрого и какой невыносимой помехой для глупца! Исправляйте себя усердно и часто, иначе незаметно впадёте в ошибки, появятся ложные интонации и исподволь сложатся небрежные привычки; потому критикуйте себя с неослабным вниманием. Не считайте маловажным ничто, что позволит вам стать хоть немного полезнее. Но, господа, никогда не превращайтесь при этом в кафедральных щёголей, считающих жест и голос всем. Сердце моё болит, когда я слышу о людях, целую неделю готовящих проповедь, причём большая часть подготовки состоит в повторении своих драгоценных произведений перед зеркалом! Увы нашему веку, если неблагодатным сердцам прощают всё за благопристойные манеры. Дайте нам лучше всю грубость самого необузданного странствующего проповедника из лесной глуши, чем надушенную миловидность изнеженной светскости. Я посоветовал бы вам жеманиться голосом не скорее, чем подражать господину Тэплэшу у Роуленда Хилла с его бриллиантовым кольцом, крепко надушенным носовым платком и моноклем. Франтам не место на кафедре: их следует выставлять в витрине портного с табличкой: «Этот фасон целиком, включая рукописи, — 10 фунтов 10 шиллингов».

[24] Возможно, здесь уместно заметить: хорошо было бы, если бы все родители внимательнее относились к зубам детей, потому что плохие зубы могут серьёзно повредить оратору. Людям с недостатками артикуляции иногда следует немедленно обратиться к зубному врачу — разумеется, подлинно знающему и опытному: несколько вставных зубов или другое несложное приспособление стали бы для них постоянным благословением. Мой собственный зубной врач весьма разумно замечает в своём проспекте: «При утрате части или всех зубов

следует сокращение мышц лица и горла; другие органы голоса, привыкшие к зубам, нарушаются и выходят из обычного взаимодействия, вызывая срыв, вялость или понижение голоса, словно в музыкальном инструменте, которому недостаёт ноты. Напрасно ожидать совершенного созвучия и соразмерного, согласованного ударения в тоне, звучании и высоте голоса, когда его органы неполноценны; разумеется, артикуляция становится недостаточной. Такой недостаток, по меньшей мере, значительно увеличивает труд говорения; в большинстве случаев следствием бывают шепелявость, слишком поспешное или внезапное падение голоса либо слабое произнесение; при более серьёзных недостатках почти неизбежны бормотание и клацанье». Если причина в этом и средство доступно, ради нашего дела мы обязаны им воспользоваться. Зубы могут казаться мелочью, но помните: в столь великом призвании, как наше, нет ничего малого. В дальнейших замечаниях я упомяну вещи ещё меньшие, однако делаю это с глубоким убеждением: намёки на незначительное могут оказаться неоценимыми, уберегая вас от серьёзного небрежения или грубых ошибок.

[25] Наконец, относительно горла скажу: берегите его. Собираясь говорить, всегда хорошо прочищайте горло, но не делайте этого беспрестанно во время проповеди. Один весьма уважаемый знакомый брат всегда говорит так: «Дорогие друзья — кхм-кхм, — это весьма — кхм — важный предмет, который мне сейчас — кхм-кхм — предстоит вам представить, и — кхм-кхм — я должен призвать вас оказать мне — кхм-кхм — самое серьёзное — кхм — внимание».[39] Всячески этого избегайте. Другие, не прочистив горло, говорят так, словно у них всё забито и они вот-вот начнут отхаркиваться; гораздо лучше сделать

это сразу, чем тошнить слушателей повторяющимися неприятными звуками. Сопение и шмыганье вполне простительны при простуде, но крайне неприятны; став привычными, они заслуживали бы судебного преследования по «Закону об устранении общественных неудобств». Простите меня: упоминать подобные вещи может показаться грубым, но внимание к откровенным, свободным замечаниям, высказанным в этой аудитории, способно избавить вас впоследствии от многих насмешек за ваш счёт.

[26] Закончив проповедь, берегите горло: никогда не укутывайте его плотно. Основываясь на личном опыте, я с некоторой робостью осмеливаюсь дать этот совет. Если у кого-то из вас есть восхитительно тёплые шерстяные шарфы, с которыми связаны нежнейшие воспоминания о матери или сестре, берегите их — берегите на дне сундука, но не подвергайте такому низменному употреблению, как обматывание шеи. Если какой-нибудь брат хочет умереть от гриппа, пусть носит тёплый шарф, а потом в один прекрасный вечер забудет его и подхватит такую простуду, что её хватит на всю оставшуюся жизнь. Редко увидишь моряка с укутанной шеей. Напротив, он всегда держит её открытой и неприкрытой, носит отложной воротник, а галстук, если вообще носит, маленький и свободно повязанный, так что ветер обдувает шею со всех сторон. Я твёрдо верю в эту философию: уже четырнадцать лет от неё не отступаю, и если раньше простуды часто меня мучили, то с тех пор — очень редко. Если чувствуете, что нужно ещё что-то, отращивайте бороды! Привычка самая естественная, библейская, мужественная и полезная. Один из присутствующих братьев много лет находит в этом большую пользу. Потеря голоса вынудила его покинуть Англию, но теперь, когда

волосы его не стрижены, он стал силён, как Самсон. Если с горлом что-то случилось, обратитесь к хорошему врачу; если не можете, уделите сколько сочтёте нужным внимания следующему совету. Никогда не покупайте «Алтейные леденцы», «Лепёшки против кашля», «Лёгочные вафли», шандру, ипекакуану или любое из десяти тысяч смягчающих средств. На время они могут помочь, сняв нынешнее неудобство, но своими расслабляющими свойствами губят горло. Если хотите укрепить горло, употребляйте хорошую порцию перца — хорошего кайенского перца и других вяжущих веществ, столько, сколько вынесет желудок. Не превышайте этого, ибо помните: заботиться нужно не только о горле, но и о желудке; если пищеварительный аппарат неисправен, ничто не может быть в порядке. Здравый смысл учит, что вяжущие средства должны быть полезны. Слышали ли вы когда-нибудь о кожевнике, превращающем шкуру в кожу вымачиванием в сахаре? Ни толуанский бальзам, ни ипекакуана, ни патока не послужат его цели; всё наоборот: желая сделать кожу твёрдой и крепкой, он помещает её в раствор дубовой коры или иного вяжущего вещества, стягивающего и укрепляющего материал. Когда я начал проповедовать в Эксетер-холле, для такого места голос мой был слаб — не сильнее большинства обыкновенных голосов; прежде он нередко совсем отказывал мне при уличной проповеди. Но в Эксетер-холле — месте необычайно трудном для проповеди из-за чрезмерной ширины по сравнению с длиной — я всегда ставил перед собой маленький стакан воды с перечным уксусом. Глоток, казалось, придавал горлу свежую силу, когда оно уставало и голос грозил отказать. Когда горло немного ослабевает, я обычно прошу кухарку приготовить чашку мясного бульона,

приправленного перцем настолько крепко, насколько можно вынести; до сих пор это было превосходным средством. Впрочем, поскольку я не имею права заниматься медициной, вы, вероятно, уделите моим врачебным советам не больше внимания, чем советам любого другого шарлатана. Полагаю, половина затруднений, связанных с голосом в молодости, исчезнет с годами, когда привычка станет второй натурой. Я хотел бы ободрить по-настоящему ревностных: упорствуйте! Если слово Господне чувствуется в костях, как огонь, можно преодолеть даже заикание, а страх со всеми его парализующими последствиями изгнать. Мужайся, молодой брат, не сдавайся: Бог, природа и упражнение тебе помогут.[40]

[27] Больше не стану вас задерживать; лишь выражу надежду, что грудь, лёгкие, дыхательное горло, гортань и все голосовые органы прослужат вам, пока вам будет что сказать.

Лекция 9. Внимание!

[1] Предмет нашей беседы почти никогда не упоминается в книгах по гомилетике, которые мне встречались, — обстоятельство весьма странное, потому что он чрезвычайно важен и заслуживает не одной главы. Полагаю, учёные знатоки гомилетики считают, что им приправлены все их тома и незачем подавать его нам отдельными кусочками, ибо он, как сахар в чае, придаёт вкус всему. Эта обойдённая вниманием тема — КАК ПРИВЛЕЧЬ И УДЕРЖАТЬ ВНИМАНИЕ НАШИХ СЛУШАТЕЛЕЙ. Их вниманием необходимо завладеть, иначе с ними ничего не сделаешь; и его необходимо удержать, иначе мы можем сколько угодно плести словесную пряжу, но пользы не будет.

[2] Во главе военных приказов наши английские офицеры всегда помещают большими буквами слово «ВНИМАНИЕ!», и нечто подобное нужно поставить во главе всех наших проповедей. Нам необходимо серьёзное, открытое, бодрое, непрерывное внимание всех присутствующих в собрании. Если мысли людей блуждают далеко, они не могут принять истину; почти то же происходит, когда ум бездействует. Нельзя извлечь из людей грех, пока они крепко спят, подобно тому как Ева была извлечена из бока Адама. Они должны бодрствовать, понимать сказанное нами и ощущать его силу; иначе и нам с таким же успехом можно лечь спать. Есть проповедники, которым почти безразлично, слушают их или нет. Лишь бы продержаться отведённое время; слышат ли их люди ради вечности или слушают напрасно, для них почти не важно. Чем скорее такие служители уснут на церковном кладбище и станут проповедовать

стихом на своём надгробии, тем лучше. Некоторые братья обращают речь к вентиляционному отверстию, словно добиваются внимания ангелов; другие смотрят в книгу, будто поглощены размышлением, либо сами составляют свою аудиторию и весьма польщены этим. Почему бы таким братьям не проповедовать в прериях и не назидать звёзды? Если их проповедь никак не соотнесена со слушателями, это было бы совершенно уместно; если проповедь — разговор с самим собой, то чем уединённее исполнитель, тем лучше. Разумному проповеднику — а разумны не все — должно представляться необходимым заинтересовать всю аудиторию, от старейшего до младшего. Мы не должны делать невнимательными даже детей. «Делать невнимательными? — скажете вы. — Кто же это делает?» Отвечаю: большинство проповедников. Когда дети шумят на собрании, нередко наша вина в этом не меньше их вины. Разве нельзя вставить небольшой рассказ или притчу специально для малышей? Разве нельзя поймать взгляд мальчика на галерее и девочки внизу, которые начали ёрзать, и улыбкой призвать их к порядку? Я часто разговариваю глазами с мальчиками-сиротами у подножия своей кафедры. Нам нужно, чтобы все глаза были обращены к нам и все уши открыты для нас. Меня огорчает, если даже слепой не повернулся ко мне лицом. Увидев, что кто-то оборачивается, шепчется, клюёт носом или смотрит на часы, я заключаю, что сам не на высоте и должен каким-либо способом завладеть этими умами. Жаловаться приходится очень редко; а если приходится, обычно я жалуюсь на себя и признаю: у меня нет права требовать внимания, если я не умею его привлекать.

[3] Есть собрания, вниманием которых нелегко завладеть: люди и не желают заинтересоваться. Бранить их

бесполезно — всё равно что бросать куст в птицу, надеясь её поймать. В действительности в большинстве случаев бранить следует другого человека: самого себя. Быть внимательными, возможно, их долг, но побудить их к вниманию — ещё в большей степени ваш. Вы должны приманить рыбу к крючку; если она не подходит, вините рыболова, а не рыбу. Заставьте людей хоть ненадолго остановиться и услышать, что Господь Бог скажет их душам. Служитель, посоветовавший пожилой даме нюхать табак, чтобы не дремать, получил вполне заслуженный отпор: она ответила, что если бы он подсыпал побольше табаку в проповедь, то она и так была бы вполне бодра. Мы должны щедро подсыпать в проповедь табак или что-нибудь ещё более пробуждающее. Помните: некоторым из наших людей нелегко быть внимательными. Многих предмет не интересует; они ещё не испытали в сердце достаточно действия благодати, чтобы признать особую ценность Евангелия для себя. О Спасителе, Которого вы проповедуете, вы можете сказать им:

> [4] «Неужели вам нет до этого дела, все проходящие мимо?
> Неужели вам нет дела до того, что Иисусу надлежит умереть?»

[5] Многие всю неделю были подавлены грузом деловых забот. Им следовало бы возложить свою ношу на Господа; но всегда ли это делаете вы? Всегда ли вам легко избавиться от тревог? Можете ли вы забыть о больной жене и нездоровых детях, оставшихся дома? Нет никакого сомнения: многие входят в дом Божий, тяжело нагруженные мыслями о повседневных занятиях. Земледелец вспоминает поля, которые нужно вспахать

или засеять; воскресенье выдалось дождливым, и он размышляет о желтизне молодой пшеницы. Купец видит перед глазами трепещущий неоплаченный вексель, лавочник пересчитывает безнадёжные долги. Не удивлюсь, если многих отвлекают цвета дамских лент и скрип мужских сапог. Кругом ведь назойливые мухи: Веельзевул, бог мух, заботится, чтобы на всяком евангельском пиру гостей донимали мелкие неприятности. Пока вы проповедуете человеку, его нередко жалят мысленные комары, и он больше думает о пустяках, отвлекающих внимание, чем о вашей речи. Так ли уж удивительно, что это происходит? Вы должны отогнать комаров и добиться нераздельного внимания, направив мысли людей из русла, по которому они текли шесть дней, в русло, подходящее для дня покоя. В речи и её предмете должна быть достаточная подъёмная сила, чтобы оторвать их от земли, к которой они прилипли, и поднять хоть немного ближе к небу.

[6] Нередко собранию очень трудно быть внимательным из-за помещения и воздуха в нём. Например, если помещение, как сейчас эта комната, наглухо закрыто от свежего воздуха, а все окна затворены, людям едва удаётся дышать, и ни о чём другом они думать не могут. Когда они снова и снова вдыхают воздух, побывавший в чужих лёгких, весь жизненный механизм расстраивается, и скорее заболят головы, чем сокрушатся сердца. После благодати Божьей самое полезное для проповедника — кислород. Молитесь, чтобы отверзлись окна небесные, но начните с окон своего молитвенного дома. Посмотрите на многие наши сельские помещения, а боюсь, и на городские часовни, — вы обнаружите, что окна вовсе не открываются. Современная варварская манера строить даёт нам потолок не выше амбарного и вентиляционных

отверстий не больше, чем в восточной темнице, где тиран рассчитывал уморить узника постепенно. Что бы мы подумали о жилом доме, в котором нельзя открыть окна? Нанял бы кто-нибудь из вас такое жильё? Однако готическая архитектура и глупая гордость заставляют многих отказаться от полезных подъёмных окон ради маленьких дырочек под потолком или птичьих ловушек в оконных проёмах; в результате помещения оказываются гораздо менее удобными, чем печь Навуходоносора для Седраха, Мисаха и Авденаго. При условии, что все подобные часовни как следует застрахованы, я не смог бы молиться об их сохранении от пожара. Даже там, где окна открываются, их нередко держат закрытыми месяцами, и от воскресенья к воскресенью испорченный воздух не меняется. Терпеть такое нельзя. Знаю, некоторые этого не замечают; слышал и замечание, что лисиц не убивает вонь собственных нор. Но я не лисица, и дурной воздух делает вялым и меня, и моих слушателей. Поток свежего воздуха через здание мог бы стать для людей лучшим благом после самого Евангелия; по крайней мере он привёл бы их ум в состояние, пригодное для принятия истины. В будние дни потрудитесь устранить препятствие, создаваемое испорченным воздухом. В прежней моей часовне на Парк-стрит я несколько раз говорил диаконам: по-моему, лучше вынуть верхние стёкла из окон в железных рамах, поскольку окна не были приспособлены открываться. Говорил не раз — без результата. Но по провидению в один понедельник кто-то мастерски удалил большую часть этих стёкол, почти так хорошо, словно их вынул стекольщик. Возникли немалое смятение и множество догадок о том, кто совершил преступление. Я предложил назначить награду в пять фунтов за обнаружение виновника, чтобы вручить ему эту

сумму в подарок, когда его найдут. Награды так и не назначили, а потому я не счёл своим долгом донести на этого человека. Надеюсь, никто из вас не подозревает меня: иначе мне придётся признаться, что я ходил с той самой тростью, которая впустила кислород в душное здание.

7 Иногда вниманию мешают манеры наших людей: у них нет привычки слушать. Они посещают часовню, но не внимают проповеднику. Они привыкли оборачиваться на каждого входящего; а приходят в любое время, порой с сильным топотом, скрипом сапог и хлопаньем дверей. Однажды я проповедовал людям, которые непрерывно оглядывались, и прибег к такому средству: «Друзья, раз вам настолько интересно знать, кто входит, а ваше оборачивание так сильно мне мешает, я, если угодно, буду описывать каждого входящего; тогда вы сможете сидеть и смотреть на меня, сохраняя хотя бы видимость приличия». Я описал одного вошедшего господина, который оказался моим знакомым и которого я мог изобразить без обиды, как «весьма почтенного господина, только что снявшего шляпу», и так далее. После этой единственной попытки описывать больше никого не понадобилось: люди были потрясены моим поведением, а я заверил их, что сам потрясён гораздо сильнее тем, что они вынудили меня довести их собственное поведение до такого абсурда. Это вылечило их на тот раз и, надеюсь, навсегда, к великой радости их пастора.

8 Предположим теперь, что всё это исправлено: вы выпустили испорченный воздух и исправили людские манеры. Что дальше? Первое золотое правило привлечения внимания: всегда говорите то, что стоит услышать. Большинство людей обладает чутьём,

побуждающим желать услышать нечто хорошее. Есть у них и сходное чутьё, которое вам лучше учитывать: оно мешает видеть пользу во внимательном слушании одних только слов. Не будет слишком суровой критикой сказать, что у некоторых служителей слова занимают несоразмерно большое место по сравнению с мыслями; по существу, слова скрывают мысли, если они вообще имеются. Такие люди высыпают кучи мякины; быть может, где-то и найдётся одно-два овсяных зёрнышка, но трудно сказать где. Собрания не станут долго слушать слова, слова, слова, слова — и ничего больше. Мне неизвестна заповедь: «Не будь многословен», но она может подразумеваться в заповеди «Не кради», ибо выдавать слушателям слова вместо духовной пищи — обман. «При многословии не миновать греха» — даже лучшему проповеднику. Давайте слушателям то, что они смогут сохранить и запомнить, что, вероятно, окажется им полезно: лучшее содержание из лучшего источника, основательное учение из божественного Слова. Давайте им свежую манну с небес, а не одно и то же снова и снова, в одной и той же форме, ad nauseam — до тошноты, словно хлеб работного дома, круглый год нарезаемый одинаковыми ломтями. Дайте им нечто поразительное, ради чего человек встал бы среди ночи и прошёл бы пятьдесят миль, чтобы услышать. Вы вполне на это способны. Делайте это, братья; делайте постоянно — и получите всё внимание, какого только можете желать.

9 Пусть хорошее содержание, которое вы предлагаете, будет изложено в совершенно ясном порядке. От этого зависит очень многое. Можно нагромоздить огромную массу хороших вещей и всё перемешать. Однажды, ещё мальчиком, я был послан в лавку с корзиной и купил фунт чая, четверть фунта горчицы и три фунта риса. На

обратном пути я увидел стаю гончих и счёл необходимым последовать за ними через изгороди и канавы, как всегда делал в детстве. Добравшись домой, я обнаружил, что покупки — чай, горчица и рис — слились в одно ужасное месиво. С тех пор я понимаю необходимость упаковывать свои темы в прочные отдельные свёртки, перевязанные нитью рассуждения; потому и держусь «во-первых», «во-вторых», «в-третьих», как бы немоден ни был теперь этот способ. Люди не станут пить ваш горчичный чай; не понравятся им и спутанные проповеди, в которых не отличишь головы от хвоста, потому что нет ни того ни другого, — словно скайтерьер господина Брайта, у которого голова и хвост выглядели одинаково. Предлагайте людям истину логично и стройно, так, чтобы её было легко запомнить, и они охотнее её примут.

[10] Кроме того, непременно говорите понятно. Как бы превосходно ни было содержание, если человек его не понимает, оно бесполезно для него. С таким же успехом вы могли бы говорить с ним на камчатском языке, как на своём родном, если употребляете совершенно чуждые ему выражения и способы речи, не подходящие его уму. Поднимайтесь до его уровня, если он бедняк; снисходите до его понимания, если он человек образованный. Вы улыбаетесь тому, как я перевернул выражения; но, думаю, больше восхождения требуется, чтобы говорить ясно с неграмотным, чем чтобы говорить изысканно с воспитанным. Во всяком случае, первое труднее второго и ближе к манере Спасителя. Разумно идти по тропе, по которой слушатели могут следовать вместе с вами, а не садиться на высокого коня и скакать у них над головами. Наш Господь и Учитель был Царём проповедников и всё же никогда не говорил выше чьего-либо понимания, если не считать величия и славы самого предмета. Слова Его и

выражения были таковы, что Он говорил, как «святое Дитя Иисус». Пусть сердце ваше изливает доброе слово, ясно устроенное и просто изложенное, — и вы почти наверняка завоюете слух, а через него и сердце.

11 Обращайте внимание и на свою манеру говорить: пусть она помогает удерживать внимание. Здесь я сказал бы: как правило, не читайте проповеди по написанному. Были немногие чтецы, обладавшие великой силой, например доктор Чалмерс: даже говоря без рукописи, он не мог бы добиться более внимательной аудитории. Но я не предполагаю, что мы равны доктору Чалмерсу; столь выдающиеся люди могут читать, если предпочитают, а для нас есть «путь ещё превосходнейший». Лучшее чтение, какое мне доводилось слышать, отдавало бумагой и застревало в горле. Я не мог насладиться им: моё пищеварение недостаточно хорошо, чтобы переваривать писчие листы. Лучше обходиться без рукописи, даже если приходится произносить выученное наизусть. Лучше же всего не нуждаться ни в чтении, ни в заученном воспроизведении. Если вам необходимо читать, позаботьтесь делать это в совершенстве. Будьте превосходнейшим чтецом: именно таким вам и нужно быть, если хотите удержать внимание.

12 Тут замечу: если хотите, чтобы вас слушали, не импровизируйте в самом строгом смысле слова. Это так же плохо, как читать, а возможно, хуже, если только и рукопись не была сочинена экспромтом, то есть без предварительного изучения. Не поднимайтесь на кафедру, чтобы сказать первое попавшееся: у большинства людей на поверхности одна лишь пена. Вашим слушателям нужны речи, над которыми молились и которые готовили усердным трудом. Люди не хотят

сырой пищи: её нужно приготовить и подать готовой. Из самой души, словами, которые естественно приходят на ум, мы должны выдавать содержание, подготовленное настолько основательно, насколько мог бы подготовить его пишущий проповедь; более того, если хотим говорить хорошо, оно должно быть приготовлено ещё лучше. По моему суждению, наилучший способ — тот, при котором человек импровизирует не содержание, а слова: язык приходит в данный миг, но тема хорошо обдумана, и, подобно учителю в Израиле, он говорит о том, что знает, и свидетельствует о том, что видел.

13 Чтобы привлечь внимание, делайте свою манеру как можно более приятной. Например, не предавайтесь монотонности. Постоянно меняйте голос; меняйте и скорость — то неситесь, как молния, то двигайтесь вперёд со спокойным величием. Переставляйте ударения, перемещайте смысловой акцент, избегайте напева. Меняйте тон: иногда пускайте в ход бас, пусть гром перекатывается в груди; в другое время говорите, как и следует говорить обычно, — губами, и пусть речь будет разговорной. Всё ради разнообразия! Человеческая природа жаждет его, и Бог даёт его в природе, провидении и благодати; пусть оно будет и в проповедях. Однако я не стану долго на этом останавливаться: известны проповедники, которые вызывали и поддерживали внимание одним содержанием при весьма несовершенной манере речи. Если бы пуританин Ричард Сиббс был здесь сегодня после полудня, я поручился бы за неотрывное внимание ко всему, что он захотел бы сказать, хотя он ужасно заикался. Один современник говорил, что он «сибилировал» — так сильно он шепелявил и шипел. Примеров на современных кафедрах далеко искать не надо: их слишком много. Но вспомним,

что Моисей был косноязычен, а всякое ухо всё же внимало его словам. Вероятно, Павел тоже страдал подобной немощью, ибо о его речи говорили, что она презренна; впрочем, этого мы не знаем точно: так судили лишь его враги. Влияние Павла в церквах было очень велико, и всё же, когда проповедь затягивалась, он не всегда мог удержать внимание: по меньшей мере один слушатель заснул под его речь, и последствия оказались серьёзными. Манера — не всё. Но если вы собрали хорошее содержание, жаль передавать его убого: царю не пристало ехать в мусорной телеге, а славное учение о благодати нельзя излагать небрежно. Подлинно царственным истинам следует ехать в золотой колеснице. Выводите лучших своих молочно-белых коней, и пусть серебряные трубы звучат мелодично, когда истина шествует по улицам. Если люди невнимательны, не позволяйте им оправдываться недостатками нашей речи. Если же мы не можем исправиться в этом отношении, тем усерднее станем возмещать недостаток богатством содержания и при всяком случае делать всё, на что способны.

14 Как правило, не затягивайте вступление. Всегда жаль пристраивать к маленькому дому огромное крыльцо. Одна прекрасная христианка слушала Джона Хау; поскольку на предисловие у него ушёл целый час, она заметила, что дорогой добрый человек так долго накрывал на стол, что она потеряла аппетит и уже не думала, что обед вообще будет. Накрывайте стол быстро и скорее заканчивайте греметь ножами и тарелками. Возможно, вы видели издание книги Доддриджа «Возникновение и развитие религии в душе» со вступительным очерком Джона Фостера. Очерк и длиннее, и лучше самой книги, лишая Доддриджа шанса быть прочитанным. Разве это не

нелепо? Избегайте такой ошибки в собственных произведениях. Я предпочитаю делать вступление к проповеди похожим на объявление городского глашатая: он звонит в колокольчик и кричит: «Слушайте! Слушайте! Доводится до сведения…» — лишь бы люди узнали, что у него есть для них новость и он просит выслушать. Для этого во вступлении должно быть нечто поражающее внимание. Хорошо дать внезапный выстрел, подобный сигнальному, призывающему расчистить палубы перед боем. Не начинайте с высшего напряжения ума, но начинайте так, чтобы все ожидали полезного и радостного времени. Пусть вступление будет не пышным входом в пустоту, а ступенью к чему-то ещё лучшему. Будьте живы с самого начала.

15 Проповедуя, не повторяйтесь. Мне приходилось слушать богослова, имевшего привычку после примерно дюжины фраз говорить: «Как я уже заметил» или «Повторяю сказанное прежде». У доброй души в сказанном не было ничего особенного, и повторение только яснее обнаруживало наготу земли. Если это было очень хорошо и вы сказали сильно, зачем проходить по тому же месту снова? А если получилось слабо, зачем выставлять это вторично? Конечно, иной раз повтор нескольких фраз бывает очень действенным. Что угодно может быть хорошо изредка и крайне дурно как привычка. Кто удивится, что люди не слушают с первого раза, зная: всё будет сказано заново?

16 Кроме того, не повторяйте одну и ту же мысль снова и снова другими словами. Пусть в каждой фразе будет что-то свежее. Не стучите вечно по одному гвоздю: Библия у вас большая, позвольте людям насладиться её длиной и шириной. И, братья, не считайте необходимым

или важным всякий раз при проповеди давать полный обзор богословия или формальный свод учений по образцу доктора Гилла. Я вовсе не хочу умалять доктора Гилла или говорить против него хоть слово: его метод превосходен для системы богословия или комментария, но не подходит для проповеди. Я знаю богослова, чьи напечатанные проповеди неизменно читаются как богословские конспекты, более подходящие для учебного класса, чем для кафедры; до слуха публики они доходят без всякого действия. Нашим слушателям нужны не голые кости специальных определений, а мясо и вкус. Определения и различия хороши, но, становясь главным содержанием проповеди, напоминают молодого человека, построившего речь из различных важных разграничений. После его выступления старый диакон заметил, что одно различие всё же упущено, а именно — между мясом и костями. Если проповедники этого различия не проводят, все остальные различия не помогут им особенно отличиться.

[17] Чтобы удержать внимание, избегайте чрезмерной продолжительности. Старый проповедник говаривал молодому человеку, проповедовавшему по часу: «Дорогой друг, мне всё равно, о чём ещё ты проповедуешь, но хотелось бы, чтобы ты всегда проповедовал около сорока минут». Нам редко следует значительно выходить за эти пределы: сорок минут или, скажем, три четверти часа. Если человек не может за это время сказать всё нужное, когда же он это скажет? Но кто-то возразил, что любит «воздать должное своему предмету». Прекрасно, но разве не должен он воздать должное своим людям или хотя бы проявить к ним немного милосердия и не задерживать слишком долго? Предмет на вас не пожалуется, а люди пожалуются. В некоторых сельских местах, особенно

после полудня, земледельцам нужно доить коров. Один из них горько жаловался мне на молодого человека — кажется, из нашего колледжа: «Сэр, он должен был закончить в четыре, а говорил до половины пятого; и все мои коровы ждали дойки! Каково было бы ему самому, будь он коровой?» В вопросе было немало здравого смысла. Обществу предотвращения жестокого обращения с животными следовало привлечь молодого грешника к суду. Как земледельцам слушать с пользой, если все мысли заняты коровами? В лишние десять минут вашей проповеди мать нравственно уверена, что младенец плачет или огонь погас; она не может и не хочет отдавать сердце вашему служению. Вы удерживаете её на десять минут дольше ожидаемого, и она считает это несправедливостью с вашей стороны. Между вами и общиной существует своего рода нравственный договор: вы не будете утомлять её дольше полутора часов; если задерживаете дольше, это нарушение соглашения и практическая нечестность, в которой вам не следует быть виновными. Краткость — добродетель, доступная каждому из нас; не упустим возможности заслужить похвалу, которую она приносит. Если спросите, как сократить проповеди, я отвечу: лучше их готовьте. Проводите больше времени за изучением, чтобы меньше времени понадобилось на кафедре. Обычно мы говорим дольше всего, когда сказать нам меньше всего. Человек с обилием хорошо подготовленного материала, вероятно, не превысит сорока минут; когда сказать ему меньше, он будет говорить пятьдесят, а когда сказать совершенно нечего, ему понадобится час. Внимание к этим мелочам поможет удержать внимание людей.

[18] Если хотите владеть вниманием своих людей вполне и постоянно, это возможно лишь тогда, когда Дух Божий

приведёт их в возвышенное и благоговейное состояние ума. Если ваши люди готовы учиться, молитвенны, деятельны, серьёзны и благочестивы, они будут приходить в дом Божий именно за благословением. Занимая места, они будут молитвенно просить Бога говорить с ними через вас; будут ловить каждое слово и не устанут. У них будет вкус к Евангелию: они знают сладость небесной манны и стремятся собрать назначенные им доли. Ни одному человеку не достанется для проповеди собрание, превосходящее в этом отношении моё. В самом деле, лучшие слушатели проповедника обычно те, среди кого он чувствует себя как дома. Мне сравнительно легко проповедовать в Скинии: мои люди приходят именно затем, чтобы что-то услышать, и их ожидание помогает самому себе исполниться. Если бы с таким же ожиданием они слушали другого проповедника, думаю, обычно оставались бы довольны, хотя исключения бывают.

19 Впервые приступая к постоянному служению, проповедник не может рассчитывать на то торжественное, серьёзное внимание, которым пользуются люди, стоящие среди своих, словно отцы среди детей: прихожанам дороги тысячи связанных с ними воспоминаний, и они уважают их возраст и опыт. Вся наша жизнь должна придавать вес словам, чтобы в последующие годы мы могли владеть непобедимым красноречием характера, долго остававшегося неизменным, и получать не только внимание, но и любящее почтение своей паствы. Если благодаря молитвам, слезам и трудам наши люди становятся духовно здоровы, нечего бояться, что мы утратим их внимание. Народ, алчущий праведности, и служитель, стремящийся питать души, будут действовать в

сладчайшем согласии, когда их общим предметом станет Слово Господне.

20 Если вам нужен ещё один совет о привлечении внимания, я сказал бы: интересуйтесь сами — и заинтересуете других. В этих словах больше, чем кажется, поэтому я последую привычке, которую только что осудил, и повторю: интересуйтесь сами — и заинтересуете других людей. Предмет должен настолько тяжело лежать у вас на душе, чтобы вы посвятили все свои лучшие способности освобождению души через его выражение. Тогда, увидев, что тема захватила вас, слушатели мало-помалу сами ею захватятся.

21 Разве удивительно, что люди не внимают человеку, который сам не чувствует, что ему есть сказать что-то важное? Разве удивительно, что они не слушают всеми ушами, когда человек говорит не всем сердцем? Разве странно, что мысли их уходят к предметам, которые для них реальны, когда они видят: проповедник тратит время на вопросы, с которыми обращается как с выдумкой? Ромейн говаривал: хорошо знать искусство проповеди, но бесконечно лучше знать её сердце; и в этих словах немалый вес. Сердце проповеди, вложенная в неё душа, серьёзность, умоляющая словно о самой жизни, — уже половина успеха в привлечении внимания. В то же время одной горячностью нельзя держать умы в восторженном внимании, если вам нечего сказать. Люди не станут вечно стоять в дверях, слушая, как человек бьёт в барабан. Они выйдут посмотреть, что он делает, но, обнаружив много шума из ничего, захлопнут дверь и уйдут обратно, словно говоря: «Вы нас обманули, и нам это не нравится». Пусть у вас будет что сказать; скажите это горячо — и собрание будет у ваших ног.

[22] Пожалуй, излишне замечать, что для большинства наших слушателей полезно, чтобы в проповедях было немало наглядных примеров. В этом у нас есть пример Самого Господа, да и у большинства величайших проповедников в изобилии встречаются сравнения, метафоры, иносказания и рассказы о разных случаях. Но берегитесь излишеств. На днях я читал дневник одной немки, перешедшей из лютеранства к нашей вере; о деревне, где она живёт, она пишет: «Здесь есть миссионерская станция, и к нам приезжают проповедовать молодые люди. Я не хочу придираться к этим молодым господам, но они рассказывают нам великое множество очень милых историй, и, по-моему, в их речах почти ничего другого нет. К тому же некоторые из этих историй я уже слышала, поэтому они не так занимают меня, как если бы нам преподали какое-нибудь доброе учение из Писания». Несомненно, такая мысль приходила и многим другим. «Милые истории» сами по себе хороши, но никак нельзя делать их главной приманкой проповеди. Кроме того, остерегайтесь некоторых из этих «милых историй»: их время давно прошло; бедняжки истрепались до нитки, и им пора в мешок для ветоши. Некоторые я слышал столько раз, что мог бы рассказать и сам, но незачем. Да избавит милосердный Бог и нас, и наших слушателей от ходовых историй! Старые шутки вызывают тошноту, когда остряки выдают их за собственные выдумки; примерно так же действуют на ум рассказы, которые слушали ещё наши прадеды. Остерегайтесь чрезвычайно популярных сборников примеров, имеющихся у каждого учителя воскресной школы: никто не поблагодарит вас за повторение того, что и без вас все знают наизусть. Если рассказываете случаи, пусть в них будет хоть какая-то

свежесть и самостоятельность. Держите глаза открытыми и собственноручно собирайте цветы в саду и в поле: они будут куда приятнее увядших цветов, позаимствованных из чужих букетов, как бы прекрасны те ни были прежде. Пользуйтесь примерами щедро и к месту, но не столько притчами, принесёнными откуда-то извне, сколько меткими сравнениями, вырастающими из самого предмета. Однако не думайте, что пример — это всё: он подобен окну, но к чему впускаемый им свет, если освещать нечего? Украшайте блюда, но помните: главное — само жаркое, а не украшение. Нужно давать действительное наставление и преподавать основательное учение; иначе ваши образы наскучат слушателям, и они станут томиться от голода по духовной пище.

23 Развивайте в проповедях то, что отец Тейлор называет «силой неожиданности». В ней заключена большая способность привлекать внимание. Не говорите именно того, чего все от вас ожидали. Не давайте фразам скатываться в наезженную колею. Сказав: «Спасение всецело по благодати», не прибавляйте всякий раз: «А не по человеческим заслугам», — но скажите иначе: «Спасение всецело по благодати; собственной праведности негде и головы укрыть». Боюсь, я не смогу воспроизвести одну фразу мистера Тейлора так, чтобы передать её как следует, но звучала она примерно так: «Некоторые из вас не продвигаются в божественной жизни, потому что проходят немного вперёд, а потом снова плывут назад: совсем как судно на реке с приливами и отливами — оно спускается по течению ровно настолько, чтобы следующий прилив опять отнёс его обратно. Вот и вы некоторое время хорошо идёте вперёд, а потом вдруг…» — что же он сказал? — «…застреваете в какой-нибудь грязной заводи». Не он ли

также передавал нам слова примерно такого содержания: «Он был уверен, что, если они обратятся, то станут ходить прямо и не будут пускать своих бычков в соседские посевы»? Если время от времени прибегать к такой неожиданности, слушатели будут сохранять должное ожидание. В прошлом году примерно в эту пору я сидел на берегу Средиземного моря в Ментоне. Волны поднимались и опускались очень тихо: приливов там почти нет, а ветра не было. Они лениво набегали одна за другой; я почти не замечал их, хотя они плескались у самых моих ног. Внезапно море, словно охваченное новым порывом, послало далеко на берег одну большую волну, и она промочила меня насквозь. Можете представить, как быстро я вскочил и как скоро кончились мои мечтания, хотя до того я сидел совершенно спокойно. Я сказал находившемуся рядом брату-служителю: «Вот как нам следует проповедовать: чтобы разбудить людей, надо поразить их чем-нибудь неожиданным». Братья, заставайте их врасплох. Пусть ваша молния ударит с ясного неба. Когда всё тихо и светло, пусть налетит буря, и её грозность станет ещё сильнее от этого контраста. Однако помните: ничто не поможет, если вы сами спите во время проповеди. Разве такое возможно? Ещё как возможно! Это происходит каждое воскресенье. Многие служители всю проповедь проводят более чем в полусне; в сущности, они никогда и не просыпались и, вероятно, не проснутся, пока возле самого уха не выстрелят из пушки. Вялые фразы, затёртые выражения и унылое однообразие голоса составляют основу их речей, а они удивляются, почему слушателей так клонит в сон. Признаюсь, меня это не удивляет.

[24] Очень полезное средство привлечь внимание — пауза. Время от времени резко придерживайте лошадей, и

пассажиры вашего дилижанса проснутся. Пока мельничные колёса вращаются, мельник спит; но стоит по какой-нибудь причине прекратиться помолу, как добрый человек вскакивает с криком: «Что случилось?» В душный летний день, когда ничем не отогнать дремоту, говорите очень коротко, пойте больше обычного или предложите одному-двум братьям помолиться. Один служитель, видя, что люди всё равно засыпают, сел со словами: «Я увидел, что все вы отдыхаете, и решил тоже отдохнуть». Эндрю Фуллер едва начал проповедь, как заметил, что слушатели засыпают. Он сказал: «Друзья, друзья, друзья, так дело не пойдёт. Иногда, когда вы спали, я думал, что виноват я; но теперь вы заснули ещё до того, как я начал, и вина, должно быть, ваша. Прошу вас, проснитесь и дайте мне возможность принести вам хоть какую-нибудь пользу». Именно так. Учитесь делать паузы. Возьмите за правило вставлять в речь пробуждающие промежутки тишины. Речь — серебро, но молчание — золото, когда слушатели невнимательны. Если всё тянуть, тянуть и тянуть банальную речь одним и тем же голосом, вы лишь качаете колыбель и погружаете людей в более глубокий сон; резко встряхните колыбель — и сон улетучится.

[25] Ещё один мой совет: чтобы удержать внимание на протяжении всей проповеди, надо дать людям почувствовать, что наши слова касаются их собственных интересов. Это, в сущности, чрезвычайно важно, потому что никто не спит, ожидая услышать что-нибудь себе на пользу. Мне доводилось слышать о весьма странных вещах, но я ещё не слышал, чтобы человек заснул при чтении завещания, по которому рассчитывает получить наследство; не слышал я и о подсудимом, заснувшем, когда судья подводит итоги разбирательства и его жизнь висит на волоске. Личная заинтересованность обостряет

внимание. Проповедуйте о практических вещах, о насущном, о настоящем, о том, что касается каждого лично, — и вас будут слушать внимательно.

26 Хорошо было бы не позволять служителям порядка ходить по проходам, чтобы возиться с газовыми светильниками или свечами, разносить тарелки для пожертвований или открывать окна. Снующие по залу диаконы и церковные сторожа — это пытка, которую вовсе не следует терпеливо сносить; их надо любезно, но решительно просить прекратить прогулки.

27 Нужно также бороться с опозданиями, пуская в ход самые мягкие доводы и увещания. Я убеждён, что ко многим помехам в собрании, которые действуют нам на нервы и рассеивают мысли, прикладывает руку дьявол: хлопок дверцы церковной скамьи, резкий стук упавшей на пол трости, крик ребёнка — всё это удобные орудия в руках лукавого, мешающие нашему труду. Поэтому мы имеем полное право просить слушателей оградить плодотворность нашего служения от подобных нападений.

28 Вначале я дал вам золотое правило привлечения внимания: всегда говорите то, что стоит слушать. Теперь дам правило алмазное и на том закончу. Сами облекитесь Духом Божьим — и вопрос о внимании или невнимании вовсе не возникнет. Приходите прямо из молитвенного уединения и общения с Богом, чтобы от всего сердца и всей души говорить людям от Бога, — и вы непременно будете иметь над ними силу. В ваших устах окажутся золотые цепи, которые крепко удержат их. Когда говорит Бог, люди должны слушать; и хотя Он может говорить через такого же слабого, ничтожного человека, как они сами, величие истины заставит их внимать Его голосу.

Полагайтесь на сверхъестественную силу. Мы говорим вам: совершенствуйтесь в красноречии, возделывайте все области знания, сделайте свою проповедь такой, какой она должна быть по мысли и по форме, — в таком служении нельзя требовать от себя меньшего. Но в то же время помните: люди возрождаются и освящаются «не воинством и не силою», а «Духом Моим, говорит Господь». Разве не бывает, что вы чувствуете себя словно одетыми в ревность, как в плащ, и до краёв исполненными Духом Божьим? В такие часы перед вами были слушающие люди, а вскоре и верующие. Но если вы не облечены этой силой свыше, то для них вы всего лишь музыкант, хорошо играющий на прекрасном инструменте или чистым голосом поющий сладкую песню: звук достигает ушей, но не сердца. Если вы не коснётесь сердца, скоро наскучите и слуху. Итак, облекитесь силой Духа Божьего и проповедуйте людям как те, кому вскоре предстоит дать отчёт и кто желает, чтобы этот отчёт не принёс боли их слушателям и скорби им самим, но послужил славе Божьей.

[29] Братья, да будет с вами Господь, когда вы пойдёте во имя Его и возгласите: «Кто имеет уши слышать, да слышит».

Лекция 10. Способность говорить без подготовки

[1] Мы не собираемся сейчас обсуждать, следует ли писать проповеди и читать их с листа, писать, заучивать и произносить по памяти, пользоваться подробными заметками или обходиться вовсе без них. Всё это не составляет предмета нынешней беседы, хотя попутно мы, возможно, коснёмся каждого из этих способов. Сейчас же мы будем говорить об импровизированной речи в самом точном и полном смысле: о речи экспромтом, без особой подготовки, без заметок и без предварительного обдумывания непосредственно перед выступлением.

[2] Прежде всего заметим: мы никому не рекомендуем делать такой способ проповеди общим правилом. Полагаю, поступающий так наверняка преуспеет в создании пустоты в своём молитвенном доме; его дар рассеивать собрание проявится со всей очевидностью. Мысли, возникающие без предварительного труда, без изучения и исследования самого предмета, неизбежно окажутся весьма низкого качества даже у выдающихся людей. А поскольку никто из нас не осмелится прославлять себя как гения или чудо учёности, боюсь, что наши неподготовленные мысли о большинстве предметов не будут особенно заслуживать внимания. Церкви нельзя удержать вместе без поучительного служения; одного заполнения времени ораторством недостаточно. Повсюду люди просят, чтобы их питали, питали по-настоящему. Новомодные религиозные общества, чьи богослужения состоят из выступлений любого брата, которому вздумается вскочить и заговорить, обычно уменьшаются и угасают, хотя их порядки и льстят невежественным

любителям поболтать. Ведь даже люди самых причудливых убеждений, воображающие, будто Дух желает видеть каждый член тела устами, быстро теряют терпение, слушая чужую чепуху, хотя с удовольствием изливают собственную. Большинство же добрых людей устаёт от скучного невежества и возвращается в церкви, от которых их увели, — или вернулось бы, если бы с тамошних кафедр преподавали основательное учение. Даже квакерство, при всех его достоинствах, едва смогло пережить ту скудость мысли и учения, которую во многих его собраниях обнаруживали ораторы-импровизаторы. Служение без подготовки несостоятельно и на практике, и в теории. Святой Дух нигде не обещал давать святым духовную пищу через неподготовленное служение. Он никогда не станет делать за нас то, что мы можем сделать сами. Если мы можем учиться и не учимся, можем иметь усердно готовящихся служителей и не хотим их иметь, то не вправе призывать божественную силу восполнять недостатки нашей лености или причуд. Бог Промысла обещал питать Свой народ земной пищей; но если бы мы собрались на пир, а никто не приготовил ни одного блюда, потому что все верили, будто Господь даст пищу в тот самый час, пир едва ли оказался бы удачным: голод обличил бы наше безумие. Так, в сущности, и бывает на духовных пирах-экспромтах; только духовные органы восприятия человека далеко не так красноречивы, как его желудок. Господа, не пытайтесь делать своим правилом порядок, который настолько повсеместно бесплоден, что редкие исключения лишь подтверждают правило. Каждая проповедь должна быть хорошо продумана и подготовлена проповедником. Насколько возможно, всякому служителю следует с усердной молитвой о небесном руководстве глубоко входить в предмет,

напрягать все умственные силы для самостоятельного размышления и собирать все доступные сведения. Рассмотрев предмет со всех сторон, проповедник должен обдумать его, тщательно пережевать и усвоить; сначала сам напитавшись Словом, он затем приготовит такую же пищу другим. Наши проповеди должны быть жизненной кровью нашего ума — излиянием наших умственных и духовных сил; или, если сменить образ, хорошо огранёнными и оправленными алмазами: драгоценными сами по себе и несущими на себе следы труда. Не дай Бог приносить Господу то, что ничего нам не стоило.

[3] Я самым решительным образом предостерегаю всех вас от чтения проповедей с листа, но настоятельно рекомендую часто их писать: это весьма полезное упражнение и большая помощь в приобретении способности говорить без текста. Тем из нас, кто много пишет в иных жанрах — для печати и тому подобного, — это упражнение, возможно, не столь необходимо; но если вы иначе не пользуетесь пером, будет разумно записывать хотя бы некоторые свои проповеди и очень тщательно их исправлять. Потом оставляйте их дома, но всё-таки записывайте, чтобы уберечь себя от неряшливого слога. Господин Ботен в своей превосходной книге о речи без подготовки замечает: «Вы никогда не сумеете как следует говорить публично, пока не овладеете собственной мыслью настолько, чтобы уметь разлагать её на части, анализировать её элементы, а затем, при надобности, вновь составлять, собирать и сосредоточивать её путём синтеза. Такой анализ идеи, который словно развёртывает её перед мысленным взором, хорошо удаётся лишь на письме. Перо — это скальпель, рассекающий мысли; только записав то, что вы видите внутренним взором, вы сможете ясно различить всё заключённое в замысле и

точно определить его пределы. Тогда вы понимаете сами себя и даёте понять себя другим».

[4] Мы не рекомендуем заучивать проповеди и воспроизводить их по памяти: это одновременно утомительное упражнение одной из низших способностей ума и ленивое пренебрежение другими, высшими способностями. Самый трудный и похвальный способ — наполнить ум содержанием, относящимся к предмету речи, а затем изложить его подходящими словами, которые приходят в самый момент выступления. Это не проповедь без подготовки: экспромтом возникают слова — как, по моему убеждению, и должно быть всегда, — но мысли являются плодом исследования и учения. Лишь люди, не привыкшие думать, считают такой способ лёгким. Он одновременно самый трудоёмкий и самый действенный; у него есть собственные достоинства, о которых я сейчас не могу подробно говорить, потому что это увело бы нас в сторону.

[5] Наш предмет — способность говорить совершенно, безусловно, в подлинном смысле слова без подготовки; к ней и вернёмся. Эта способность чрезвычайно полезна, и в большинстве случаев её можно приобрести при некотором прилежании. Ею обладают многие, но всё же не настолько многие, чтобы я ошибся, назвав этот дар редким. Итальянские импровизаторы (improvisatori) владели им в такой степени, что их стихи на темы, тут же предложенные зрителями, нередко насчитывали сотни и даже тысячи строк. Они создавали целые трагедии с такой же непосредственностью, с какой родники изливают воду, и рифмовали по полчаса и по часу подряд, подгоняемые вдохновением минуты, а возможно, и небольшим количеством итальянского вина. Их печатные

произведения редко возвышаются над посредственностью, и всё же один из них, Перфетти, получил лавровый венок, которым прежде были увенчаны лишь Петрарка и Тассо. Многие из них и сейчас с ходу сочиняют стихи, вполне отвечающие уровню слушателей и заставляющие тех внимать, затаив дыхание. Почему бы нам не приобрести такую же способность в прозе? Стихи мы, полагаю, сочинять не научимся, да и желать этого дара незачем. Многие из вас, несомненно, немного писали стихи — кто из нас не делал этого в минуту слабости? — но теперь мы оставили младенческое: суровая проза жизни и смерти, неба и ада, погибающих грешников требует всех наших мыслей.[41]

[6] Многие адвокаты в высокой степени обладают даром речи без подготовки. Должны же и у них быть какие-нибудь добродетели! Несколько недель назад одного несчастного обвинили в ужасном преступлении — клевете на адвоката. Ему повезло, что судьёй был не я: если бы столь трудное и чудовищное преступление было действительно доказано, я отдал бы его на перекрёстный допрос до конца его естественной жизни, из милосердия надеясь, что она окажется недолгой. Но многие представители адвокатуры и впрямь говорят с большой лёгкостью; и, как вы понимаете, в значительной мере они должны говорить без подготовки, потому что невозможно всегда заранее предвидеть, какого хода рассуждений потребуют показания свидетелей, настроение судьи или доводы противоположной стороны. Как бы хорошо ни было подготовлено дело, непременно возникнут вопросы, для разрешения которых нужны деятельный ум и беглая речь. Право, меня поражали остроумные, меткие и во всех отношениях уместные ответы, которые адвокаты дают в наших судах без предварительного обдумывания. То, что

адвокат способен сделать, защищая дело своего доверителя, мы с вами, безусловно, должны уметь делать ради дела Божьего. Нельзя допустить, чтобы адвокатура превосходила кафедру. С Божьей помощью мы будем владеть оружием ума не хуже любых других людей, кем бы они ни были.

7 Некоторые члены палаты общин применяли способность говорить без подготовки с большим успехом. Правда, из всех испытаний для слушателя самое тяжёлое обычно — слушать одного из рядовых ораторов палаты лордов или палаты общин. Можно было бы предложить, чтобы после отмены смертной казни осуждённых за убийство заставляли слушать избранные выступления самых скучных парламентских ораторов. Члены Королевского гуманного общества воспротивились бы этому. И всё же в палате есть люди, способные говорить без подготовки и говорить хорошо. Думаю, некоторые из лучших слов Джона Брайта, Гладстона и Дизраэли были именно тем, что Саути назвал бы струями великого гейзера, когда источник действует во всю силу. Конечно, их пространные речи о бюджете, законопроекте о реформе и прочем заранее подвергались самой тщательной обработке; но многие короткие выступления, несомненно, рождались в самую минуту произнесения и всё же обладали поразительной силой. Неужели представители народа достигнут большего мастерства речи, чем представители небесного двора? Братья, усердно ревнуйте об этом добром даре и трудитесь, чтобы его приобрести.

8 Все вы убеждены, что обсуждаемая нами способность была бы бесценным достоянием служителя. Не послышался ли нам шёпот какого-нибудь сердца: «Вот бы

мне её иметь — тогда не пришлось бы так усердно учиться»? Ах, в таком случае вам её давать нельзя: вы недостойны этого блага, и доверять его вам опасно. Если вы ищете этот дар как подушку для ленивой головы, то жестоко ошибаетесь: обладание такой благородной силой потребует огромного труда, чтобы её развивать и даже просто сохранять. Она подобна волшебной лампе из сказки, которая светила, лишь когда её хорошенько натирали, а стоило перестать тереть — превращалась в тусклый шар. Однако то, чего ленивец желает ради покоя, мы можем желать по самым достойным причинам.

[9] Иногда случается слышать или читать о людях, которые ради похвальбы соглашались проповедовать на текст, предложенный им лишь на самой кафедре или в ризнице. Такое тщеславное хвастовство отвратительно и граничит с кощунством. С тем же успехом можно было бы устраивать в день Господень представления фокусников, как допускать подобное ораторское шарлатанство. Наши способности даны нам совсем для иных целей. Надеюсь, вам никогда не будет попущено так проституировать свой дар. Речевые трюки ещё допустимы в дискуссионном клубе, но в служении они отвратительны, даже если до них снисходит сам Боссюэ.

[10] Способность говорить экспромтом бесценна потому, что позволяет человеку в непредвиденных обстоятельствах сразу найти уместные слова. Такие обстоятельства непременно возникнут. Даже в самых благоустроенных собраниях случаются неожиданности. Необычное событие может совершенно отвести ваши мысли от заранее намеченного русла. Вы ясно увидите, что выбранная тема сейчас неуместна, и, как разумный человек, без возражений перейдёте к другой. Когда

старая дорога закрыта и остаётся лишь проложить экипажу новый путь, вы рискуете слететь с козел и причинить несчастье пассажирам, если не умеете править лошадьми по пахоте так же, как по шоссе, по которому рассчитывали ехать. Большое преимущество — уметь на общем собрании, выслушав выступления братьев и найдя их слишком легкомысленными или, напротив, слишком унылыми, без всяких намёков на них спокойно исправить причинённый вред и направить собрание к более полезным размышлениям. Этот дар может иметь величайшее значение и на церковном деловом собрании, где возникают вопросы, которые трудно предвидеть. Ещё не вымерли все возмутители Израиля. Ахана побили камнями, а также его жену и детей, но другие члены его рода, должно быть, уцелели: порода эта несомненно продолжилась, и обращаться с нею нужно рассудительно и твёрдо. В некоторых церквах непременно встают и выступают шумливые люди, и тогда крайне важно, чтобы пастор сразу и убедительно ответил, иначе останется дурное впечатление. Пастор, приходящий на церковное собрание в духе своего Учителя, уверенный, что с упованием на Святого Духа сумеет ответить любому строптивцу, сидит спокойно, владеет собой, при каждом случае приобретает больше уважения и обеспечивает мир в церкви. Ненаходчивый же брат теряется, вероятно, выходит из себя, связывает себя неосторожными словами и получает в наследство целый мир скорбей. Кроме того, человека могут попросить проповедовать совершенно внезапно, если ожидаемый служитель не приехал или неожиданно заболел; на общем собрании он может почувствовать побуждение заговорить, хотя решил молчать; и при любом религиозном занятии могут

возникнуть обстоятельства, в которых речь без подготовки будет драгоценна, как золото Офира.

11 Дар ценен — но как его приобрести? Этот вопрос заставляет заметить, что некоторые люди не приобретут его никогда. Для речи без подготовки нужна природная пригодность, как и для поэтического искусства: поэтами рождаются, а не становятся. «Искусство может развить и усовершенствовать талант оратора, но не может создать его». Все правила риторики и все приёмы ораторского искусства не сделают человека красноречивым: это дар неба, и там, где он не дан, приобрести его нельзя. Некоторые рождаются с тем, что мы называем «даром слова», вероятно, унаследовав его по материнской линии.[42] Другим этот дар не достался: устройство их челюсти, а ещё больше — устройство мозга никогда не позволит им стать свободными и находчивыми ораторами. Возможно, из них выйдут сносные заики и медлительные излагатели здравой истины, но ораторами-импровизаторами они никогда не станут; разве что сравняются годами с Мафусалом — тогда, быть может, по дарвиновской теории, выводящей архиепископа Кентерберийского из устрицы, они и разовьются в ораторов. Брат, не имеющий природного ораторского дара, может занять почётное место в других областях, но в речи без подготовки ему едва ли суждено сиять особенной яркой звездой.

12 Кто хочет говорить без непосредственной подготовки, тот обычно должен много готовиться. Возможно, это парадокс, но объяснение лежит на поверхности. Если я мельник, ко мне приносят мешок и просят за ближайшие пять минут наполнить его хорошей тонко смолотой мукой, то выполнить просьбу я могу лишь одним способом:

всегда держать мучной закром полным, чтобы сразу раскрыть мешок, наполнить и отдать. В данную минуту я не мелю, и в этом смысле выдача происходит без подготовки; но я молол раньше, поэтому у меня есть мука для покупателя. Так и вы, братья, должны были молоть прежде, иначе муки не будет. Вы не сможете экспромтом высказывать хорошие мысли, если не привыкли мыслить и питать ум обильной, питательной пищей. Усердно трудитесь в каждую свободную минуту. Щедро наполняйте сокровищницы ума — и тогда, подобно купцам с переполненными складами, будете иметь готовый товар для покупателей. Разложив своё добро по полкам памяти, вы в любой момент сможете достать его без трудоёмкого похода на рынок, сортировки, складывания и приготовления. Я не верю, что кто-нибудь способен долго и успешно сохранять дар речи без подготовки, если обычно не трудится гораздо больше тех, кто записывает выступления и заучивает их наизусть. Примите за правило без исключений: чтобы свободно переливаться через край, надо быть полным.

[13] Чрезвычайно полезно накопить запас мыслей и выражений. И в том, и в другом можно быть богатым или бедным. Человек, располагающий большим запасом сведений, хорошо упорядоченных, глубоко понятых и близко ему знакомых, сможет, подобно баснословно богатому князю, разбрасывать золото направо и налево в толпу. Вам, господа, совершенно необходимо близко знать Слово Божье, внутреннюю духовную жизнь, великие вопросы времени и вечности. От избытка сердца говорят уста. Приучайтесь к небесным размышлениям, исследуйте Писания, находите удовольствие в законе Господнем — и не нужно будет бояться говорить о том, что вы сами вкусили и осязали в благом Слове Божьем.

Люди вполне могут быть медленны в речи, когда обсуждают то, что выходит за пределы их опыта; но у вас, согретых любовью к Царю и наслаждающихся общением с Ним, сердце будет изливать доброе слово, а язык станет тростью скорописца. Проникайте к корням духовных истин, познавая их на собственном опыте, — тогда вы будете легко разъяснять их другим. Невежество в богословии на наших кафедрах не редкость; удивительно не то, что так мало людей говорят без подготовки, а то, что при такой нехватке богословов их всё же так много. Великих проповедников не будет, пока не появятся великие богословы. Нельзя построить военный корабль из смородинового куста; нельзя и вырастить великих проповедников, потрясающих души, из поверхностных учеников. Если хотите говорить бегло, то есть изливаться свободным потоком, исполнитесь всякого знания, и особенно познания Христа Иисуса, вашего Господа. Но мы заметили, что оратору-импровизатору очень поможет и запас выражений; действительно, после запаса мыслей по значению идёт богатый словарь. Красоты языка, изящные обороты, а прежде всего сильные фразы следует отбирать, запоминать и брать за образец. Это не значит, что нужно носить с собой золотой карандашный футляр и записывать каждое многосложное слово, встреченное при чтении, чтобы вставить его в следующую проповедь. Но нужно знать значение слов, уметь оценить силу синонима, расслышать ритм фразы и взвесить действие усилительного слова. Вы должны владеть словами; пусть они будут вашими джиннами, вашими ангелами, вашими молниями или каплями мёда. Простые собиратели слов копят устричные раковины, бобовую шелуху и яблочную кожуру; но для человека с широкими знаниями и глубокой мыслью слова — серебряные корзины, в которых

он подаёт свои золотые яблоки. Позаботьтесь о хорошей упряжке слов, которая повезёт повозку ваших мыслей.

14 Думаю также, что желающий хорошо говорить без подготовки должен непременно выбирать тему, которую понимает. Это главное. С тех пор как я поселился в Лондоне, я, желая привыкнуть к речи экспромтом, никогда ничего не изучал и не готовил специально для молитвенного собрания в понедельник вечером. Всё это время я избирал его случаем для неподготовленного увещания. Но заметьте: я не берусь тогда за трудные для толкования тексты или отвлечённые вопросы, а ограничиваюсь простой, задушевной беседой об основах нашей веры. Вставая в таком случае, мысленно оглядываешься и спрашиваешь себя: «Какой предмет сегодня уже занимал мои мысли? Что я встретил в чтении за прошедшую неделю? Что сейчас особенно лежит у меня на сердце? Что подсказывают гимны или молитвы?» Бесполезно вставать перед собранием в надежде получить вдохновение на предмет, о котором ничего не знаешь. Если вы поступите так неразумно, то результат будет прост: поскольку вы ничего не знаете, скорее всего, ничего и скажете, а люди не получат назидания. Но я не вижу, почему человек не может без подготовки говорить о предмете, который вполне понимает. Любой торговец, хорошо знающий своё дело, объяснит его вам без необходимости удаляться для размышлений; и уж конечно, нам следует не хуже знать первые начала нашей святой веры. Мы не должны теряться, когда нас просят говорить о том, что составляет ежедневный хлеб нашей души. Я не вижу, какую пользу принесёт в таком случае одна механическая работа — записать речь перед произнесением: ведь и писать человек будет экспромтом, а неподготовленный письменный текст, вероятно,

окажется ещё слабее неподготовленной речи. Польза записи состоит в возможности тщательной правки; но как умелые писатели способны правильно выразить мысль с первого раза, так способны на это и умелые ораторы. Мысль человека, вставшего и развивающего хорошо знакомую тему, далеко не обязательно впервые пришла ему в голову: это могут быть сливки его размышлений, согретые сердечным теплом. Хорошо изучив предмет раньше, хотя и не непосредственно перед выступлением, он может говорить весьма сильно; другой же, сев за стол, лишь записывает первые пришедшие мысли, которые могут быть смутны и пресны. Итак, не пытайтесь говорить без подготовки, если прежде хорошо не изучили тему: этот парадокс — совет благоразумия. Помню, однажды мне пришлось выдержать довольно суровое испытание; не будь я привычен к речи экспромтом, не знаю, как бы всё обернулось. Меня ожидали с проповедью в одной часовне; собралось много народа, но я опаздывал из-за какой-то задержки на железной дороге. Поэтому другой служитель начал богослужение, а когда я добежал туда, совсем запыхавшись, он уже произносил проповедь. Увидев, как я вошёл в главную дверь и пошёл по проходу, он остановился: «Вот и он», — а затем, глядя на меня, добавил: «Уступаю тебе место; поднимайся и заканчивай проповедь». Я спросил, какой у него текст и до какого места он дошёл. Он назвал текст и сказал, что только что закончил первый пункт; я без колебаний продолжил с этого места и закончил проповедь. И мне было бы стыдно за любого из присутствующих здесь, кто не смог бы сделать того же: обстоятельства делали задачу необыкновенно лёгкой. Во-первых, служитель был моим дедом; во-вторых, текст звучал так: «Благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар». Кто в

такой момент не обрёл бы дара речи, был бы глупее животного, на котором ехал Валаам. Слова «благодатью вы спасены» уже были разобраны как указание на источник спасения; кто не сумел бы затем объяснить слова «через веру» как путь, по которому оно приходит? Не требовалось долгой учёбы, чтобы показать: спасение принимается нами через веру. Но в тот день меня ждало ещё одно испытание. Когда я немного продвинулся и стал входить во вкус, чья-то рука одобрительно похлопала меня по спине и голос произнёс: «Правильно, правильно; скажи им это ещё раз, а то забудут». Я повторил эту истину. Немного позднее, когда я довольно глубоко заговорил о духовном опыте, меня мягко потянули за фалду, и старый джентльмен встал передо мной со словами: «Мой внук может рассказать вам об этом теоретически, а я здесь, чтобы засвидетельствовать это на собственном опыте. Я старше его и должен дать вам свидетельство старика». Рассказав о пережитом, он сказал: «Ну вот, мой внук может проповедовать Евангелие гораздо лучше меня, но лучшего Евангелия он проповедовать не может, правда?» Господа, я легко могу представить, что без некоторого навыка речи экспромтом тогда растерялся бы; но всё прошло так естественно, словно было устроено заранее.

[15] Изучение другого языка служит прекрасной тренировкой для речи без подготовки. Соприкасаясь с корнями слов и правилами речи, будучи вынужден замечать различия — differentia — двух языков, человек постепенно начинает свободно обращаться с частями речи, наклонениями, временами и окончаниями; как мастер, он узнаёт свои инструменты и пользуется ими как повседневными спутниками. Я не знаю упражнения лучше, чем как можно быстрее перевести отрывок из Вергилия или Тацита, а затем неспешно исправить

ошибки. Несведущие люди считают всё время, проведённое за классиками, потерянным; но даже ради одной пользы таких занятий для духовного оратора их следовало бы сохранить во всех наших высших учебных заведениях. Кто не видит, что постоянное сравнение слов и оборотов двух языков должно облегчать выражение мысли? Кто, кроме того, не видит, что благодаря этому упражнению ум учится ценить тонкости и оттенки значения и приобретает способность различать то, что действительно различно, — способность, необходимую и толкователю Слова Божьего, и тому, кто без подготовки возвещает Его истину? Учитесь, господа, собирать и разбирать весь механизм языка, отмечайте каждый зубец, каждое колесо, каждый болт и стержень — и вы будете свободнее управлять машиной, даже на скорости экспресса, если того потребуют обстоятельства.

[16] Всякий желающий овладеть этим искусством должен упражняться. Как говорит Бёрк, Чарльз Фокс лишь постепенно стал самым блестящим и сильным участником прений из когда-либо живших. Он приписывал свой успех решению, принятому в ранней молодости: хорошо ли, плохо ли, но выступать хотя бы один раз каждый вечер. «На протяжении целых пяти сессий, — говорил он, — я выступал каждый вечер, кроме одного, и жалею лишь о том, что не выступил и в тот вечер». Поначалу можно говорить перед одними стульями и книгами своего кабинета, подражая джентльмену, который, поступая в наш колледж, заверил меня, что два года упражнялся в проповеди без подготовки в собственной комнате. Студенты, живущие вместе, могут очень помочь друг другу, поочерёдно выступая то слушателями, то ораторами и завершая каждую попытку небольшой дружеской критикой. И беседа может оказать

существенную помощь, если взять за правило делать её содержательной и назидательной. Нужно соединить мысль с речью — вот задача; в её решении человеку поможет привычка размышлять вслух наедине. Я настолько к этому привык, что при личном молитвенном общении нахожу очень полезной возможность молиться голосом; чтение вслух приносит мне больше пользы, чем молчаливое; а когда я мысленно разрабатываю проповедь, мне легче проговаривать рождающиеся мысли. Конечно, так преодолевается лишь половина затруднения: чтобы победить волнение при виде аудитории, необходимо упражняться публично. Но половина пути — уже немалая часть путешествия. Хорошая речь экспромтом — это просто высказывание опытного мыслителя: знающий человек размышляет стоя и позволяет своим мыслям выходить через рот на вольный воздух. Когда вы одни, старайтесь как можно больше думать вслух — и вскоре окажетесь на прямой дороге к успеху в этом деле. Следующая чрезвычайно важная ступень — обсуждения и прения в классе; я особенно призываю застенчивых братьев участвовать в них. У вас уже введён обычай предлагать выступление на тему, вытянутую наугад из чаши с большим числом записок, и нам следует прибегать к нему чаще. То, что я осудил как часть богослужения, мы вполне можем использовать между собой как учебное упражнение. Оно испытывает находчивость и самообладание, и те, кто не справляется, вероятно, получают не меньше пользы, чем успешные: самопознание может быть одному столь же полезно, как другому практика. Если открытие, что вы пока неумелый оратор, побудит вас усерднее учиться и решительнее стараться, оно может оказаться верным путём к будущему мастерству.

[17] Помимо рекомендованных упражнений, я должен настойчиво указать на необходимость спокойствия и уверенности. Как говорит Сидни Смит: «Мир теряет немало талантов из-за нехватки чуточки мужества». Молодому оратору приобрести это нелегко. Разве вы, молодые ораторы, не можете посочувствовать канатоходцу Блондену? Разве во время проповеди вам порой не кажется, что вы идёте по канату высоко над землёй, и разве вы не дрожите, спрашивая себя, доберётесь ли благополучно до другого конца? Случалось ли вам, размахивая красивым шестом для равновесия и любуясь блёстками метафор, которые озаряют слушателей поэзией, уже почти жалеть, что вы подверглись риску внезапного падения? Или, оставив образ, разве вы не тревожились, удастся ли закончить предложение, найти сказуемое к подлежащему или дополнение к глаголу? Всё зависит от того, сохраняете ли вы спокойствие и невозмутимость. Предчувствие неудачи и страх перед людьми погубят вас. Продолжайте, уповая на Бога, — и всё будет хорошо. Если вы допустили грамматическую ошибку и уже собираетесь вернуться, чтобы её исправить, то вскоре сделаете новую, а заминка опутает вас, как сеть. Позвольте шепнуть — это предназначено лишь для вашего уха: возвращаться назад всегда плохо. Оговорились — продолжайте и не обращайте внимания. Когда я учился писать, отец дал мне очень хорошее правило, которое, думаю, не менее полезно и для обучения речи. Он говорил: «Если, когда пишешь, ошибёшься в написании слова или напишешь не то слово, не зачёркивай и не разводи грязь; лучше подумай, как проще изменить задуманную фразу, чтобы включить в неё написанное и не оставить следа ошибки». Так и в речи: если предложение не получается закончить

наилучшим образом, закончите его иначе. Возвращаться для исправления почти бесполезно: вы привлекаете внимание к изъяну, который, возможно, мало кто заметил, и отвлекаете ум от предмета к своему языку, а именно этого проповеднику менее всего следует делать. Если же вашу оговорку (lapsus linguae) заметят, всякий разумный человек простит молодого новичка и скорее будет уважать вас за то, что вы не придаёте таким промахам большого значения, а всем сердцем стремитесь к главной цели. Новичок в публичной речи похож на неопытного всадника: если лошадь споткнулась, он боится, что она упадёт и перебросит его через голову; если она немного резва, он уверен, что она понесёт. А взгляд приятеля или замечание мальчишки сделают его таким несчастным, словно он привязан к спине большого красного дракона. Но привычный всадник не видит опасностей и не встречает их, потому что его смелость предотвращает их. Когда оратор чувствует: «Я владею положением», — обычно так и есть. Его уверенность предупреждает бедствия, которые непременно вызвала бы дрожь. Братья мои, если Господь действительно поставил вас на служение, у вас есть наилучшие основания быть смелыми и спокойными: кого вам бояться? Вы должны исполнить поручение Господа по мере данных Им сил, а исполнив его, отвечаете только перед небесным Учителем, Который не суровый судья. Вы выходите на кафедру не для того, чтобы блистать красноречием или угождать вкусам слушателей; вы посланники неба, а не слуги людей.[43] Помните слова Господа Иеремии и бойтесь бояться: «А ты препояшь чресла твои и встань, и скажи им всё, что Я повелю тебе; не малодушествуй пред ними, чтобы Я не поразил тебя в глазах их» (Иер. 1:17). Уповайте на помощь Святого Духа

в эту самую минуту, и страх перед людьми, ставящий сеть, оставит вас. Когда вы будете чувствовать себя на кафедре как дома, сможете оглянуться и говорить с людьми, как брат с братьями, тогда сможете и импровизировать, но не раньше. Застенчивость и робость, столь прекрасные в наших младших братьях, уступят место истинной скромности, которая забывает о себе и не тревожится о собственной репутации, лишь бы Христос был проповедан с наибольшей доступной силой.

[18] Чтобы пользоваться речью без подготовки свято и с пользой, христианский служитель должен воспитывать в себе детское доверие к непосредственной помощи Святого Духа. «Верую в Духа Святого», — говорит Символ веры. Есть основания опасаться, что для многих это не стало действительным предметом веры. Всю неделю ходить туда-сюда и тратить время впустую, а потом положиться на помощь Духа — нечестивое самонадеянное дерзновение, попытка заставить Господа служить нашей лености и потаканию себе. Но в непредвиденных обстоятельствах дело обстоит совершенно иначе. Когда человек неизбежно оказывается призван говорить без всякой подготовки, он может с полной уверенностью положиться на Духа Божьего. Божественный разум, без сомнения, соприкасается с человеческим умом, выводит его из слабости и растерянности, даёт ему высоту и силу, позволяет понимать и выражать божественную истину так, как собственными силами было бы невозможно. Такие вмешательства, подобно чудесам, предназначены не для замены наших усилий или ослабления нашего прилежания; это помощь Господа, на которую мы можем рассчитывать в крайней нужде. Его Дух всегда будет с нами, особенно же при тяжёлых требованиях служения. С той же настойчивостью, с какой я советую вам не

прибегать к совершенно неподготовленной речи чаще необходимого, пока вы несколько не созреете в служении, я призываю вас говорить так всякий раз, когда обстоятельства вынуждают, веруя, что в тот самый час вам будет дано, что сказать.

19 Если вам посчастливится приобрести способность говорить без подготовки, помните, пожалуйста: её очень легко утратить. Это поразило меня на собственном опыте, на который я ссылаюсь как на лучшее свидетельство, какое могу предложить. Если два воскресенья подряд я делаю свои заметки немного длиннее и подробнее обычного, то в третий раз обнаруживаю, что мне нужны ещё более длинные. Замечаю также: стоит мне иногда чуть больше опереться на память о заранее обдуманном и меньше импровизировать, чем я привык, как возникает прямая тяга и даже возрастающая потребность в предварительном составлении речи. Если человек начнёт ходить с тростью лишь по прихоти, вскоре она станет ему нужна; если побаловать глаза очками, они скоро потребуют их как постоянного придатка; а если месяц ходить на костылях, к концу этого срока они станут почти необходимы для движения, хотя от природы ноги у вас могут быть вполне крепкими и здоровыми. Дурные привычки создают дурную природу. Нужно постоянно упражняться в импровизации; и если ради удобного случая вы будете часто возвещать Слово в бедных домах, в школьных комнатах наших деревень или двум-трём людям у дороги, ваш успех будет очевиден для всех.[44]

20 Вы избавите себя от немалого удивления и огорчения, если заранее узнаете, что ваша способность выражать мысли будет сильно меняться. Сегодня язык ваш может быть тростью скорописца, а завтра и мысли, и слова

словно скуёт мороз. Всё живое чувствительно и подвержено разнообразным воздействиям; с абсолютной уверенностью можно рассчитывать только на чисто механическое. Не считайте странным, если часто будете ощущать себя неудачником, и не удивляйтесь, если окажется, что именно тогда вы преуспели больше всего. Не ожидайте стать самодостаточными: ни привычка, ни упражнение не сделают вас независимыми от божественной помощи. Если вы сорок девять раз хорошо проповедовали, будучи вызваны без предупреждения, это не даёт основания для самоуверенности в пятидесятый раз: оставь вас Господь — и вы совсем остановитесь. Смена лёгкости и затруднений в речи будет, по благодати Божьей, помогать вам смиренно взирать на Сильного, ожидая силы.

21 Прежде всего берегитесь, чтобы язык не обгонял голову. Остерегайтесь бессильной беглости, многословной скуки и лёгкости в говорении ни о чём. Как приятно услышать, что брат запнулся и остановился, когда понадеялся на свои способности и продолжал говорить, хотя сказать ему было нечего! Пусть такой конец постигнет всех, кто заблуждается в эту сторону. Братья мои, ужасный дар — уметь чрезвычайно долго ничего не говорить. Растянутая бессмыслица, перелицованная банальность, до бесконечности вытянутые общие места и священное хвастовство встречаются достаточно часто и составляют соблазн и позор импровизации. Даже если пустые мысли выражены красиво и облечены в изящные слова, какая от них польза? Из ничего ничего не выходит. Речь без подготовки, за которой не стоит учёба, — облако без дождя, колодец без воды, роковой дар, одинаково вредящий и обладателю, и его пастве. Ко мне обращались

люди, которым я отказывал в приёме в колледж: совершенно лишённые и образования, и сознания собственного невежества, они из-за безграничного самомнения и невероятной говорливости были опасными кандидатами для обучения. Некоторые даже напоминали мне змея из Апокалипсиса, который изверг из пасти воду, словно реку, в таком изобилии, что женщине грозило быть унесённой потоком. Заведённые, как часы, они всё говорят, и говорят, и говорят, пока завод не кончится; блажен, кто меньше всего с ними знаком. Проповеди таких ораторов подобны роли столяра Миляги, игравшего льва.

[22] «Её можно сыграть без подготовки: там только и надо, что рычать». Лучше утратить, а вернее, никогда не иметь дара свободной речи, чем унизиться до простого производителя шума, до живого воплощения Павловой меди звенящей и кимвала звучащего.

[23] Я мог бы сказать ещё многое, если бы расширил тему до того, что обычно называют проповедью без подготовки, то есть до подготовки мыслей проповеди с предоставлением слов самому моменту произнесения. Но это совсем другой вопрос. Хотя некоторые считают такую способность великим достижением, я убеждён, что она — необходимое условие служения на кафедре, а вовсе не роскошь, доступная лишь особому таланту. Однако об этом мы поговорим в другой раз.

Лекция 11. Приступы уныния у служителя

[1] Как о Давиде записано, что в разгар битвы он утомился, так можно сказать обо всех служителях Господа. На большинство из нас находят приступы уныния. Как бы жизнерадостны мы ни были обычно, время от времени нам приходится падать духом. Сильные не всегда полны сил, мудрые не всегда находчивы, храбрые не всегда мужественны, а радостные не всегда счастливы. Возможно, кое-где встречаются железные люди, которым износ не причиняет заметного вреда, но ведь и их разъедает ржавчина. Что же касается обыкновенных людей, Господь знает — и даёт им самим узнать, — что они лишь прах. Зная по крайне мучительному опыту, что такое глубокое душевное уныние, и испытывая его отнюдь не редко и не с большими промежутками, я подумал, что мои размышления об этом могут утешить некоторых братьев. Пусть молодые не воображают, будто с ними случилось нечто необычное, когда ими на время овладела меланхолия; а более печальные пусть узнают, что и человек, которому солнце светило так радостно, не всегда ходил во свете.

[2] Нет необходимости доказывать цитатами из жизнеописаний выдающихся служителей, что большинству, если не всем, выпадали времена страшного упадка сил. Одной жизни Лютера хватило бы на тысячу примеров, а ведь он отнюдь не принадлежал к слабым. Его великий дух часто поднимался на седьмое небо восторга и столь же часто оказывался на краю отчаяния. Даже его смертное ложе не было свободно от бурь: он со слезами погрузился в последний сон, словно большой

измученный ребёнок. Вместо того чтобы умножать примеры, остановимся на причинах, по которым это допускается: почему дети света иногда ходят в густой тьме, почему вестники рассвета порой оказываются в десятикратной ночи.

[3] Не прежде ли всего потому, что они люди? Как люди, они облечены немощью и наследуют скорбь. Хорошо сказал мудрец в апокрифической книге:[45] «Великое бремя назначено всякому человеку, и тяжёлое иго на сынах Адама со дня выхода из чрева матери их до дня возвращения к матери всех: мысли их и страх сердца, помышления о том, чего они ожидают, и день смерти. От сидящего на славном престоле до сидящего внизу на земле и в пепле; от носящего голубой шёлк и венец до одетого в простое полотно — гнев, зависть, смятение, беспокойство, страх смерти и суровость. Всё это постигает и человека, и скот, а нечестивых — всемеро». Благодать ограждает нас от многого из этого, но, поскольку благодати у нас не больше, мы всё ещё страдаем даже от бед, которых можно было бы избежать. И при устроении искупления совершенно ясно, что нам предстоит терпеть немощи: иначе не было бы нужды в обещанном Духе, помогающем нам в них. Иногда нам необходимо поскорбеть. Добрым людям обещана в этом мире скорбь, и служители могут ожидать большей её доли, чем прочие, чтобы научиться сочувствовать страждущему народу Господа и стать подходящими пастырями для немощного стада. Для возвещения Слова можно было бы послать бесплотных духов, но они не смогли бы войти в чувства тех, кто, находясь в этом теле, воздыхает под бременем. Можно было бы поставить благовестниками ангелов, но их небесные свойства лишили бы их способности сострадать невеждам. Можно

было бы создать мраморных людей, но их бесчувственная природа стала бы насмешкой над нашей слабостью и издевательством над нашими нуждами. Всемудрый Бог избрал сосудами Своей благодати людей, подверженных человеческим страстям; отсюда эти слёзы, отсюда недоумения и упадок духа.

4 К тому же большинство из нас в том или ином отношении нездоровы телом. Кое-где встречается старик, который не помнит, чтобы когда-нибудь хоть на день слёг; но подавляющее большинство несёт какую-либо немощь — телесную или душевную. Некоторые телесные недуги, особенно связанные с органами пищеварения, печенью и селезёнкой, бывают обильными источниками уныния; и как бы человек ни боролся с их влиянием, найдутся часы и обстоятельства, когда оно на время одолеет его. Что касается душевных болезней, вполне ли здрав хоть один человек? Разве не все мы немного утратили равновесие? У некоторых умов мрачный оттенок словно составляет неотъемлемую черту их личности; о них можно сказать: «Меланхолия отметила их как своих». Это прекрасные умы, руководимые благороднейшими началами, но чрезвычайно склонные забывать о светлой кайме и помнить только о туче. Такие люди могут петь вместе со старым поэтом:[46]

> 5 Сердца разбиты, арфы без струн;
> Вся наша музыка — вздохи и стоны.
> Песни звучат на напев lachrymae — слёз;
> Муки оставили кожу да кости.

6 Эти немощи могут нисколько не мешать особенной плодотворности человека; возможно даже, божественная мудрость возложила их на него как необходимые качества для своеобразного пути служения. Одни растения

обязаны целительными свойствами болоту, в котором растут; другие — тени, в которой только и способны процветать. Драгоценные плоды производит не только солнце, но и луна. Лодкам нужен не только парус, но и балласт; тормоз на колесе экипажа не помеха, когда дорога идёт под уклон. Вероятно, в некоторых случаях боль развивала гений, выгоняя на свет душу, которая иначе спала бы, как лев в логове. Если бы не сломанное крыло, некоторые затерялись бы в облаках — даже среди тех избранных голубей, которые теперь несут в клюве масличную ветвь и показывают путь к ковчегу. Но если в теле и душе есть причины, предрасполагающие к унынию, неудивительно, что в тёмные минуты сердце им поддаётся. Во многих случаях удивительно другое — и если бы можно было написать историю внутренней жизни, люди это увидели бы: как некоторые служители вообще продолжают трудиться и ещё носят улыбку на лице. У благодати по-прежнему есть победы, у терпения — мученики; они заслуживают не меньшего почтения оттого, что пламя охватывает их дух, а не тело, и их горение невидимо человеческому глазу. Служение Иеремий столь же угодно, как служение Исаий; даже угрюмый Иона — истинный пророк Господа, что Ниневия хорошо испытала на себе. Не презирайте хромых: написано, что они берут добычу; чтите тех, кто изнемогает, но всё же преследует. Лия со слабыми глазами была плодовитее прекрасной Рахили, а скорби Анны — божественнее похвальбы Феннаны. «Блаженны плачущие», — сказал Муж скорбей; пусть никто не считает их иначе, когда слёзы их осолены благодатью. Сокровище Евангелия мы носим в глиняных сосудах, и пусть никто не удивляется, если кое-где в сосуде есть трещина.

[7] Наш труд, когда мы берёмся за него всерьёз, делает нас уязвимыми для приступов уныния. Кто может нести бремя душ, не падая иногда в прах? Страстное желание обращения людей, когда оно не вполне исполняется — а когда оно исполняется вполне? — снедает душу тревогой и разочарованием. Видеть, как подававшие надежду уклоняются в сторону, благочестивые охладевают, исповедующие веру злоупотребляют своими преимуществами, а грешники всё смелее предаются греху, — разве одного этого недостаточно, чтобы повергнуть нас на землю? Царство приходит не так, как нам хотелось бы, досточтимое имя святится не так, как мы желаем, — и об этом мы должны плакать. Как нам не скорбеть, когда люди не верят нашей вести и мышца Господня не открывается? Всякий умственный труд утомляет и угнетает, ибо много учиться — утомительно для тела; но наш труд больше, чем труд ума: это работа сердца, работа самых сокровенных глубин души. Как часто воскресным вечером мы чувствуем, будто жизнь совершенно вымыта из нас! Излив душу перед собранием, мы ощущаем себя пустыми глиняными кувшинами, которые разбил бы ребёнок. Вероятно, будь мы больше похожи на Павла и бодрствуй мы о душах с более возвышенной ревностью, мы лучше знали бы, что значит быть снедаемыми ревностью о доме Господнем. Истощить жизнь ради Иисуса — наш долг и наше преимущество. Мы должны быть не живыми образцами прекрасно сохранившихся людей, а живыми жертвами, чей удел — быть принесёнными без остатка. Нам надлежит тратить и истощать себя, а не бережно укладывать себя на хранение с лавандой и холить плоть. Такие муки души, какие переносит верный служитель, неизбежно приведут порой к истощению, когда изнемогут и сердце, и тело. У Моисея

отяжелели руки в ходатайстве, а Павел восклицал: «И кто способен к сему?» Полагают, что и Иоанн Креститель переживал приступы упадка духа; а апостолы однажды изумлялись и были в великом страхе.

[8] Этому способствует и наше положение в церкви. Служитель, вполне снаряжённый для своего труда, обычно бывает духом одиноким — выше других, дальше других, отдельно от них. Даже самые любящие его люди не могут войти в его особенные мысли, заботы и искушения. В строю идут плечом к плечу среди множества товарищей, но чем выше звание офицера, тем меньше людей стоят с ним на одной ступени. Солдат много, капитанов мало, полковников ещё меньше, а главнокомандующий только один. Так и в наших церквах: человек, которого Господь воздвигает в вожди, становится одиноким в той мере, в какой возвышается над другими. Горные вершины стоят в торжественном отдалении друг от друга и разговаривают лишь с Богом, когда Он посещает их грозное уединение. Люди Божьи, поднимающиеся над собратьями к более близкому общению с небесным, в минуты слабости чувствуют нехватку человеческого сочувствия. Подобно своему Господу в Гефсимании, они напрасно ищут утешения у спящих вокруг учеников; равнодушие небольшой группы братьев поражает их, и они возвращаются к тайной муке с ещё более тяжёлым бременем, потому что нашли самых дорогих товарищей спящими. Только испытавший это знает одиночество души, которая в ревности о Господе Саваофе опередила своих собратьев. Она не смеет раскрыться, чтобы её не сочли безумной; она не может скрыться, потому что в костях её горит огонь; покой она находит лишь перед Господом. Посылая учеников по двое, наш Господь показывал, что знает человеческую природу;

но для такого человека, как Павел, мне кажется, не нашлось равного помощника. Варнава, Сила или Лука были холмами слишком низкими, чтобы вести высокий разговор с такой гималайской вершиной, как апостол язычников. Это одиночество, которое, если я не ошибаюсь, испытывают многие мои братья, — обильный источник уныния; наши братские собрания служителей и развитие святого общения с родственными умами, по благословению Божьему, во многом помогут избежать этой сети.

[9] Едва ли можно сомневаться, что сидячие привычки при определённом складе человека способствуют унынию. Бёртон в «Анатомии меланхолии» посвятил этой причине печали целую главу. Цитируя одного из бесчисленных авторов, к которым он обращается, он говорит: «Учёные пренебрегают своим телом. Другие люди заботятся об орудиях: живописец моет кисти, кузнец смотрит за молотом, наковальней и горном; земледелец чинит железные части плуга и точит топор, если тот затупился; сокольничий или охотник особо заботится о соколах, гончих, лошадях, собаках и прочем; музыкант натягивает и ослабляет струны лютни. Одни учёные пренебрегают орудием, которым пользуются каждый день, — я разумею их мозг и жизненные силы. Хорошо говорит Лукан: “Смотри, не скручивай верёвку так туго, чтобы она лопнула”». Долго сидеть в одной позе, склонившись над книгой или водя пером, — уже само по себе испытание для природы. Но добавьте дурно проветренную комнату, тело, давно не знавшее мышечного движения, и сердце, обременённое многими заботами, — и у нас окажутся все составляющие для кипящего котла отчаяния, особенно в сумрачные туманные месяцы:

[10] Когда день укутан одеялом,
Когда гнилой лес сочится влагой
И лист втоптан в глину.

[11] Пусть человек от природы весел, как птица, — едва ли он сможет год за годом выдерживать такое самоубийственное обращение с собой. Он превратит кабинет в тюрьму, а книги — в тюремщиков, тогда как природа за окном зовёт его к здоровью и манит к радости. Забывающий жужжание пчёл в вереске, воркование лесных голубей, пение птиц среди деревьев, журчание ручьёв в камышах и вздохи ветра в соснах пусть не удивляется, если сердце его разучится петь, а душа отяжелеет. День, проведённый на свежем воздухе среди холмов, или несколько часов прогулки в тенистой тишине букового леса вымели бы паутину из мозга десятков наших тружеников-служителей, которые теперь едва живы. Глоток морского воздуха или энергичная прогулка против ветра не сообщат душе благодати, зато дадут телу кислород, а это следующее по ценности благо.

[12] В тяжёлом воздухе и сердцу тяжелей;
Вздымаясь, каждый ветер гонит прочь отчаянье.

[13] Папоротники и кролики, ручьи и форель, ели и белки, первоцветы и фиалки, скотный двор, свежескошенное сено и душистый хмель — вот лучшее лекарство для ипохондриков, вернейшие укрепляющие средства для слабеющих, лучшее подкрепление для утомлённых. Из-за отсутствия возможности или желания этими великими средствами пренебрегают, и человек учёных занятий становится жертвой собственного самосожжения.

[14] Времена, наиболее благоприятные для приступов уныния, насколько я испытал, можно свести к краткому

перечню. Первым я должен назвать час великого успеха. Когда наконец исполняется давно лелеемое желание, когда через нас Бог получает великую славу и достигнута большая победа, тогда мы склонны изнемогать. Можно было бы думать, что среди особых милостей душа взлетит к вершинам восторга и возрадуется неизреченной радостью, но обычно бывает наоборот. Господь редко подвергает Своих воинов опасностям ликования над победой: Он знает, что немногие вынесут такое испытание, и потому примешивает к их чаше горечь. Посмотрите на Илию после того, как с неба пал огонь, жрецы Ваала были закланы, а дождь залил иссохшую землю! Для него нет ни звуков самодовольной музыки, ни горделивого шествия победителя в триумфальном облачении. Он бежит от Иезавели и, испытывая упадок после сильнейшего возбуждения, просит себе смерти. Тот, кому вовсе не предстояло увидеть смерть, жаждет могильного покоя, как Цезарь, владыка мира, в минуты боли плакал, словно больная девочка. Бедная человеческая природа не может вынести напряжения, которое приносят небесные победы; должна наступить обратная реакция. Избыток радости или возбуждения приходится оплачивать последующим унынием. Пока испытание длится, силы соответствуют нужде; но когда оно кончилось, естественная слабость заявляет своё право проявиться. Поддерживаемый тайной силой, Иаков может бороться всю ночь; но утром, когда борьба окончена, он должен хромать, чтобы не хвалиться сверх меры. Павел может быть восхищен до третьего неба и услышать неизреченное, но неизбежным продолжением должно стать жало в плоть, ангел сатаны, удручающий его. Люди не выносят счастья без примеси; даже добрые люди ещё не способны носить «чело, увитое лавром и

миртом», без тайного унижения, которое удерживает их на должном месте. Если пробуждение оторвёт нас от земли, популярность вознесёт высоко, а успех в приобретении душ возвеличит, мы станем подобны мякине, развеваемой ветром, — если только благодатное воспитание милосердия сильным восточным ветром не разобьёт корабли нашего тщеславия и не выбросит нас после крушения, нагих и покинутых, на Скалу веков.

15 Перед всяким великим свершением тоже весьма обычно бывает некоторое подобное уныние. Оглядывая предстоящие трудности, мы падаем духом. Перед нами расхаживают сыны Енаковы, и рядом с ними мы сами себе кажемся саранчой. Города Ханаана укреплены до небес — кто мы, чтобы надеяться их взять? Мы готовы бросить оружие и пуститься наутёк. Ниневия — великий город, и мы скорее побежим в Фарсис, чем встретимся с её шумными толпами. Мы уже высматриваем корабль, который тихо увезёт нас от ужасного зрелища, и лишь страх бури удерживает наши малодушные шаги. Именно это я испытал, впервые став пастором в Лондоне. Успех ужаснул меня; мысль об открывавшемся, казалось, поприще вовсе не возвысила дух, а повергла меня в глубочайшую бездну, из которой я изливал своё miserere — «помилуй» — и не находил места для gloria in excelsis — «слава в вышних». Кто я, чтобы и дальше вести такое множество людей? Я хотел вернуться в деревенскую безвестность или переселиться в Америку, найти одинокое гнёздышко в лесной глуши, где мне хватало бы сил на предъявляемые требования. Именно тогда поднимался занавес над делом моей жизни, и я страшился того, что он откроет. Надеюсь, я не был неверующим, но был робок и исполнен сознания собственной непригодности. Я боялся труда, который

приготовил мне благой Промысл. Я чувствовал себя всего лишь ребёнком и дрожал, слыша голос: «Встань, молоти горы и обрати их в мякину». Это уныние охватывает меня всякий раз, когда Господь готовит моему служению большее благословение: туча черна, прежде чем разразиться, и сперва бросает тень, а потом проливает ливень милости. Теперь уныние стало для меня словно пророком в грубой одежде, Иоанном Крестителем, возвещающим близкое пришествие ещё более богатого благословения моего Господа. Так находили и люди гораздо лучше меня. Сосуд становился пригоден для употребления Господином после того, как его оттирали. Погружение в страдание предшествовало крещению Святым Духом. Пост пробуждает аппетит к пиру. Господь открывается в дальней стороне пустыни, пока Его служитель пасёт овец и ждёт в одиноком благоговении. Пустыня — путь в Ханаан. Низкая долина ведёт к высокой горе. Поражение готовит победу. Ворон вылетает прежде голубя. Самый тёмный час ночи предшествует рассвету. Мореплаватели сходят в бездны, но следующая волна поднимает их к небесам; душа их истаивает от бедствия, прежде чем Он приведёт их к желанной пристани.

16 Во время долгого непрерывного труда можно ожидать того же недуга. Нельзя держать лук постоянно натянутым, не опасаясь, что он сломается. Отдых так же необходим уму, как сон телу. Наши дни субботнего покоя — дни труда; если мы не отдыхаем в другой день, то надломимся. Даже земля должна лежать под паром и иметь свои субботы; так должны и мы. Отсюда мудрость и сострадание Господа, сказавшего ученикам: «Пойдём в пустынное место и немного отдохнём». Как! Когда люди изнемогают? Когда толпы подобны овцам на горах без пастыря? Иисус говорит об отдыхе? Когда книжники и

фарисеи, словно лютые волки, рвут стадо, Он уводит последователей на прогулку в тихое место отдыха? Некий раскалённый ревнитель осуждает столь ужасное забвение нынешних неотложных нужд? Пусть неистовствует в своём безумии. Учитель мудрее: Он не станет истощать служителей и гасить светильник Израиля. Время отдыха не потеряно. Собрать свежие силы — значит беречь их. Посмотрите на косца летним днём: как много ещё надо скосить до заката! Он прерывает работу — разве он лентяй? Ищет оселок и начинает водить им по косе: «дзинь-дзинь, дзинь-дзинь, дзинь-дзинь». Не праздная ли это музыка? Не теряет ли он драгоценных минут? Сколько мог бы скосить, пока выводит на косе эти звуки! Но он точит орудие и сделает гораздо больше, когда снова вложит силу в широкие взмахи, укладывающие траву рядами перед ним. Так и небольшая пауза готовит ум к большему служению доброму делу. Рыбакам нужно чинить сети, а нам — время от времени возмещать умственное истощение и приводить свой механизм в порядок для будущей работы. Изо дня в день тянуть весло, как галерный раб, не знающий праздников, не подобает смертным людям. Мельничный поток течёт без конца, но нам нужны остановки и промежутки. Кто не задохнётся, если бег продолжается без перерыва? Даже вьючных животных надо иногда выпускать на пастбище; само море замирает между приливом и отливом; земля соблюдает субботу зимних месяцев. И человек, даже возвышенный до положения Божьего посланника, должен отдыхать или изнеможет; должен поправлять светильник или допустить, чтобы он угасал; должен восстанавливать силы или преждевременно состарится. Время от времени брать отпуск — мудро. В конце концов мы сделаем больше, если иногда будем делать меньше. Вечно вперёд, вперёд и

вперёд, без отдыха, — это, возможно, подходит духам, освобождённым от «тяжёлой глины» тела; но пока мы в этой скинии, нам следует иногда командовать привал и служить Господу святым бездействием и посвящённым Ему досугом. Пусть никакая чуткая совесть не сомневается в законности временно выйти из упряжи; пусть она на чужом опыте узнает необходимость и обязанность своевременного отдыха.

[17] Иногда один сокрушительный удар повергает служителя очень низко. Брат, на которого больше всего полагались, становится предателем. Иуда поднимает пяту на доверившегося ему человека, и сердце проповедника на время замирает. Все мы слишком склонны опираться на мышцу плоти, и многие скорби происходят из этой склонности. Столь же сокрушителен удар, когда уважаемый и любимый член церкви уступает искушению и позорит святое имя, которым назван. Всё лучше этого. Тогда проповедник жаждет пристанища в какой-нибудь необъятной пустыне, где можно навеки спрятать голову и больше не слышать богохульных насмешек нечестивых. Десять лет труда не отнимают столько жизни, сколько мы теряем за несколько часов из-за предателя Ахитофела или отступника Димаса. Также распри, разделения, клевета и неразумные порицания часто повергали святых людей и заставляли их ходить словно с мечом в костях. Резкие слова глубоко ранят некоторые чуткие души. Многие из лучших служителей именно вследствие духовности своего характера чрезвычайно чувствительны — слишком чувствительны для такого мира. «Пинок, который едва сдвинет лошадь, убьёт крепкого богослова». Опыт закаляет душу к грубым ударам, неизбежным в нашей войне; но поначалу они совершенно ошеломляют нас, и мы возвращаемся домой, объятые ужасом великой

тьмы. У истинного служителя немало испытаний, и те, что причинены неблагодарными исповедниками веры, перенести тяжелее самых грубых нападок открытых врагов. Кто ищет душевного удобства и спокойной жизни, пусть не вступает в служение; вступив, он с отвращением убежит из него.

18 Немногим выпадает пережить такой ужас великой тьмы, какой обрушился на меня после прискорбной катастрофы в Суррейском музыкальном зале. Необъятная тяжесть горя давила на меня сверх всякой меры и предела. Смятение, паника, смерти стояли передо мной день и ночь и делали жизнь бременем. Тогда в своей скорби я пел:

> 19 Смятенье мыслей лишь сильней
> Умножит горе мне;
> Мой дух томится, сердце всё
> В пустынной глубине.

20 От этого страшного сна я пробудился в одно мгновение, когда к моей душе по благодати были приложены слова: «Его возвысил Бог Отец». Сознание того, что Иисус по-прежнему велик, какие бы страдания ни выпадали Его служителям, привело меня обратно к спокойному разуму и миру. Если столь ужасное бедствие постигнет кого-либо из моих братьев, пусть они терпеливо надеются и в тишине ожидают спасения Божьего.

21 Когда беды множатся, а разочарования следуют длинной чередой, как вестники Иова, тогда среди душевного смятения от дурных известий уныние тоже лишает сердце всякого мира. Постоянная капля точит камень, и самые мужественные умы чувствуют, как их истирают повторные несчастья. Если скудость в кладовой

становится ещё более тяжёлым испытанием из-за болезни жены или потери ребёнка, а за недобрыми замечаниями слушателей следуют противодействие диаконов и холодность членов церкви, тогда мы, подобно Иакову, готовы воскликнуть: «Всё это на меня!» Когда Давид вернулся в Секелаг и нашёл город сожжённым, имущество похищенным, жён уведёнными, а своих воинов готовыми побить его камнями, мы читаем: «Он укрепился в Господе Боге своём». Хорошо, что он мог это сделать: он изнемог бы тогда, если бы не верил, что увидит благость Господа на земле живых. Накопившиеся бедствия увеличивают тяжесть друг друга; они действуют сообща и, как шайки разбойников, безжалостно уничтожают наше утешение. Волна за волной — тяжёлое испытание даже для сильнейшего пловца. Место встречи двух морей испытывает самый надёжный корабль. Если бы между ударами несчастья были правильные промежутки, дух успевал бы приготовиться; но когда они сыплются внезапно и тяжело, как крупный град, странник вполне может растеряться. Последняя унция ломает спину верблюду; когда эта последняя унция ложится на нас, удивительно ли, что некоторое время мы готовы испустить дух?

22 Эта беда приходит к нам и без понятной причины, и тогда прогнать её ещё труднее. Беспричинное уныние не поддаётся доводам, и сладкая речь Давидовой арфы не может его очаровать и удалить. Бороться с этой бесформенной, неопределимой, но всё затмевающей безнадёжностью — всё равно что сражаться с туманом. В таком состоянии человек не даёт себе и сострадания, потому что тревожиться без явной причины кажется неразумным и даже греховным; а между тем он тревожится, и притом в самой глубине духа. Если бы

насмешники над такой меланхолией хотя бы час почувствовали её горе, их смех отрезвился бы и превратился в сострадание. Решимость, возможно, могла бы её стряхнуть; но где найти решимость, когда весь человек разлажен? Врач и богослов могут объединить своё искусство в подобных случаях, и обоим найдётся работы более чем достаточно. Железный засов, который столь таинственно запирает дверь надежды и держит наш дух в мрачной темнице, может отодвинуть лишь небесная рука. Увидев её, мы восклицаем с апостолом: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих» (2 Кор. 1:3–4). Именно Бог всякого утешения может:

> [23] Сладким противоядием забвенья
> Очистить наши бедные сердца
> От пагубного груза, что их давит.

[24] Симон тонет, пока Иисус не берёт его за руку. Бес внутри бедного ребёнка терзает и мучает его, пока властное слово не повелевает ему выйти. Когда нас оседлали ужасные страхи и давит невыносимый кошмар, нужно лишь, чтобы взошло Солнце правды, — и беды, порождённые нашей тьмой, будут изгнаны; но ничто меньшее не прогонит кошмара души. Тимоти Роджерс, автор трактата о меланхолии, и Саймон Браун, написавший несколько замечательно нежных гимнов, доказали собственным опытом, как бессильна помощь человека, если Господь отнимает у души свет.

[25] Если спросить, почему служителям Царя Иисуса так часто приходится проходить долиной смертной тени,

ответ найти нетрудно. Всё это способствует тому способу действия Господа, который заключён в словах: «Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь». Орудия будут употреблены, но присущая им слабость должна стать совершенно очевидной; слава не будет разделена, честь, принадлежащая Великому Делателю, не будет уменьшена. Человек должен опустеть от самого себя и затем исполниться Святым Духом. В собственных глазах он будет как сухой лист, гонимый бурей, а затем станет крепок, как медная стена против врагов истины. Оградить работника от гордости — вот великая трудность. Непрерывный успех и неувядающая радость в нём были бы больше, чем способны вынести наши слабые головы. Вино наше необходимо разбавлять водой, чтобы оно не вскружило нам голову. Я свидетельствую: те, кого Господь чествует публично, обычно должны терпеть тайное наказание или нести особенный крест, чтобы никак не превознестись и не попасть в сеть дьявола. Как постоянно Господь называет Иезекииля «сыном человеческим»! Среди его полётов в превосходнейшее сияние, именно когда ему дана сила неослабным взором смотреть на высочайшую славу, до него доходит слово «сын человеческий», отрезвляя сердце, которое иначе могло бы опьянеть от оказанной ему чести. Такие смиряющие, но спасительные вести шепчет нам уныние; оно недвусмысленно говорит, что мы лишь люди — хрупкие, слабые, склонные изнемогать.

26 Во всех падениях духа Своих служителей Бог прославляется: вновь поставленные Им на ноги, они побуждаются величать Его; и даже лежа в прахе, верою воздают Ему хвалу. Они тем слаще говорят о Его верности и тем твёрже утверждаются в Его любви. Такие зрелые люди, как некоторые пожилые проповедники, едва ли

могли бы сформироваться, если бы их не переливали из сосуда в сосуд и не заставляли видеть собственную пустоту и суетность всего окружающего. Слава Богу за горнило, молот и напильник! Небеса будут тем полнее блаженства, что здесь, внизу, мы были исполнены муки; и земля будет лучше возделана благодаря нашему обучению в школе несчастья.

[27] Урок мудрости таков: не пугайтесь душевной скорби. Считайте её не чем-то необычным, а частью обыкновенного опыта служения. Если сила уныния превысит обычную меру, не думайте, что вашей полезности пришёл конец. Не оставляйте дерзновения, которому предстоит великое воздаяние. Даже если нога врага стоит у вас на шее, ожидайте, что подниметесь и низвергнете его. Возложите бремя настоящего вместе с грехом прошлого и страхом будущего на Господа, Который не оставляет Своих святых. Живите одним днём — да, одним часом. Не полагайтесь на настроения и чувства. Дорожите крупицей веры больше, чем тонной возбуждения. Уповайте только на Бога и не опирайтесь на трости человеческой помощи. Не удивляйтесь, когда друзья подводят: в этом мире всё подводит. Никогда не рассчитывайте на неизменность человека; на непостоянство можете рассчитывать, не боясь разочароваться. Ученики Иисуса оставили Его; не изумляйтесь, если ваши приверженцы уйдут к другим учителям. Они не были для вас всем, когда оставались с вами, — значит, с их уходом вы не лишились всего. Служите Богу изо всех сил, пока горит свеча; тогда, когда она на время погаснет, вам будет меньше о чём сожалеть. Соглашайтесь быть ничем, потому что вы и есть ничто. Когда сознание собственной пустоты мучительно навяжется вам, укоряйте себя за то, что когда-то мечтали

быть полными иначе, как в Господе. Не придавайте большого значения нынешним наградам; будьте благодарны за залоги будущего, встречаемые в пути, но ожидайте радости воздаяния впереди. Продолжайте с удвоенным усердием служить Господу, когда перед вами нет видимого результата. Всякий простак может идти узким путём при свете; редкая мудрость веры позволяет нам идти во тьме с безошибочной точностью, потому что она вкладывает свою руку в руку Великого Вождя. Между нынешним местом и небом погода может стать ещё суровее, но обо всём позаботился наш Глава завета. Пусть ничто не отвратит нас от пути, на который побудил вступить божественный призыв. В ясную ли погоду, в ненастье ли, кафедра — наша сторожевая башня, служение — наша война. Когда мы не можем видеть лица нашего Бога, будем уповать ПОД СЕНЬЮ ЕГО КРЫЛ.

Лекция 12. Повседневные разговоры служителя

[1] Мы будем говорить о повседневной беседе служителя, когда он находится среди обычных людей и, предположительно, чувствует себя совершенно свободно. Как ему вести разговор с ближними? Прежде всего скажу: пусть он не напускает на себя особой служительской важности, а избегает всего напыщенного, официального, суетливого и претенциозного. «Сын человеческий» — благородное наименование; оно было дано Иезекиилю и Тому, Кто больше его. Пусть и посланник неба остаётся сыном человеческим. Более того, пусть помнит: чем он проще и естественнее, тем ближе уподобится Тому, Кто, будучи человеком, имел детскую чистоту, — святому Отроку Иисусу. Можно так стараться быть служителем, что перестанешь быть человеком; между тем чем больше в вас настоящего человеческого, тем полнее вы станете тем, кем должен быть слуга Господа. Школьные учителя и служители обычно имеют особенный, только им свойственный облик; в дурном смысле они «не таковы, как прочие люди». Слишком часто это пёстрые птицы, будто чужие среди остальных обитателей страны, неловкие и своеобразные. Когда я видел важно шествующего фламинго, сову, моргающую в тени, или аиста, чинно погружённого в раздумье, мне неудержимо вспоминались некоторые почтенные братья из преподавательского и проповеднического сословия: они всегда до того изумительно благопристойны, что становятся слегка забавны. Их весьма респектабельную, напыщенную,

сановную, важную и сдержанную манеру легко усвоить; но стоит ли?

[2] Теодор Хук однажды подошёл к джентльмену, с большой помпой шествовавшему по улице, и спросил: «Сэр, не являетесь ли вы особой чрезвычайной важности?» Иногда так и хочется обратиться с тем же вопросом к некоторым братьям духовного звания. Я знаю братьев, которые с головы до ног — одеждой, голосом, манерами, галстуком и сапогами — настолько сплошь пасторские, что ни частицы просто человеческого в них не видно. Одному молодому ростку богословия непременно нужно ходить по улицам в мантии; другой, из Высокой церкви, с большим самодовольством сообщил в газетах, что объехал Швейцарию и Италию, всюду нося биретту. Редкий мальчишка так гордился бы шутовским колпаком. Никто из нас, вероятно, не зайдёт так далеко в одежде, но мы можем сделать то же своими манерами. У некоторых людей белый галстук словно обмотан вокруг души: эта накрахмаленная тряпка душит их человеческое естество. Некоторые братья держатся с превосходством, которое считают внушительным, хотя оно попросту оскорбительно и крайне противоречит их притязанию быть последователями смиренного Иисуса. Гордый герцог Сомерсет давал слугам приказания знаками, не снисходя до разговора с такими низкими существами; дети никогда не садились в его присутствии, а во время послеобеденного сна по обе стороны стояли две дочери, охраняя его величавую дремоту. Когда гордые Сомерсеты попадают в служение, они изображают достоинство другими, почти столь же нелепыми способами. «Отойди, я святее тебя» — написано у них на лбу.

[3] Один высокопарный брат однажды укорил известного служителя за пристрастие к некоторой роскоши, особенно напирая на расход. «Что ж, — ответил тот, — возможно, в этом что-то есть; но помните: я на свою слабость не трачу и половины того, что вы тратите на крахмал». Именно этот товар я и порицаю — этот ужасный служительский крахмал. Если вы пристрастились к нему, я настойчиво советую вам «пойти и омыться в Иордане семь раз» и вымыть его из себя до последней частицы. Убеждён, одна из причин, по которым наши рабочие почти поголовно сторонятся служителей, состоит в отвращении к их искусственным, немужественным манерам. Если бы они видели, что и на кафедре, и вне её мы ведём себя как настоящие люди и говорим естественно, как честные люди, они собирались бы вокруг нас. Замечание Бакстера по-прежнему верно: «Отсутствие непринуждённого тона и выражения — большой недостаток большинства наших выступлений, и нам следует весьма заботливо его исправлять». Порок служения в том, что служители придают Евангелию пасторскую манерность. Если мы хотим приобрести народные массы, рядом с богословием в нас должна быть человечность. Притворство видно каждому, и люди вряд ли дадут себя им обмануть. Бросьте ходули, братья, и ходите собственными ногами; снимите церковную искусственность и облекитесь в истину.

[4] И всё же служитель, где бы он ни был, остаётся служителем и должен помнить, что он при исполнении. Полицейский или солдат может быть свободен от службы; служитель — никогда. Даже отдыхая, мы должны стремиться к великой цели своей жизни, ибо призваны усердствовать «вовремя и не вовремя». Нет такого положения, в котором Господь не мог бы обратиться к

нам с вопросом: «Что ты здесь, Илия?» — и мы должны быть готовы сразу ответить: «И здесь у меня есть дело для Тебя, и я стараюсь его исполнить». Конечно, тетиву лука надо иногда ослаблять, иначе он утратит упругость; но незачем её перерезать. Сейчас я говорю о служителе во время отдыха и утверждаю, что и тогда ему следует вести себя как посланнику Божьему и пользоваться возможностями делать добро. Это не испортит его отдыха, а освятит его. Служитель должен быть подобен одной комнате, которую я видел в Бьюли, в Нью-Форесте: там никогда не бывает паутины. Это большая кладовая, её никогда не подметают; и всё же ни один паук не оскверняет её этими знаками запущенности. Потолок в ней из каштана, а по какой-то неведомой мне причине пауки годами не приближаются к этому дереву. То же самое мне говорили в коридорах Винчестерской школы: «Сюда никогда не приходят пауки». И наши умы должны быть столь же свободны от праздных привычек.

[5] На общественных подставках для отдыха носильщиков в лондонском Сити можно прочесть: «Отдыхай, но не мешкай». Это совет, достойный нашего внимания. Я не называю dolce far niente — сладкое ничегонеделание — ленью: есть сладостный покой, который для изнурённого ума служит лучшим лекарством на свете. Когда ум устал и расстроен, дать ему отдых — не большее безделье, чем сон; а за сон положенной длительности никого не называют ленивым. Гораздо лучше усердно спать, чем лениво бодрствовать. Будьте готовы делать добро и во время отдыха, и в часы досуга; тогда вы действительно будете служителями и вам не понадобится объявлять об этом.

[6] Христианский служитель вне кафедры должен быть общительным человеком. Он послан в мир не для того, чтобы стать отшельником или монахом Ла-Траппа. Его призвание — не стоять весь день на столпе над собратьями, как тот безрассудный Симеон Столпник древних времён. Вам следует не выводить трели с вершины дерева, как невидимому соловью, а быть человеком среди людей и говорить им: «Во всём человеческом я такой же, как вы». Соль бесполезна в коробке: её нужно втереть в мясо; и наше личное влияние должно проникать в общество и придавать ему вкус. Если вы держитесь в стороне от людей, как принесёте им пользу? Наш Учитель был на свадьбе, ел хлеб с мытарями и грешниками и всё же был гораздо чище тех ханжеских фарисеев, которые гордились отделением от ближних. Некоторым служителям нужно сказать, что они принадлежат к тому же виду, что и слушатели. Это замечательный факт, но его стоит всё же высказать: епископы, каноники, архидиаконы, пребендарии, сельские деканы, настоятели, викарии и даже архиепископы в конце концов всего лишь люди. Бог не отгородил для них святого уголка земли наподобие алтарной части храма, чтобы они жили там сами по себе.

[7] Было бы неплохо возродить святые беседы на церковном дворе и во дворе молитвенного дома. Мне нравится видеть возле наших старинных церквей большие тисы, окружённые скамьями. Они словно говорят: «Присядь здесь, сосед, поговорим о проповеди; вот идёт пастор, он присоединится, и у нас получится приятная святая беседа». Не со всяким проповедником хочется разговаривать, но с некоторыми за час беседы отдал бы целое состояние. Я люблю служителя, чьё лицо приглашает меня сделать его своим другом: на его пороге

читаешь Salve — «Добро пожаловать» — и чувствуешь, что здесь не требуется помпейское предупреждение Cave Canem — «Берегись собаки». Дайте мне человека, к которому дети слетаются, как мухи к горшку с мёдом: они первоклассные судьи в распознавании доброго человека. Раввины рассказывают, что, испытывая мудрость Соломона, царица Савская принесла искусственные цветы, так прекрасно сделанные и тонко надушенные, что они в точности походили на живые. Она попросила Соломона определить, какие искусственные, а какие настоящие. Мудрец велел слугам открыть окно; влетевшие пчёлы сразу направились к живым цветам, не обратив внимания на искусственные. Так вы обнаружите, что и у детей есть чутьё: они очень быстро узнают друга. Будьте уверены, друг детей — человек, с которым стоит познакомиться. Находите доброе слово для каждого члена семьи: для старших мальчиков, для юных девушек, для маленьких девочек — для всех. Никто не знает, что могут сделать улыбка и сердечная фраза. Кто хочет многого добиться среди людей, должен любить их и чувствовать себя с ними как дома. Человеку, в котором нет сердечности, лучше стать гробовщиком и хоронить мёртвых: влиять на живых ему никогда не удастся. Где-то я встретил замечание: чтобы быть популярным проповедником, нужно иметь внутренности. Боюсь, это было мягким уколом по поводу тучности, которой достигли некоторые братья; но в замечании есть истина. Чтобы иметь большое собрание, человеку нужно большое сердце. Пусть оно будет вместительным, как великолепные гавани на нашем побережье, где хватит воды для целого флота. К человеку с большим любящим сердцем идут, как корабли в гавань, и чувствуют покой, бросив якорь под защитой его дружбы. Такой человек

сердечен и наедине, и публично; кровь у него не холодная, как у рыбы, а сам он тёплый, как ваш домашний очаг. Приблизившись к нему, вы не почувствуете холода гордости и себялюбия: все двери открыты вам навстречу, и вы сразу как дома. Каждого из вас я хотел бы убедить стать таким. Христианскому служителю следует быть и весьма жизнерадостным. Я не одобряю манеру некоторых монахов, которых видел в Риме: они приветствуют друг друга замогильными голосами, сообщая приятное известие: «Брат, мы должны умереть», — на что каждый жизнерадостный брат ордена отвечает столь же живым приветствием: «Да, брат, мы должны умереть». Я был рад получить из столь надёжного источника уверение, что все эти лентяи собираются умереть: пожалуй, это лучшее, что они могут сделать. Но пока это событие не наступило, они могли бы пользоваться более утешительной формой приветствия.

[8] Без сомнения, на некоторых людей производит впечатление чрезвычайно мрачная торжественность служителей. Я слышал об одном человеке, который убедился, что в римско-католической религии непременно что-то есть, увидев крайне изнурённый, истощённый облик одного духовного лица. «Посмотрите, — говорил он, — как этот человек исхудал до скелета от ежедневных постов и ночных бдений! Как же он умерщвляет плоть!» Между тем вероятнее всего, измождённый священник страдал какой-нибудь внутренней болезнью, от которой всей душой хотел бы избавиться, и довела его до такого состояния не победа над аппетитом, а расстройство пищеварения; или, возможно, беспокойная совесть, из-за которой он извёл себя до лёгкого веса. Во всяком случае, я никогда не встречал текста Писания, где выступающие кости

названы свидетельством благодати. Будь это так, «Живой скелет» следовало бы выставлять не только как природную диковину, но и как образец добродетели. Некоторые величайшие негодяи мира выглядели такими умерщвлёнными, словно питались акридами и диким мёдом. Предполагать, что печальное лицо указывает на благодатное сердце, — весьма грубое заблуждение. Всем желающим приобретать души я рекомендую жизнерадостность: не легкомыслие и пустую весёлость, а тёплый, счастливый дух. На мёд ловится больше мух, чем на уксус; и человек, у которого на лице небо, приведёт к небу больше душ, чем тот, у кого во внешности Тартар.

9 Молодые служители, да и все остальные, находясь в обществе, должны следить за тем, чтобы не захватывать весь разговор. Несомненно, они вполне способны на это — я имею в виду их способность наставлять и лёгкость речи; но им следует помнить, что людям не хочется беспрерывно получать наставления: они любят и сами принять участие в беседе. Некоторых ничто так не радует, как возможность поговорить; и дать им эту радость может быть им на пользу. Однажды вечером я провёл час с человеком, который оказал мне честь, назвав весьма приятным собеседником, от беседы с которым можно многому научиться. Но я без колебаний признаюсь, что почти ничего не сказал, предоставив ему говорить одному. Терпением я приобрёл его доброе мнение и возможность обратиться к нему в другой раз. У человека за столом не больше права сказать всё, чем съесть всё. Мы не должны считать себя господином Оракулом, перед которым ни одна собака не смеет раскрыть пасть. Нет, пусть все в компании внесут что-нибудь из своих запасов; тогда они тем лучше отнесутся к благочестивым словам, которыми вы стараетесь придать беседе вкус.

10 В некоторых обществах, куда вы попадёте, особенно впервые поселившись на новом месте, все будут благоговеть перед величием вашего присутствия, а гостей станут приглашать потому, что там будет новый служитель. Такое положение напоминает мне лучшие статуи Ватикана. Небольшая комната отгорожена, занавес отодвигается — и вот перед вами стоит великий Аполлон! Если вам выпал тяжёлый жребий стать Аполлоном маленького общества, положите конец этой нелепости. Будь я Аполлоном, мне захотелось бы сойти с пьедестала и пожать всем руки; и вам лучше поступить так же. Рано или поздно шум вокруг вас прекратится, и мудрее всего прекратить его самому. Поклонение героям — разновидность идолопоклонства, поощрять его нельзя. Герои хорошо поступают, когда, подобно апостолам в Листре, ужасаются оказываемым почестям, бросаются в народ и кричат: «Мужи! Что вы это делаете? И мы — подобные вам человеки». Служителям недолго придётся так поступать: их неразумные поклонники весьма склонны оборачиваться против них; и если не побьют камнями почти до смерти, то в недоброжелательстве и презрении зайдут настолько далеко, насколько осмелятся.

11 Но, говоря: «Не захватывайте весь разговор и не присваивайте себе важности, которая есть лишь притворство», — я всё же не советую быть молчаливой куклой. Люди будут судить о вас и вашем служении по тому, что видят в частной жизни, не меньше, чем по публичным выступлениям. Многие молодые люди погубили себя на кафедре неосторожностью в гостиной и лишились всякой надежды приносить пользу из-за глупости или легкомыслия в обществе. Не будьте безжизненным бревном. На антверпенской ярмарке среди

множества диковин, рекламировавшихся огромными картинами и громкими барабанами, я заметил балаган, где за пенни с человека показывали «великое чудо» — окаменевшего человека. Я не потратил требуемой платы за вход: слишком много окаменевших людей я видел бесплатно, и на кафедре, и вне её, — безжизненных, беспечных, лишённых здравого смысла и совершенно неподвижных, хотя они занимались самым важным делом, за которое способен взяться человек. Старайтесь обращать разговор на пользу. Будьте общительны, веселы и всё прочее, но трудитесь, чтобы чего-нибудь достичь. Зачем сеять ветер или пахать скалу? В конце концов считайте себя в значительной мере ответственными за разговор, происходящий в вашем присутствии: обычно к вам будут относиться с таким уважением, что вы окажетесь его кормчим. Поэтому направляйте его в хорошее русло. Делайте это без грубости и насилия. Содержите стрелки в порядке — и поезд перейдёт на ваши рельсы без толчка. Будьте готовы ловко пользоваться случаем и незаметно вести разговор по желанному пути. Если сердце ваше в деле, а ум бодрствует, это будет достаточно легко, особенно если вы вздохнёте молитвой о руководстве.

[12] Никогда не забуду, как один жаждущий человек однажды просил у меня подаяния на Клапемской пустоши. Я увидел его с огромной тележкой, на которой лежал чрезвычайно маленький свёрток, и удивился, почему он не положил свёрток в карман, оставив своё сооружение дома. Я сказал: «Странно видеть такую большую тележку для такого маленького груза». Он остановился и, серьёзно глядя мне в лицо, ответил: «Да, сэр, это очень странно; но знаете, сегодня я столкнулся с вещью ещё страннее. Ходил, работал, потел весь этот

благословенный день — и до сих пор не встретил ни одного джентльмена, который выглядел бы так, словно даст мне пинту пива, пока не увидел вас». Я счёл этот поворот беседы весьма искусным; и мы, имея на уме гораздо лучший предмет, должны не хуже уметь вводить тему, к которой устремлено наше сердце. В его манере была непринуждённость, которой я позавидовал: привлечь его внимание к моей собственной теме оказалось не так просто. И всё же, если бы я столько же думал о том, как принести ему пользу, сколько он — о том, как получить выпивку, я, уверен, сумел бы добиться своего. Чтобы всеми средствами спасти хотя бы некоторых, нам следует, подобно Господу, вести полезные разговоры за столом — да, и у колодца, и на дороге, и на морском берегу, и в доме, и в поле. Быть святым собеседником ради Иисуса может оказаться почти столь же плодотворным служением, как быть верным проповедником. Стремитесь к совершенству в обоих занятиях, и если призовёте помощь Святого Духа, достигнете желаемого.

[13] Здесь, пожалуй, можно вставить правило, хотя применительно к каждому из почтенных братьев, к которым я сейчас обращаюсь, считаю его совершенно излишним. Не зачастите к столам богачей, чтобы приобрести их расположение, и никогда не становитесь чем-то вроде всеобщего прихлебателя на чаепитиях и увеселениях. Кто вы такой, чтобы прислуживать то одному богачу, то другому, когда в вас нуждаются бедняки Господа, Его больные и Его заблудшие овцы? Жертвовать кабинетом ради гостиной преступно. Быть зазывалой своей церкви и подкарауливать людей по домам, чтобы заманить их на свои скамьи, — унижение, которому никто не должен подчиняться. Тошно видеть,

как служители разных исповеданий порхают вокруг богача, словно стервятники вокруг мёртвого верблюда. Восхитительно язвительным было известное письмо «старого и любимого служителя дорогому сыну» по случаю его вступления в служение. Следующая выдержка точно попадает в нашу тему. Говорят, её переписали из «Смелфангус газетт», но подозреваю, что наш друг Пакстон Худ прекрасно знает, кто автор: «Следи также зорко за всеми подходящими людьми, особенно богатыми или влиятельными, которые могут приехать в твой город. Посещай их и старайся преданностью, выказываемой в гостиной, склонить их к своему делу. Так ты сможешь наиболее успешно послужить интересам Господина. За людьми нужен присмотр; долгий опыт подтверждает моё давнее убеждение, что сила кафедры ничтожна по сравнению с силой гостиной. Нам следует подражать упражнениям иезуитов и освящать их словом Божьим и молитвой. Они преуспевали не столько кафедрой, сколько гостиной. В гостиной можно шептаться, можно подойти к людям через все их маленькие личные, частные представления. Кафедра — место весьма неприятное; конечно, это великая сила Божья и так далее, но действует именно гостиная. У хорошего проповедника нет тех шансов на успех, какие есть у безупречного джентльмена; да и в образованном обществе никто не имеет основательных видов на успех, если при всём прочем он не джентльмен. Я всегда восхищался характеристикой святого Павла у лорда Шефтсбери в его “Характеристиках”: он был утончённым джентльменом. И тебе я сказал бы: будь джентльменом. Не то чтобы мне нужно было тебе это говорить, но я убеждён, что лишь так можно надеяться на обращение наших растущих и богатеющих средних классов. Мы должны показать, что

наша религия — религия здравого смысла и хорошего вкуса; что мы не одобряем сильного возбуждения и сильных возбуждающих средств. Ах, дорогой мой мальчик, если хочешь быть полезным, часто в своём уединении усердно молись о том, чтобы быть благопристойным. Если бы меня спросили, каков твой первый долг, я ответил бы: будь благопристойным; и второй — будь благопристойным; и третий — будь благопристойным». Кто помнит особый разряд проповедников, процветавший пятьдесят лет назад, тот оценит остроту этой сатиры. Теперь зло значительно ослабло; право, я опасаюсь, что мы можем дрейфовать к другой крайности. Вполне вероятно, разумная беседа порой перейдёт в спор, и здесь немало добрых людей садится на мель. Разумный служитель будет особенно мягок в споре. Ему менее всех следует ошибочно воображать, будто раздражительность даёт силу, а гневная речь — власть. Один язычник, стоявший в толпе в Калькутте и слушавший спор миссионера с брахманом, сказал, что знает, кто прав, хотя языка не понимает: неправ тот, кто первым потерял самообладание. По большей части это весьма точный способ судить. Старайтесь не вступать с людьми в препирательства. Выскажите своё мнение и дайте им высказать своё. Если видите кривую палку и хотите, чтобы люди поняли, насколько она крива, положите рядом прямую: этого вполне достаточно. Но если вас втянули в полемику, пользуйтесь очень твёрдыми доводами и очень мягкими словами. Часто нельзя убедить человека, дёргая за его рассудок, но можно склонить его, завоевав расположение. На днях мне выпало несчастье нуждаться в новых сапогах. Хотя я велел мастеру сделать их большими, как каноэ, чтобы надеть их, пришлось ужасно трудиться. С

двумя сапожными крючками я надрывался, как моряки на корабле с Ионой, — всё напрасно. Тут приятель подал мне немного талька, и дело совершилось в одно мгновение. Удивительно убедительным оказался этот тальк! Господа, всегда носите с собой в общество немного такого талька — аккуратный пакетик христианской убедительности, — и вы скоро узнаете его достоинства.

14 И наконец, при всей любезности служитель должен быть твёрд в принципах и смело исповедовать и защищать их в любом обществе. Когда представится хороший случай или он сумеет его создать, пусть не медлит им воспользоваться. Твёрдый в убеждениях, серьёзный в тоне, любящий сердцем, пусть он говорит открыто, как подобает мужчине, и благодарит Бога за это преимущество. Скрытность не нужна — её и быть не должно. Самые безумные выдумки спиритуалистов, самые дикие мечты утопических реформаторов, самые глупые городские сплетни и самая пустая бессмыслица легкомысленного света требуют внимания и получают его. Неужели Христа не услышат? Неужели Его весть любви останется невысказанной из страха, что нас сочтут навязчивыми или обвинят в ханжестве? Разве религию следует запретить, наложить табу на лучшую и благороднейшую из тем? Если таково правило какого-нибудь общества, мы ему не подчинимся. Если не сможем его сломить, оставим это общество самому себе, как люди покидают дом, поражённый проказой. Мы не согласимся, чтобы нам заткнули рот. Нет причины соглашаться. Мы не пойдём туда, куда не можем взять с собой своего Учителя. Пока другие пользуются свободой грешить, мы не откажемся от свободы обличать и предостерегать их.

15 При мудром употреблении обыкновенная беседа может стать могущественным средством добра. Одна фраза может дать начало цепи мыслей и привести к обращению людей, которых наши проповеди никогда не достигали. Способ задержать человека для личного разговора, то есть индивидуально представить ему истину, имел большой успех. Это другой предмет, едва ли входящий в тему повседневной беседы; но закончим надеждой, что ни в обычном разговоре, ни на кафедре нас никогда не станут считать милыми людьми, чьё дело — всем доставлять приятность и ни при каких обстоятельствах никого не беспокоить, какой бы безбожной ни была его жизнь. Такие люди ходят в семьи слушателей и веселятся вместе с ними, когда им следовало бы плакать о них. Они садятся за их столы и беззаботно пируют, когда должны были бы предупреждать: бегите от грядущего гнева. Они похожи на американский будильник, о котором я слышал: продавец гарантировал, что тот не разбудит вас, если вы этого не хотите.

16 Будем же сеять не только на доброй и чистой почве, но и на камне, и при дороге, чтобы в последний великий день пожать радостную жатву. Пусть хлеб, который мы бросаем на воды в случайные минуты и при необычных обстоятельствах, снова найдётся по прошествии многих дней.

Лекция 13. Работникам со скудными средствами

[1] Что делать служителям, у которых мало пособий? Под этим я разумею, что у них мало книг и почти или совсем нет средств покупать новые. Такого положения вообще не должно быть: церквам следует заботиться о том, чтобы сделать его невозможным. По мере всех своих сил они должны снабжать служителя не только пищей, поддерживающей жизнь тела, но и умственным питанием, чтобы его душа не голодала. Хорошую библиотеку следует считать непременной частью церковного оснащения. Диаконы, чьё дело — «заботиться о столах», поступят мудро, если, не пренебрегая столом Господним и столом бедных и не сокращая снабжения обеденного стола служителя, обратят внимание и на его письменный стол, в достаточном изобилии обеспечивая его новыми трудами и основательными книгами. Это было бы хорошим вложением денег, приносящим плоды далеко сверх ожидания. Вместо красноречивых сетований об убывающей силе кафедры руководителям церкви следует использовать надлежащие средства для её укрепления — снабжать проповедника пищей для размышления. Всем ворчунам я советую: положите кнут в кормушку.

[2] Несколько лет назад я пытался убедить наши церкви считать библиотеку для служителя чем-то само собой разумеющимся; немногие вдумчивые люди оценили предложение и начали его осуществлять. С большим удовольствием я видел, как кое-где появлялись полки и на них ставили несколько томов. Мне очень хотелось бы, чтобы такое начало было положено повсюду. Но, увы, боюсь, лишь долгая череда истощённых голодом

служителей пробудит в скупцах убеждение, что экономить на служителе — ложная бережливость. Церкви, которым не по силам щедрое содержание, должны хотя бы отчасти возместить это, учредив библиотеку как постоянную принадлежность общины. При ежегодном пополнении она скоро станет весьма ценной. В пасторском доме моего почтенного деда было собрание очень ценных старинных пуританских книг, переходивших от служителя к служителю. Хорошо помню некоторые тяжёлые фолианты: для меня их главная привлекательность заключалась в причудливых буквицах, украшенных пеликанами, грифонами, играющими мальчиками или патриархами за работой. Могут возразить, что при смене пользователей книги пропадут; я пошёл бы на этот риск. Попечители, проявляя немного заботы о каталоге, могли бы хранить библиотеки столь же надёжно, как хранят церковные скамьи и кафедру.

[3] Если этот замысел не примут, пусть попробуют другой, более простой: все вносящие пожертвования на содержание проповедника прибавят десять процентов или больше специально на пищу для его ума. Они получат своё обратно в улучшенных проповедях, которые услышат. Если бы бедным служителям можно было обеспечить небольшой ежегодный доход, предназначенный исключительно на книги, это стало бы для них даром Божьим и неисчислимым благословением для общины. Разумные люди не ждут, что огород будет год за годом давать овощи, если не удобрять почву; не ждут, что локомотив пойдёт без топлива или хотя бы вол либо осёл будет работать без корма. Пусть же они перестанут ожидать поучительных проповедей от людей, которым закрыт доступ к сокровищнице знаний, потому что они не в состоянии покупать книги.

4 Но наш вопрос таков: что делать людям, у которых нет собственных запасов, нет церковной библиотеки и нет пособия на приобретение книг? Сразу заметим: если такие люди преуспевают, им подобает большая честь, чем тем, кто располагает обильными средствами.

5 Рассказывают, что товарищи по ремеслу отобрали у Квентина Массейса все инструменты, кроме молотка и напильника, и он без них создал своё знаменитое навершие колодца. Тем больше ему чести! Великая заслуга принадлежит тем работникам Божьим, которые совершали великие дела без полезных орудий. Будь они у них, труд значительно облегчился бы; но тем удивительнее сделанное. На нынешней Международной выставке в Кенсингтоне кулинарная школа мистера Бакмастера вызывает восхищение главным образом тем, что из малообещающих продуктов он готовит такие вкусные блюда. Из горстки костей и небольшого количества макарон он подаёт царские лакомства. Будь у него все продукты французской кухни и используй он их все, каждый сказал бы: «Ну, это любой сумеет». Но когда он показывает мясные обрезки и кости, говорит, что купил их у мясника за несколько пенсов и может приготовить из них обед для семьи из пяти-шести человек, добрые хозяйки широко раскрывают глаза и дивятся, как это вообще возможно. А когда он пускает блюдо по кругу и они пробуют, насколько оно вкусно, их восхищение становится полным. Так трудись же, бедный брат: ты ещё можешь совершить великие дела в своём служении, и приветствие «Хорошо, добрый и верный раб» прозвучит для тебя тем выразительнее, что ты работал среди серьёзных затруднений.

[6] Если человек может купить лишь очень немного книг, мой первый совет: пусть покупает самые лучшие. Если нельзя потратить много, пусть тратит хорошо. Лучшее всегда окажется самым дешёвым. Разбавленные и разжиженные сочинения оставьте тем, кто может позволить себе такую роскошь. Не покупайте молоко с водой: берите сгущённое молоко и сами добавляйте сколько угодно воды. Наш век полон прядильщиков слов — профессиональных изготовителей книг, которые расковывают крупицу содержания так тонко, что ею можно покрыть пятиакровый лист бумаги. У них, как у золотобойцев, есть своё применение, но вам они не полезны. Прежде фермеры на нашем побережье возили на поля целые телеги морских водорослей; самую тяжёлую часть составляла вода. Теперь водоросли сушат, экономя огромное количество труда и расходов. Не покупайте жидкий суп, приобретайте мясную вытяжку. Получайте многое в малом. Предпочитайте книги, богатые тем, что Джеймс Гамильтон называл «библином», то есть книжной сущностью. Вам нужны точные, сжатые, надёжные, проверенные труды; убедитесь, что приобретаете именно их. Готовя свои Horae Biblicae Quotidianae — «Ежедневные библейские часы», превосходный комментарий к Библии, доктор Чалмерс пользовался только «Симфонией», «Иллюстрированной Библией», «Сводом толкователей» Пула, «Комментарием» Мэтью Генри и «Исследованиями Палестины» Робинсона. «Вот книги, которыми я пользуюсь, — сказал он другу, — всё библейское находится здесь; при изучении Библии я не обращаюсь больше ни к чему». Это показывает, что люди, имеющие в распоряжении неограниченные запасы, всё же находят достаточными несколько основательных книг. Если бы доктор Чалмерс был жив теперь, он,

вероятно, взял бы «Землю и Книгу» Томсона вместо «Исследований» Робинсона и заменил бы «Иллюстрированную Библию» на «Ежедневные библейские иллюстрации» Китто; по крайней мере, большинству людей я рекомендовал бы такую перемену. Это ясное свидетельство, что некоторые выдающиеся проповедники находили полезнее при изучении Писания иметь немного книг, чем много; а это, полагаю, и есть наше главное дело.

7 Итак, без сожаления откажитесь от множества книг, которые, как пресловутые бритвы бедняги Ходжа, «сделаны на продажу» и, продаваясь сами, заодно надувают покупателя. Раз уж упомянут комментарий Мэтью Генри, осмелюсь сказать: ни один служитель не найдёт лучшего вложения денег, чем это несравненное толкование. Приобретите его, даже если ради покупки придётся продать пальто.

8 Следующее правило, которое я установлю: овладейте теми книгами, которые у вас есть. Читайте их основательно. Купайтесь в них, пока они не пропитают вас. Читайте и перечитывайте, пережёвывайте и усваивайте. Пусть они войдут в самую вашу сущность. Хорошую книгу прочтите несколько раз, делайте заметки и разбор содержания. Учащийся обнаружит, что одна глубоко освоенная книга больше влияет на строй его ума, чем двадцать книг, которые он только пробежал, полакал из них, говоря древней пословицей, «как собаки пьют из Нила». Поспешное чтение приносит мало учёности и много гордости. На мозг можно навалить столько книг, что он перестанет работать. Некоторые люди лишают себя способности мыслить, отказываясь от размышления

ради обильного чтения. Они объедаются книжным материалом и получают умственное несварение.

[9] Книги, наваленные на мозг, вызывают болезнь. Введите книгу внутрь ума — и будете расти. В «Литературных достопримечательностях» Дизраэли приведена обличительная речь Лукиана против людей, которые хвастаются большими библиотеками, но либо никогда не читают их, либо не извлекают никакой пользы. Сначала он сравнивает такого человека с кормчим, который не учился мореходному искусству, или с калекой, который носит вышитые туфли, но не может прямо стоять в них. Затем восклицает: «Зачем ты покупаешь столько книг? У тебя нет волос, а ты приобретаешь гребень; ты слеп, а тебе непременно нужно купить прекрасное зеркало; ты глух, а хочешь иметь лучший музыкальный инструмент!» Вполне заслуженный укор тем, кто думает, будто обладание книгами обеспечивает учёность. В некоторой мере это искушение знакомо всем нам: разве, проведя час-другой в книжной лавке, мы не чувствуем себя мудрее? С таким же успехом человек мог бы считать себя богаче, осмотрев хранилища Банка Англии. Пусть вашим девизом в чтении будет: «Многое, а не многие» — глубина содержания, а не число книг. Не только читайте, но и думайте, всегда соразмеряя размышление с чтением, — и небольшая библиотека не станет большим несчастьем.

[10] Много здравого смысла в замечании автора, писавшего много лет назад в «Куортерли ревью»: «Дайте нам одну дорогую книгу, дёшево купленную с лотка за цену обеда, затёртую пальцами, с загнутыми листами, треснувшим корешком и обломанными углами, с заметками на форзаце и каракулями на полях, запачканную и подпалённую, разорванную и изношенную,

приглаженную в кармане и закопчённую у очага, отсыревшую на траве и запылённую среди золы; книгу, над которой вы мечтали в роще и дремали перед углями, но читали снова, снова и снова, от корки до корки. Эта одна книга и три-четыре её последователя, приходившие по одному, дали больше подлинного образования, чем все несметные тома, гнущие и выпирающие на многомильных полках Бодлианской библиотеки».

[11] Но если чувствуете, что книг непременно должно быть больше, советую немного и разумно занимать их. Скорее всего, у вас найдутся друзья с книгами, достаточно добрые, чтобы позволить пользоваться ими некоторое время. Особенно советую: чтобы иметь возможность брать снова, возвращайте всё одолженное вовремя и в хорошем состоянии. Надеюсь, теперь мне не так необходимо много говорить о возвращении книг, как несколько месяцев назад. Недавно я встретил заявление одного священника, сильно повысившее моё мнение о человеческой природе: он утверждает, что лично знаком с тремя джентльменами, которые действительно вернули взятые взаймы зонты! С сожалением должен сказать, что он вращается в более избранном кругу, чем я: я лично знаю нескольких молодых людей, взявших книги и никогда их не вернувших. На днях один служитель, одолживший мне пять книг, которыми я пользовался два года или больше, написал записку с просьбой вернуть три из них. К его удивлению, они пришли уже со следующей доставкой посылок, а с ними и две другие, о которых он забыл. Я тщательно вёл список взятых книг и потому мог вернуть владельцу всё полностью. Уверен, он не ожидал столь скорого прибытия: он написал мне письмо, полное одновременно изумления и благодарности. И когда я

снова посещу его кабинет, уверен, мне охотно дадут книги ещё. Вы знаете стишок, вписанный во многие книги:

> [12] Коль друг тебя возьмёт взаймы,
> Пусть будет рад тебе:
> Читай, учись, не одолжай,
> Но возврати ко мне.
> Не потому, что знанья дар
> Уменьшит знаний клад,
> А потому, что книги в долг
> Не ходят мне назад.

[13] Сэр Вальтер Скотт говаривал, что его друзья, возможно, весьма посредственные счетоводы, но уж «держать книги» они умеют прекрасно. Некоторым пришлось даже дойти до меры, принятой одним учёным: когда у него попросили книгу, он передал через слугу, что не выпускает книг из своей комнаты, однако желающий может прийти, сесть у него и читать сколько угодно. Ответ последовал неожиданный, но исчерпывающий: когда у учёного плохо разгорался огонь и он послал к тому же человеку за каминными мехами, ему ответили, что хозяин не выпускает мехов из своей комнаты, но джентльмен может прийти и дуть там сколько угодно. Разумное заимствование даст вам много чтения; но помните о взятом взаймы топоре из Писания и берегите то, что берёте. «Нечестивый берёт взаймы и не отдаёт».

[14] Если книжный голод в стране окажется тяжёлым, одна книга есть у всех вас — Библия. Служитель с Библией подобен Давиду с пращой и камнем: он вполне снаряжён для битвы. Никто не вправе сказать, что ему не из какого колодца черпать, пока Писания доступны. В Библии у нас совершенная библиотека; кто основательно её изучает,

будет более учёным человеком, чем если бы поглотил целиком Александрийскую библиотеку. Нашим стремлением должно быть понимание Библии. Мы должны знать её так же близко, как хозяйка знает иглу, купец — свою счётную книгу, моряк — корабль. Нам следует знать её общий ход, содержание каждой книги, подробности повествований, учения, заповеди — всё, что к ней относится. Эразм, говоря об Иерониме, спрашивает: «Кто, кроме него, выучил наизусть всё Писание? Кто так впитал его или так размышлял о нём?» О Витсии, учёном голландце, авторе знаменитого труда «О заветах», рассказывают, что он тоже умел не только повторить каждое слово Писания на языках оригинала, но и указать контекст и замечания лучших толкователей. А об одном старом служителе в Ланкашире я слышал, что он был «ходячей симфонией»: мог либо назвать главу и стих любого приведённого места, либо, наоборот, точно произнести слова по указанной ссылке. Возможно, это был подвиг памяти, но необходимое для него изучение должно было принести огромную пользу. Не говорю, что вам непременно следует к этому стремиться; но если бы вы могли, это было бы вполне достойным приобретением. Одной из сильных сторон своеобразного гения Уильяма Хантингтона — которого я сейчас не собираюсь ни осуждать, ни хвалить — было то, что в проповеди он беспрерывно цитировал Священное Писание и обычно всякий раз называл главу и стих. А чтобы показать свою независимость от печатной книги, он имел неблаговидную привычку убирать Библию с переднего края кафедры.

15 Человек, усвоивший не только букву Библии, но и её внутренний дух, не будет ничтожным человеком, какие бы недостатки ему ни мешали. Вы знаете старое

изречение: Cave ab homine unius libri — «Берегись человека одной книги». Он страшный противник. Человек, у которого Библия и на кончиках пальцев, и в глубине сердца, — богатырь в нашем Израиле; с ним не потягаешься. У вас может быть целый арсенал оружия, но его знание Писания одолеет вас: это меч, подобный мечу Голиафа, о котором Давид сказал: «Нет ему подобного». Насколько я знаю, исполненный благодати Уильям Ромейн в последнюю пору жизни отложил все книги и не читал ничего, кроме Библии. Он был учёным человеком, но одна Книга всецело завладела им и сделала его сильным. Если нужда заставляет нас делать то же, вспомним, что некоторые избирали это добровольно, и не станем оплакивать свою долю: Писания будут слаще мёда нашему вкусу и сделают нас «разумнее старцев». У нас никогда не будет недостатка в святом содержании, если мы постоянно изучаем богодухновенную Книгу. Более того, мы найдём там не только содержание, но и примеры: Библия сама лучше всего иллюстрирует себя. Нужен рассказ о случае, сравнение, аллегория или притча — обратитесь к священной странице. Библейская истина никогда не бывает так прекрасна, как когда украшена драгоценностями из собственной сокровищницы. Недавно я читал книги Царств и Паралипоменон и влюбился в них: если читать открытыми глазами, они столь же полны божественного наставления, как Псалмы или Пророки. Кажется, Амвросий говорил: «Я благоговею перед бесконечностью Писания». О Книге Божьей я слышу тот же голос, который звучал в ушах Августина: Tolle, lege — «Возьми, читай». Возможно, вам предстоит жить в уединении какой-нибудь деревни, где не найдётся собеседника, превосходящего вас знаниями, и встретится совсем немного книг, достойных чтения. Тогда читайте и

размышляйте о законе Господнем день и ночь — и будете «как дерево, посаженное при потоках вод». Сделайте Библию своей правой рукой, спутницей каждого часа — и у вас будет мало причин сетовать на скудость второстепенного оснащения.

16 Я хотел бы настойчиво запечатлеть в вас истину: недостаток пособий можно восполнить обильным размышлением. Думать лучше, чем обладать книгами. Мышление — упражнение души, которое и развивает её силы, и воспитывает их. Одну маленькую девочку спросили, знает ли она, что такое её душа; к удивлению всех, она ответила: «Сэр, моя душа — это моя думалка». Если это верно, у некоторых людей души совсем немного. Без размышления чтение не принесёт уму пользы, но может обмануть человека, внушив, будто он становится мудрее. Для некоторых книги — своего рода идол. Как изображение у римского католика предназначено напоминать о Христе, а на деле удерживает от Христа, так книги предназначены побуждать людей мыслить, но часто мешают мысли. Когда Джордж Фокс взял острый нож и выкроил себе кожаные штаны, а затем, покончив с общественными модами, укрылся в дупле дерева и месяцами предавался размышлению, он становился человеком мысли, перед которым книжные люди скоро обратились в бегство. Какой переполох он произвёл не только среди папизма, прелатства и пресвитерианства своего времени, но и среди начитанной благопристойности диссентеров! Он смёл с небосвода несчётную паутину и задал книжным червям жару. Мысль — позвоночник учёбы; какое благословение было бы, если бы больше служителей думали! Но нам нужны люди, которые будут размышлять об открытой Богом истине, а не мечтатели, выводящие религии из

собственного сознания. В наши дни нам досаждает порода людей, которым непременно надо стоять на голове и думать ногами. Под размышлением они понимают сочинение небылиц. Вместо рассмотрения открытой истины они выдумывают собственную мешанину, где заблуждение, бессмыслица и самомнение присутствуют примерно поровну; эту похлёбку они называют «современной мыслью». Нам нужны люди, старающиеся мыслить прямо и вместе с тем глубоко, потому что мыслят Божьи мысли. Да будет далека от меня мысль призывать вас подражать хвастливым мыслителям века, которые опустошают свои молитвенные дома, а потом хвалятся, что проповедуют образованным и интеллектуальным людям. Это жалкое притворство. Серьёзное размышление о вещах, в которых мы твердо убеждены, — совсем иное дело; к нему я и призываю. Лично я многим обязан часам и даже дням, проведённым в одиночестве под старым дубом у реки Медуэй. Когда я заканчивал школу, мне случилось немного заболеть, и мне дали немало свободного времени. Вооружившись отличной удочкой, я поймал несколько мелких рыбёшек и предавался многим мечтаниям, перемежая их исследованием сердца и долгим обдумыванием приобретённых знаний. Если бы мальчики размышляли, было бы хорошо давать им меньше классной работы и больше возможностей думать. Сплошное набивание без усвоения создаёт плоть без мышц, и в умственном отношении это ещё прискорбнее, чем в телесном. Если ваших прихожан недостаточно, чтобы снабдить вас библиотекой, они будут меньше требовать вашего времени; имея время на размышление, вы окажетесь даже в лучшем положении, чем братья, у которых много книг и мало простора для тихого созерцания.

17 Даже без книг человек может многому научиться, если держит глаза открытыми. Текущая история, случаи под самым носом, события, описанные в газете, предметы общих разговоров — из всего можно учиться. Удивительна разница между наличием глаз и их отсутствием. Если у вас нет книг, чтобы напрягать зрение, держите глаза открытыми везде, куда идёте, — и найдёте нечто достойное взгляда. Разве нельзя учиться у природы? Каждый цветок ждёт, чтобы наставить вас. «Посмотрите на лилии» и учитесь у роз. Не только к муравью можно пойти: всякое живое существо предлагает вам урок. В каждом порыве ветра есть голос, в каждой несомой им пылинке — наставление. По утрам проповеди блестят на каждой травинке, и поучения пролетают мимо, когда сухие листья падают с деревьев. Лес — библиотека, хлебное поле — том философии, скала — история, а река у её подножия — поэма. Иди же, человек с открытыми глазами, и находи уроки мудрости всюду: на небе вверху, на земле внизу и в водах под землёй. Книги бедны в сравнении с этим.

18 Кроме того, как бы скудны ни были ваши библиотеки, вы можете изучать себя. Это таинственный том, большую часть которого вы ещё не прочли. Кто думает, будто знает себя вполне, обманывается: самая трудная книга, какую вам предстоит читать, — ваше собственное сердце. На днях я сказал одному сомневающемуся, словно блуждавшему в лабиринте: «Право, я не могу вас понять, но не огорчаюсь: ведь я и себя никогда не мог понять». Я совершенно искренне это говорил. Наблюдайте изгибы, повороты и особенности своего ума, странности своего опыта, порочность своего сердца и дело божественной благодати, склонность ко греху и способность к святости; как вы сродни дьяволу и вместе с тем как близки Самому

Богу! Замечайте, как мудро можете действовать, наученные Богом, и как глупо ведёте себя, оставленные самим себе. Вы обнаружите, что изучение собственного сердца имеет для вас огромное значение как для стражей чужих душ. Собственный опыт должен быть для человека лабораторией, где он испытывает лекарства, прописываемые другим. Даже свои недостатки и неудачи научат вас, если принесёте их Господу. Совершенно безгрешные люди не смогли бы сочувствовать несовершенным мужчинам и женщинам. Изучайте, как Господь обращается с вашими душами, — и больше узнаете о Его путях с другими.

19 Читайте других людей: они поучительны не меньше книг. Предположим, в одну из наших больших больниц пришёл молодой ученик, столь бедный, что не может покупать хирургические книги. Это, несомненно, большой ущерб для него; но если он может свободно бывать в больнице, видеть операции, изо дня в день наблюдать больных, я не удивился бы, если бы из него вышел столь же искусный хирург, как из более обеспеченных товарищей. Наблюдение покажет ему то, чего не дадут одни книги; стоя рядом при удалении конечности, перевязке раны или перевязывании артерии, он по меньшей мере может усвоить достаточно практической хирургии, чтобы это принесло огромную пользу. Так и многое необходимое служитель должен узнавать непосредственным наблюдением. Все мудрые пасторы проходили духовную больничную практику: имели дело с ищущими, лицемерами, отступившими, отчаявшимися и самонадеянными. Человек, сам получивший здравый практический опыт в делах Божьих и наблюдавший сердца ближних, при прочих равных будет гораздо полезнее того, кто знает лишь прочитанное. Очень жаль,

когда человек становится колледжским франтом, который выходит из класса, словно из шляпной коробки, в прежде не виданный мир, чтобы иметь дело с людьми, которых никогда не наблюдал, и обращаться с фактами, с которыми лично не соприкасался. «Не из новообращённых», — говорит апостол; но можно оставаться новичком, будучи весьма образованным учёным, знатоком классики, математиком и теоретическим богословом. Нам нужно практическое знакомство с человеческими душами; если его много, малое число книг будет лёгкой скорбью. «Но как же читать человека?» — спрашивает пытливый брат. Я слышал об одном джентльмене: говорили, что невозможно простоять с ним пять минут под аркой, чтобы он чему-нибудь тебя не научил. Это был мудрый человек; но ещё мудрее был бы тот, кто никогда не простоит пяти минут под аркой, не научившись чему-нибудь у других. Мудрые могут узнать у глупца не меньше, чем у философа. Глупец — прекрасная книга для чтения, потому что каждый лист раскрыт перед вами; в слоге есть примесь комического, которая манит читать дальше, и, даже если вы ничего другого не приобретёте, то получите предостережение не выставлять собственной глупости напоказ.

[20] Учитесь у опытных святых. Каким глубоким вещам некоторые из них могут научить нас, молодых! Какие примеры промыслительной помощи Господа способны рассказать Его бедняки; как они хвалятся поддерживающей благодатью и верностью Его завету! Какой свежий свет они часто проливают на обетования, раскрывая смыслы, скрытые от мудрых по плоти, но ясные простым сердцам! Разве вы не знаете, что многие обетования написаны невидимыми чернилами и их надо

поднести к огню скорби, прежде чем проявятся буквы? Испытанные души — великие наставники для служителей.

21 А сколько можно почерпнуть у ищущего! Беседуя с ищущими душами, я очень многое увидел в собственной непонятливости. Один бедный юноша ставил меня в тупик, когда я старался привести его к Спасителю: мне казалось, что я крепко его держу, а он снова и снова ускользал с извращённой изобретательностью неверия. Иногда ищущие, которые действительно тревожатся о своей душе, удивляют меня необычайным искусством бороться против надежды; доводы их бесконечны, затруднения неисчислимы. Они вновь и вновь доводят нас до non plus — полного тупика. В конце концов благодать Божья позволяет привести их к свету, но лишь после того, как мы увидим собственную несостоятельность. В странных извращениях неверия, в своеобразных истолкованиях и превратных толкованиях, которые унывающие дают своим чувствам и словам Писания, вы часто найдёте целый мир наставления. Если речь идёт о практической подготовке к пасторству, я скорее дал бы молодому человеку час с ищущими и душевно угнетёнными, чем неделю в лучших наших классах.

22 Ещё одно: чаще бывайте у смертных одров — это озарённые книги. Там вы прочтёте саму поэзию нашей религии и узнаете её тайны. Какие великолепные драгоценности вымывают волны Иордана! Какие прекрасные цветы растут на его берегах! Вечные источники в стране славы высоко вздымают брызги, и капли росы падают по эту сторону узкого потока. Я слышал, как смиренные мужчины и женщины в последние часы говорили словно по вдохновению,

произнося необыкновенные слова, пылающие небесной славой. Никакие уста под луной не научили их этому: должно быть, они услышали это, сидя в предместьях Нового Иерусалима. Бог шепчет им это в уши среди боли и слабости; а затем они рассказывают нам немного из открытого Духом. Я расстанусь со всеми книгами, лишь бы мне было дано увидеть, как Илии Господа поднимаются на свои огненные колесницы.

[23] Не достаточно ли об этом предмете? Если вы желаете ещё, мне пора вспомнить мудрое изречение: лучше отпустить слушателей жаждущими продолжения, чем исполненными отвращения. И потому — Adieu, до свидания!

Примечания

1. Епископ Рейнольдс. Примечание Сперджена; относится к цитируемому здесь богослову. ↑

2. В издании 1875 года напечатана ссылка «Иов 1:2». Описанное высказывание сатаны находится в Иов 1:11; ср. также 2:5. Неточная ссылка сохранена как особенность оригинала. ↑

3. Слова об освящении Господа в приближающихся к Нему соответствуют Левит 10:3. В историческом издании в этом месте дана ссылка «Исаия 52:11» — стих о чистоте несущих сосуды Господни. Ссылка оригинала сохранена. ↑

4. Утверждение о том, что Святой Дух сохранил деяния, а не проповеди апостолов, — риторическое противопоставление автора. В книге Деяний присутствуют речи Петра, Стефана, Павла и других; слова Сперджена не следует понимать как буквальное отрицание этого. ↑

5. Малодушный, Хромающий и Великодушный — аллегорические персонажи второй части «Путешествия пилигрима» Джона Беньяна (Feeble-mind, Ready-to-halt, Great-heart). Автор использует их имена как образы духовной слабости и силы. ↑

6. Тарпейская скала — обрыв на Капитолийском холме в древнем Риме, с которого сбрасывали осуждённых. Здесь — образ высоты, ставшей местом гибели. ↑

7. Амессай — военачальник, убитый Иоавом. Его тело, лежавшее на дороге, останавливало проходивших воинов (2 Царств 20:9–13; в английской нумерации 2 Samuel). ↑

8. Дж. М. Моррис. Биографические воспоминания о преподобном Роберте Холле, магистре искусств. 1833. ↑

9. Мы не решились бы выразиться именно так. Прежде чем поощрять это желание, нужно, чтобы дарования хоть в какой-то мере обнаружились. И всё же в главном мы согласны с мистером Ньютоном. ↑

10. Редакционное примечание. В оригинале здесь назван Тит. Призыв исполнить служение обращён к Тимофею (2 Тимофею 4:5). Авторская формулировка сохранена. ↑

11. Жизнь и литературное наследие преподобного Роберта Мюррея Мак-Чейна, с. 61. Это одна из лучших и самых полезных книг, когда-либо изданных. Каждому служителю следует часто её читать. ↑

12. Чарльз Стэнфорд. Джозеф Аллейн: его соратники и его время. Превосходная биография. ↑

13. Джонатан Эдвардс, магистр искусств, президент Колледжа Нью-Джерси. Жизнь преподобного Дэвида Брейнерда, миссионера среди индейцев. Лондон, 1818. ↑

14. Преподобный Джон Сарджент, магистр искусств, настоятель в Лавингтоне. Жизнеописание преподобного Генри Мартина, бакалавра богословия, капеллана почтенной Ост-Индской компании. 1855. ↑

15. Флекно. ↑

16. «Denique sine monitore, quia de pectore oramus». Тертуллиан. Апология, гл. 30. ↑

17. «Ὅση δύναμις αὐτῷ». Иустин Мученик. Первая апология, гл. 68, с. 270. Издание Отто. ↑

18. Рассуждение о молитвенных чинах и их обязательном введении. Сочинения Джона Оуэна, т. 15. Издание Гулда. ↑

19. Справедливость требует признать — и мы с удовольствием это делаем, — что в последние годы этот недостаток встречается всё реже. ↑

20. Редакционное примечание. В разборе библейских цитат сохранена нумерация псалмов и стихов английского оригинала; она местами отличается от принятой в русском Синодальном переводе. Сами формулировки здесь переведены с английского, поскольку рассуждение автора зависит от точных слов и добавлений в английских молитвах. ↑

21. Редакционное примечание. В издании 1875 года напечатано «Heb. i. 13» — «Евреям 1:13». Цитируемые слова находятся в Аввакуме 1:13; имя Аввакума названо и в предшествующей авторской фразе. Исходная ошибочная ссылка сохранена. ↑

22. Редакционное примечание. Выражение «бабьи басни» находится в 1 Тимофею 4:7, в послании Павла; в оригинале автор называет Петра. Исходное чтение сохранено. ↑

23. Редакционное примечание. Terra firma — «твёрдая земля»; Dominus illuminatio mea — «Господь — просвещение моё»; Aristoteles meae tenebrae — «Аристотель — моя тьма». Латинские выражения сохранены из оригинала. ↑

24. «Мгновенного размышления о вечных последствиях, которые могут проистечь из одной проповеди во имя великого Начальника и Совершителя веры, должно быть достаточно, чтобы действенно обличить случайную небрежность и безрассудное самомнение, с которыми порой выбирают и разбирают тексты, и внушить каждому истинному служителю Евангелия обязанность всякий раз, исполняя это важное дело, выбирать тексты в таком расположении духа, которое согласуется с Божьим руководством». — Дэниел П. Киддер. «Трактат о гомилетике, предназначенный разъяснить истинную теорию и практику проповеди Евангелия». ↑

25. «Вид нескольких ягнят, оставленных на холоде, и бедной овцы, погибавшей от недостатка заботы, привёл меня к плодотворному размышлению о попечении нашего доброго Пастыря о Своём стаде». — Дневник Эндрю Фуллера. ↑

26. Редакционное примечание. Игра слов основана на английском имени James: король был James I в Англии и James VI в Шотландии, а ссылка «James 1:6» обозначает Иакова 1:6. ↑

27. Редакционное примечание. Bene orasse est bene studuisse — «Хорошо помолиться — значит хорошо поучиться». ↑

28. «Аллегорическая проповедь портит вкус и сковывает разум как проповедника, так и слушателей». — Адам Кларк. Правило Уэсли лучше: «Будьте умеренны в аллегорическом и духовном истолковании». ↑

29. Что, например, кроме простой привередливости или чего-нибудь худшего, могло побудить господина Атаназа Кокереля написать такие критические замечания: «Для нас, христиан, всеобщее и верховное священство Сына нисколько не выигрывает от сравнения с первосвященством Мелхиседека; и наше странствие к небесной отчизне под водительством Иисуса очень мало похоже на путь Израиля в обетованную землю под водительством Иисуса Навина, несмотря на одинаковость имён»!!! … «Великое множество текстов с удивительной лёгкостью поддаётся такому толкованию, которое вовсе не есть толкование. “Господи, спаси нас, погибаем!” — восклицали апостолы, когда буря на Галилейском озере грозила поглотить их лодку. “Хочешь

ли быть здоров?” — сказал Христос расслабленному у Вифезды. Мы чувствуем, как легко придать этим словам аллегорический смысл. Это делали тысячи раз; и едва ли какой-нибудь проповедник, особенно в день скудости изученных текстов и созревших планов, откажет себе в пользовании этим средством, тем более соблазнительным, что оно чрезвычайно легко. Я составил длинную проповедь о приглашении Моисея своему тестю Хобаву, или Иофору (Чис. 10:29): “Мы идём в то место, о котором Господь сказал: вам отдам его; иди с нами”. Деление уже было готово: начать историческим вступлением. Это место — небо. Только Господь даёт его нам в отчизну. Истинно верующий говорит каждому брату: “Иди с нами”. … И я до сих пор не могу простить себе, что написал и выучил наизусть тридцать страниц в четвертую долю листа на эту тему». Если бы господин Кокерель был повинен лишь в таком проступке, он был бы гораздо лучшим богословом, чем теперь. ↑

30. Не точнее ли было бы отнести это к слушателям, напичканным подобной бессмыслицей? ↑

31. Саут не всегда благопристоен; будь он диссентером, его заглушили бы криками за вульгарность. Его гений бесспорен, но рот ему не мешало бы вымыть. ↑

32. Люди, лишённые воображения и юмора, будут это отрицать, подобно тому как орлы могли бы оспаривать законность охоты на мух. Однако ласточки созданы именно для этой цели; так и для некоторых людей упражнение благочестивого воображения составляет одну из главных целей их устройства. ↑

33. Сэмюэл Мэзер по-прежнему остаётся признанным авторитетом в этой области. Рекомендуем учащемуся его труд. ↑

34. Примечание редакции. «Десять частей» — чтение оригинального издания, сохранённое в переводе. В Судей 19:29 названы двенадцать частей. ↑

35. Примечание редакции. В оригинале действительно сказано «седьмую». Однако слова «не желай жены» относятся к запрету пожелания в Исходе 20:17, то есть к десятой заповеди в принятой автором протестантской нумерации; седьмая — «не прелюбодействуй» (Исх. 20:14). Повторное обозначение этого предостережения как третьего также оставлено по оригиналу. ↑

36. «Остерегайтесь всего неловкого или искусственного — в жесте, выражении или произношении». — Джон Уэсли. ↑

37. Популярный трактат «Причины и предупреждение болезней», Сэмюэл Фенвик, доктор медицины. Том I: «Болезни горла и лёгких». Издатель Джон Черчилль, Нью-Бёрлингтон-стрит. ↑

38. Когда Джонсона спросили, похож ли Бёрк на Туллия Цицерона, он ответил: «Нет, сэр, он похож на Эдмунда Бёрка». ↑

39. Молодой проповедник, желая улучшить свою манеру, написал Джейкобу Груберу с просьбой о совете. Он привык растягивать слова, особенно в возбуждении. Старик прислал следующий краткий ответ: «Дорогой — а-а! — брат — а-а! Когда — а-а — ты — а-а — идёшь — а-а — проповедовать — а-а, позаботься — а-а, чтобы — а-а — ты — а-а — не — а-а — говорил — а-а — а-а — а-а! Твой — а-а, ДЖЕЙКОБ — А-А — ГРУБЕР — А-А». ↑

40. Редакционное примечание. Рассуждения этой лекции о болезнях горла, бронхите, простуде, шарфах, перце и вяжущих средствах передают взгляды и личный опыт автора XIX века. Они сохранены как часть исторического текста и не являются современными медицинскими рекомендациями. Сам Сперджен прямо оговаривает, что не имеет медицинской квалификации. ↑

41. Мистер Уэсли счёл необходимым сказать: «Не пойте гимнов собственного сочинения». В его время среди богословов была широко распространена привычка предлагать для пения стихи собственной стряпни; хочется надеяться, что теперь она совершенно исчезла. ↑

42. «Есть люди, устроенные так, чтобы хорошо говорить, как есть птицы, устроенные так, чтобы хорошо петь, пчёлы — чтобы делать мёд, и бобры — чтобы строить». — Господин Ботен. ↑

43. «Вначале главной моей заботой было: что я найду сказать? Надеюсь, теперь я больше забочусь о том, чтобы не говорить напрасно. Ибо Господь послал меня сюда не приобретать славу находчивого оратора, а приобретать души для Христа и назидать Его народ. Нередко, начиная, я не знаю, как буду продолжать; но одно незаметно возникает вслед за другим, и обычно лучшие и самые полезные части моей проповеди приходят de novo, то есть впервые, уже во время проповеди». — Джон Ньютон. «Письма студенту богословия». ↑

44. Примечание редакции. Утверждения о привыкании глаз к очкам и тела к тростям и костылям здесь служат исторической авторской аналогией. Они не являются современной медицинской рекомендацией

и не означают, что следует отказываться от назначенных средств коррекции зрения или поддержки движения. ↑

45. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова 40:1, 2, 3, 4, 5–8. ↑

46. Томас Уошборн. ↑

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн